Э. БЕРЕНДТС

О
ГОСУДАРСТВЕ
1.

A
221
366

А 221
366

Э. Н. БЕРЕНДТСЪ.

О государствѣ.

БЕСѢДЫ

СЪ ЮНКЕРАМИ НИКОЛАЕВСКАГО КАВАЛЕРІЙСКАГО УЧИЛИЩА

ВЪ 1906—1907 УЧЕБНОМЪ ГОДУ.

ВЫПУСКЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. В. о., 5 л., 28.
1908.

А 221
366

Э. Н. БЕРЕНДТСЪ.

О государствѣ.

БЕСѢДЫ

СЪ ЮНКЕРАМИ НИКОЛАЕВСКАГО КАВАЛЕРІЙСКАГО УЧИЛИЩА

ВЪ 1906—1907 УЧЕБНОМЪ ГОДУ.

ВЫПУСКЪ I.

1/X·33 НД

ГУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. В. о., 5 л., 28.
1908.

3696

2007058734

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
О государствѣ вообще	1— 23
Государство съ точки зрѣнія духовно-нравственной	23— 39
Государство какъ союзъ территоріальный	40— 63
Государственное единство и автономія окраинъ	63— 97
Объ автономіи Польши	98—108
Объ автономіи Финляндіи	108—139
О государственной власти	139—172
О неограниченной, или абсолютной монархіи	172—187
О конституціонной монархіи	187—246

О государствѣ вообще.

Можетъ ли человѣкъ жить внѣ государства? Нѣтъ. Человѣкъ для жизни разумной нуждается въ общеніи съ другими людьми. Въ одиночествѣ его силы и способности, какъ физическія (т. е. тѣлесныя), такъ и умственныя и нравственныя чахнутъ и не могутъ развиться и примѣняться съ пользою. Въ одиночествѣ жизнь—лишеніе и страданіе, а „на людяхъ и смерть красна“. Искони человѣкъ жилъ въ семьѣ. Семья—первообразъ государства. Семейная связь—Богомъ установленная, природная и постоянная связь, основанная на: 1) подчиненіи главѣ семьи, 2) на взаимной любви членовъ семьи, и 3) на взаимопомощи и сотрудничествѣ членовъ семьи для удовлетворенія общимъ потребностямъ семьи, вещественнымъ и невещественнымъ (пропитаніе, устройство жилища, воспитаніе, образованіе). Правильная, семейная жизнь предполагаетъ извѣстный, опредѣленный твердый порядокъ, т. е. совокупность правилъ, коими руководствуются члены семьи

во всѣхъ взаимоотношеніяхъ и совмѣстныхъ трудахъ. Безъ порядка и твердыхъ правилъ люди не могутъ жить въ мирѣ и согласіи. Неупорядоченная жизнь ведетъ къ разгулу страстей, къ лишней и непроизводительной тратѣ силъ, къ угнетенію слабыхъ сильными, къ необузданному проявленію человѣческаго себялюбія и корысти. У самыхъ дикихъ племенъ, на самыхъ первобытныхъ ступеняхъ развитія народовъ мы встрѣчаемъ семейные союзы, затѣмъ союзы родовые (т. е. связь семействъ, происшедшихъ отъ одного родоначальника), наконецъ союзы племенные, состоящіе изъ множества семей, отдѣльныхъ лицъ и родовъ, объединенныхъ общностью происхожденія. языка, вѣрованій и общностью или кочевокъ, или осѣдлости. И жизнь всѣхъ этихъ союзовъ и общеній повсюду и всегда регулирована, упорядочена какими-либо, хотя бы весьма простыми и несложными правилами, обязательными для всѣхъ членовъ семьи, рода и племени. О томъ свидѣтельствуетъ исторія всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, о томъ же свидѣтельствуетъ и изслѣдованіе быта дикихъ племенъ въ Австраліи и Африкѣ. Мы не знаемъ ни одного примѣра, чтобы болѣе или менѣе значительная группа людей жила безъ всякой организаціи, безъ установленныхъ правилъ и порядка. Мало того, даже животныя живутъ въ опредѣленномъ, упорядоченномъ общеніи. Всякій мало мальски знакомый съ явленіями окружающей его природы, — знаетъ про правильно организованную жизнь муравейника и пчелъ. Даже

обезьяны въ лѣсахъ Африки имѣютъ свое общественное устройство.

Во всѣхъ семейныхъ, родовыхъ и племенныхъ общеніяхъ наблюденіе за порядкомъ и исполненіемъ установленныхъ правилъ лежитъ въ рукахъ особо на то поставленныхъ лицъ или одного лица, т.-е. во всѣхъ общеніяхъ имѣется власть. Ни въ мірѣ человѣческомъ, ни въ царствѣ животномъ нѣтъ общенія безъ власти. Правила (законы) и власть необходимы для сохраненія установленнаго порядка.

Несмотря на то, что опытъ всѣхъ временъ и народовъ доказываетъ, что нигдѣ и никогда люди не могли обходиться безъ правильнаго общенія съ себѣ подобными, безъ законовъ (правилъ общежитія) и безъ власти, охраняющей и возстанавливающей порядокъ,—не умолкаютъ голоса тѣхъ якобы „передовыхъ“ людей и смѣлыхъ мечтателей, которые въ безвластіи (анархіи) и отсутствіи всякаго порядка и всякихъ обязательныхъ и связывающихъ людей законовъ,—видятъ залогъ счастья и благоденствія человѣчества. Особенно враждебно эти сторонники анархіи, т. н. анархисты, относятся къ государству, какъ къ наиболѣе совершенной формѣ человѣческаго общенія, которая по мнѣнію анархистовъ препятствуетъ человѣку насладиться неограниченно всѣми благами жизни и всѣми силами его души и тѣла. Только тогда, когда человѣкъ рѣшится порвать всѣ узы семейныя, родовыя, государственныя, онъ можетъ стать счастливымъ. Всѣ наши понятія о грѣхѣ, о дозволенномъ и недозволенномъ, о томъ, что нельзя предаваться необуздано

страстямъ своимъ, своей корысти и самолюбію,—все это старые предразсудки, выдуманные людьми для липенія человѣчества естественнаго счастья. Одинъ изъ нѣмецкихъ анархистовъ (М. Штирнеръ) заявилъ, что нужно отречься даже отъ понятія о человѣколюбіи, гуманности и что если допустимо общеніе людей, то только общеніе—свободныхъ эгоистовъ.

Иными словами — отъ понятій: право, обязанность, законъ,—должно отказаться и предоставить все силѣ и произволу отдѣльныхъ людей. Господство кулачнаго права дастъ человѣчеству счастье. Т.-е. другими словами человѣчеству предлагается опуститься ниже муравья и пчелы,—на ступень хищныхъ, дикихъ звѣрей Однако съ такой ступени люди ушли въ досторическое время, когда они обитали пещеры, подобно медвѣдямъ. Вѣроятно, весьма основательныя причины побудили ихъ бросить этотъ образъ жизни.

Другіе анархисты въ своемъ ученіи не идутъ такъ далеко. Они хотятъ разрушить только современное государство и на мѣсто его поставить безсвязное множество мелкихъ общественныхъ союзовъ, общинъ, коммунъ. Они совѣтуютъ отобрать всю землю у помѣщиковъ и бояръ, поголовно изгнать, а мѣстами и истребить начальство и всѣхъ представителей государства, а затѣмъ образовать казачьи круги, т.-е. вольное самоуправленіе общинъ съ выборными отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли. Ихъ идеалъ состоитъ въ томъ, чтобы не было болѣе ни Россіи, ни Германіи, Франціи, Англіи и т. д., а чтобы весь міръ со-

стоялъ изъ такихъ мелкихъ мірковъ, которые управлялись бы не постоянными законами, а на основаніи случайныхъ, вѣчно измѣняемыхъ рѣшеній общинниковъ. И здѣсь мы видимъ желаніе возвратиться къ давно минувшимъ временамъ, къ времени, предшествовавшему образованію, напр., русскаго государства въ 862. И поневолѣ припоминаются слова нашего лѣтописца, разсказывающаго, какъ жили разъединенные славяне и финны безъ государственнаго порядка. „И возста родъ на родъ и не было правды между ними“. Пришлось послать за варягами и просить ихъ возвратиться „володѣть“, т.-е. править враждующими другъ съ другомъ „свободными“ людьми. Всѣ государства, про которыя повѣствуетъ исторія, сложились изъ такихъ мелкихъ самоуправляющихся союзовъ, не бывшихъ въ состояніи ни защитить себя противъ враговъ внѣшнихъ, ни охранять миръ и порядокъ внутренніе. Безъ нужды не образовалось бы ни одно государство. Если бы внѣ государства жилось лучше, и государствъ не было бы. Никто самъ себѣ не врагъ.

Для того, чтобы понять и вѣрно оцѣнить суть противогосударственнаго ученія анархистовъ нужно обратить вниманіе на тѣ средства и способы, при помощи коихъ анархисты-революціонеры хотятъ достигнуть цѣли. Извѣстный русскій революціонеръ-анархистъ Бакунинъ говоритъ слѣдующее: „Революціонеръ — человѣкъ, принявшій постригъ. Въ глубинѣ своего существа, и не на словахъ, а на дѣлѣ, онъ разорвалъ съ гражданскимъ порядкомъ, со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, съ при-

знанными въ этомъ мірѣ законами, правами, моралью и обычаями. Онъ—ихъ непримиримый врагъ, и если онъ продолжаетъ жить въ этомъ мірѣ, то для того, чтобы вѣрнѣе его разрушить. Революціонеръ ненавидитъ всякое доктринерство и отрекается отъ нынѣшней *науки*, которую онъ предоставляетъ будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ только одну науку — *разрушеніе*. Для этой, и только для этой цѣли изучаетъ онъ механику, физику, химію и даже медицину. Для этой же цѣли изучаетъ онъ день и ночь живую науку,—людей, характеры и отношенія. Онъ презираетъ общественное мнѣніе. Онъ презираетъ и ненавидитъ существующую общественную мораль во всѣхъ ея мотивахъ и проявленіяхъ. *Для него нравственно* все, что содѣйствуетъ торжеству революціи, безнравственно и преступно все, что тому препятствуетъ".

Революціонеръ-анархистъ долженъ освободиться отъ всякихъ чувствъ, дружбы, любви, родственныхъ привязанностей. При томъ онъ долженъ скрывать свои истинныя чувства и побужденія. Лицемѣріе не только дозволено, но даже похвально. Революціонная мораль учитъ, что цѣль оправдываетъ средства.

Ради успѣха разрушенія революціонеръ-анархистъ можетъ и часто долженъ жить въ обществѣ и дѣлать видъ, что онъ совсѣмъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ. Онъ долженъ открыть себѣ доступъ всюду: въ высшее общество, въ среднее сословіе, въ купеческія лавки и въ церковь, въ аристокра-

тическія палаты, въ бюрократическій, военный и литературный міръ, въ тайную полицію и даже въ дворцы государей.

Для чего все это? Для того, чтобы „сортировать“ людей и составлять списки лицъ, подлежащихъ уничтоженію. Все общество, подлежащее уничтоженію, дѣлится на пять категорій, согласно постепенности ихъ „истребленія“ (женщины составляютъ особую категорію съ тремя подраздѣленіями). Одни должны быть истреблены немедленно, другихъ приберегаютъ до лучшихъ дней, съ третьими наружно вступаютъ въ союзъ для послѣдующаго уничтоженія (либералы), съ четвертыми живутъ въ нѣжной дружбѣ, подготовляя и ихъ гибель (политическіе революціонеры).

И какова цѣль этой гнусной, нечеловѣческой жестокости? Благо народа, — отвѣчаютъ анархисты.

„Революціонная ассоціація, говоритъ Бакунинъ, не имѣетъ другой цѣли, какъ полное освобожденіе и благо народа, т.-е. чернорабочаго люда“ (Всѣ, кто не принадлежитъ къ этой категоріи, по мнѣнію анархистовъ, — не народъ).

„Но признавая, что эта эманципація и это благо могутъ быть осуществлены только всеразрушающею народною революціею, ассоціація приложитъ всѣ силы и средства къ *увеличенію* золъ и народныхъ страданій, чтобы, наконецъ, истощить народное терпѣніе и возжечь возстаніе массъ“.

Разрушеніе всѣхъ государствъ, уничтоженіе „буржуазной“ цивилизаціи, вольная организація снизу вверхъ посредствомъ вольныхъ союзовъ, организа-

ціи разпуздапной чернорабочей черни всего освобожденнаго человѣчества, созданіе новаго общечеловѣческаго міра, вотъ къ чему стремятся анархисты.

Для достиженія этой цѣли въ Россіи Бакунинъ и его послѣдователи считаютъ наиболѣе полезнымъ вступать въ союзъ съ тѣми народными элементами, которые съ самого основанія Московскаго государства, непрестанно—и не на словахъ только, а на дѣлѣ—протестовали противъ всего, что прямо или косвенно было связано съ государствомъ.

„Мы должны,—говоритъ Бакунинъ,—соединиться съ міромъ разбойниковъ, единственныхъ и дѣйствительныхъ русскихъ революціонеровъ“.

Исторія послѣднихъ 40 лѣтъ доказала, что анархисты, противники государства, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ культурнаго міра, дѣйствовали точно по этой программѣ.

Рядъ покушеній на жизнь императора Александра II, его убійство 1 марта 1881 г., убійство короля Гумберта, императрицы Елизаветы австрійской, президента Французской республики Карно, гибель цѣлыхъ сотенъ государственныхъ должностныхъ лицъ, метаніе бомбъ во французскую палату депутатовъ, въ театрѣ въ Барцелонѣ, систематическое подстрекательство рабочихъ къ стачкамъ и забастовкамъ, истощавшимъ ихъ силы, разворявшимъ ихъ семьи, колеблющимъ все народное хозяйство, желѣзнодорожная забастовка, забастовка почтъ, водопроводовъ и т. д., наносившія невознаградимый вредъ всему народу, звѣрскія убійства и покушенія (въ Севастополѣ!), провокаторство къ погромамъ въ

Бѣлостокѣ и Сѣдлецѣ, предательскія сношенія съ врагами, шпіонство въ пользу и въ интересахъ Японіи, укорененіе безпорядковъ въ школахъ всѣхъ разрядовъ, уничтоженіе помѣщичьихъ усадебъ, хозяйствъ, фабрикъ, дававшихъ заработки крестьянскому населенію, революціонное движеніе на окраинахъ, звѣрское избіеніе солдатъ и офицеровъ, возвратъ и инстинктъ кровожадности, внесенные въ общество, систематическіе разбои, именуемые „экспропріаціями", разоренія нефтяныхъ промысловъ въ Баку, пожаръ порта въ Одессѣ, подстрекательство къ измѣнѣ въ арміи и во флотѣ, — всѣ эти гибельныя для Россіи дѣйствія (таковыя же событія, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, имѣли мѣсто и въ Америкѣ, и на Западѣ Европы) соотвѣтствуютъ пунктъ за пунктомъ рецепту анархистовъ. Болячки и страданія, которыми богата жизнь человѣчества, увеличены до крайности, нравы огрубѣли, совѣсть заснула, — развитіе народовъ идетъ почти вспять. — Достигнута ли цѣль всѣхъ этихъ злодѣяній? Гдѣ благо народное?

Человѣкъ, не лишенный разсудка, не можетъ не признать, что по этому пути нельзя достигнуть намѣченной цѣли. Разрушеніе государства и его порядка не сулитъ ничего хорошаго. И если бы дѣйствительно цѣль анархистовъ была достигнута, — всѣ государства разрушены, — установится пестрая смѣсь „вольныхъ союзовъ", — имѣются ли какія-либо гарантіи, что люди, усыпившіе совѣсть, отказавшіеся отъ понятія о злѣ и добрѣ, о нравственности и правѣ, не будутъ продолжать эту звѣрообразную жизнь и въ будущихъ „вольныхъ" союзахъ?

Распаденіе государствъ, установленіе анархіи будетъ или могилой всего человѣчества, или — побужденіемъ къ установленію вновь государства, какъ естественной и наиболѣе совершенной формы общежитія.

Неоднократно европейскіе народы ввергались въ бездну анархіи, и всякій разъ, отчасти съ полнымъ сознаніемъ, отчасти почти безсознательно, они возстанавливали государства.

Въ эпоху такъ назыв. великаго переселенія народовъ пала могущественная Римская имперія. Побѣдителями были племена германскія, т.-е. вольные союзы свободныхъ германскихъ воиновъ, предводительствуемые избранными начальниками. Но, завоевавъ земли Римской имперіи, германцы не остались при этой первичной своей организаціи. Они основали новыя государства. Оставаясь кочующей вольницей, они не были бы въ состояніи отстоять свои завоеванія.

Разительный примѣръ тому, какъ народъ стихійнымъ влеченіемъ возстановляетъ разрушенное государство,—даетъ исторія Россіи. Что осталось отъ древнихъ русскихъ княжествъ послѣ нашествія Батыя? Одни пепелища, нищета, голодъ и разъединенные, запуганные, загнанные въ лѣса жители. Если бы русскіе остались въ этомъ — внѣгосударственномъ положеніи, они бы и нынѣ находились на ступени лопарей, вогуловъ и остяковъ. Ихъ спасла отъ одичанія дѣятельность князей, возставовившихъ упорнымъ трудомъ государство—и церковь, поддерживавшая это государственное домостроительство.

Лѣтъ черезъ 350 съ лишкомъ т.-н. „великая смута“ вновь раздробила русское государство. На мѣсто сильнаго царства XVI ст. мы видимъ безсвязныя группы селъ и городовъ, державшихся другъ друга лишь благодаря привычкѣ и сознанію племеннаго родства и общности вѣры. Никто не препятствовалъ имъ сохранить положеніе вѣгосударственныхъ вольныхъ союзовъ и наслаждаться счастьемъ анархіи. Между тѣмъ, по призыву Минина и Пожарскаго возстановить царство и царскую власть, попли всѣ эти освобожденные отъ государства русскіе люди и предпочли самодержавіе царя Михаила Ѳеодоровича—вольницѣ казацкихъ круговъ Лисовскаго, Болотникова и товарищей.

Наши анархисты-революціонеры восхваляютъ Емельку Пугачева. Онъ де положилъ начало будущему, онъ де—одинъ изъ первыхъ великихъ пророковъ „новаго міра“.

Ничего новаго въ его дѣяніяхъ нѣтъ. Онъ грабилъ, жегъ, убивалъ, какъ нѣкогда печенѣги, половцы и татары, подражая въ самозванствѣ Лже-Димитрію, въ жестокости Ивану Грозному, и вовсе не стремился къ упраздненію государства вообще, а къ замѣнѣ государства Петра Великаго и Екатерины II—царствомъ Емельяна I.

Самое лучшее доказательство, что общеніе людей не можетъ держаться безъ строгаго юридическаго порядка и безъ власти—это революціонная ассоціація анархистовъ. Она держится только исключительно суровой, жестокой дисциплиной, осуще-

ствляемой властью начальниковъ, скрывающихся въ таинственной неизвѣстности. И такимъ образомъ люди, подчиняющіеся самой жестокой, безпощадной власти, мечтаютъ объ освобожденіи народа отъ власти закопомѣрной.

Нельзя не обратить вниманія на то, что всѣ религіи, за однимъ исключеніемъ, рисуютъ загробную жизнь, какъ жизнь, организованную на началахъ, близкихъ къ порядкамъ земнымъ, государственнымъ. Это ясно показываетъ, что сознаніе и потребности прочно организованнаго руководимаго властью и снабженнаго законами общенія глубоко нѣдрятся въ человѣческой душѣ. Одна религія является исключеніемъ, это буддизмъ. Но онъ отрицаетъ вообще загробную жизнь; по ученію Будды, блаженство заключается въ превращеніи въ ничто (нирвана).

И анархизмъ, обусловливающій счастье человѣка уничтоженіемъ всей современной государственной жизни, привелъ бы не къ благу, а къ уничтоженію человѣка, какъ существа разумнаго.

Если противъ современнаго государства, и государственной жизни вообще, выступаютъ анархисты, видя въ нихъ препятствіе свободному, естественному развитію человѣка, то, съ другой стороны, одновременно посягаютъ на государство сторонники коренного преобразованія нашей современной государственной и общественной жизни, на этотъ разъ ради образованія государства соціалистическаго, гдѣ свобода человѣческой дѣятельности будетъ ограничена всемогущей властью до крайности,

дабы установить и сохранить полное равенство между членами новаго государственнаго общенія. Противники государства съ этой стороны увѣрены въ томъ (или, по крайней мѣрѣ, прикидываются увѣренными), что разъ въ рукахъ государства будутъ сосредоточены всѣ средства хозяйственнаго производства такъ, чтобы никто не былъ въ своей хозяйственной дѣятельности зависимъ отъ другого человѣка, а только отъ государства, разъ единственнымъ вершителемъ судебъ государства будетъ такъ называемый пролетаріатъ (совокупность живущихъ личнымъ трудомъ), разъ не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни царей, ни различія между высшими и низшими, — настанетъ вѣкъ истиннаго человѣческаго счастія, всеобщаго общественнаго мира и согласія, и исчезнутъ нищета и зависть, богатство и порокъ, своеволіе и алчность. Во всѣхъ этихъ скорбныхъ и вредныхъ явленіяхъ виноватъ де только современный государственный и общественный строй, по милости якобы котораго масса трудящагося люда трудится въ потѣ лица ради обогащенія немногихъ. Всѣ явленія преступности нашего времени не иное что, какъ слѣдствіе нашего больного, неестественнаго порядка вещей.

Наше же современное государство, во всѣхъ странахъ, а въ особенности въ Россіи, государство „буржуазное“, „мѣщанское“, оно де опошлило людей. Если замѣнить его государствомъ соціаль-демократическимъ, всѣ эти язвы исчезнутъ. Человѣчество будетъ жить лучше и дешевле, не будетъ кризисовъ промышленныхъ, губящихъ понапрасну массу

средствъ и личныхъ силъ, не будетъ ни войнъ, ни вражды народной, ибо всѣ наши понятія о чести національной и національности вообще — плодъ неразумныхъ формъ общежитія.

Крайніе представители этого ученія идутъ еще далѣе и требуютъ не только обобществленія средствъ производства, напр., превращенія земли, фабрикъ, машинъ, мастерскихъ и т. д. въ достояніе общенародное, никому въ частности не принадлежащее, но и уничтоженія частной собственности на предметы потребленія. Это ученіе, такъ называемыхъ, „коммунистовъ“. Крайніе изъ нихъ требуютъ даже общности женъ, упраздненія брака и, слѣдуя по этому пути послѣдовательно, доходятъ до общности дѣтей и полнаго уничтоженія семейной жизни.

Идеалъ соціалистовъ (и крайнихъ сторонниковъ этого направленія — коммунистовъ), установленіе такого экономическаго строя всего общества во всѣхъ государствахъ, въ которомъ не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Не будетъ ихъ потому, что ихъ *не можетъ* быть, ибо будутъ уничтожены самыя условія, создающія богатство и бѣдность. Всѣ одинаково будутъ сыты, довольны, всѣ въ равной мѣрѣ получатъ возможность удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ.

Въ какихъ же формахъ осуществится этотъ намѣченный идеалъ всеобщаго довольства и сытости? Отнюдь не въ государствѣ, а въ коммунѣ, общинѣ, не знающей частной собственности. Собственность есть зло, корень всѣхъ экономическихъ

и общественныхъ бѣдствій. Кто обладаетъ собственностью—преступникъ.

Кто желаетъ прекращенія зла и бѣдствій въ человѣческомъ родѣ, долженъ желать, чтобы все было общимъ, чтобы никто ничего своего не имѣлъ, потому что всякій имѣетъ право на все. Нужно уничтожить частную собственность, а такъ какъ государство въ современной его формѣ, все современное гражданское и государственное право охраняютъ и поддерживаютъ частную собственность, слѣдуетъ уничтожить государство и существующее право.

Въ концѣ прошлаго столѣтія въ Америкѣ появилась книга Беллами, въ которой онъ рисуетъ весьма талантливо, увлекательнымъ образомъ, картину будущаго соціалистическаго государства, гдѣ нѣтъ болѣе частной собственности, нѣтъ денегъ. нѣтъ экономическаго соперничества, нѣтъ вражды, гдѣ всѣ средства производства принадлежатъ государству. Царствуетъ всеобщее довольство, общество развито и умственно, и нравственно, и физически. Читатель съ восхищеніемъ слѣдитъ за описаніями автора. Въ концѣ концовъ оказывается, что все это счастье—сонъ, который видѣлъ одинъ житель города Бостона. Видѣвшій сонъ просыпается и видитъ себя вновь въ современномъ капиталистическомъ государствѣ.

И все ученіе соціалистовъ и коммунистовъ является прекраснымъ сномъ, гдѣ грезится невозможное счастливое будущее, невозможное, пока не измѣнится природа человѣческая.

И эти мечты, ученія и обѣщанія не предста-

вляютъ изъ себя ничего новаго. Нова только та якобы научная оболочка, которой соціаль-демократы сумѣли окрасить свою дѣятельность и пропаганду.

Устроить на соціалистическихъ началахъ государство или болѣе мелкія общепія пытались неоднократно. Соціалистическія идеи проникли въ Моисеево законодательство, и при несложности хозяйственнаго строя того времени, онѣ могли быть осуществлены въ скромныхъ размѣрахъ. О соціалистическомъ государствѣ мечталъ Платонъ. Нѣкоторые соціалистическіе оттѣнки были присущи спартанскому государству. Но спартанскій государственный соціализмъ осуществлялся при помощи рабовъ, которые несли всю тяжесть труда хозяйственнаго. Равенство поддерживалось суровой дисциплиной и жестокостями. О свободѣ и счастіи мало было рѣчи.

Защитники соціализма и коммунизма ссылаются на Іисуса Христа, апостоловъ и первыхъ христіанъ, которые якобы проповѣдывали отреченіе отъ частной собственности и устроили общинную жизнь на началахъ коммунизма. Однако Христосъ никогда не требовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они отвергли всякую собственность. Онъ училъ, что блага міра даются человѣку только для временнаго пользованія, что единственную постоянную, неотъемлемую собственность человѣка составляетъ только онъ самъ, т.-е. его собственная душа и тѣ блага, которыя человѣкъ успѣетъ пріобрѣсти для души своей. Его ученіе прямая противоположность матеріалистическому міровоззрѣнію соціалистовъ и коммунистовъ.

Что первые христіане не были ревнителями безусловной частной собственности и старались освободиться отъ эгоизма, это вѣрно.

Въ дѣяніяхъ апостол. (4, 32—37) дѣйствительно сказано: „У нихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ Апостоловъ и каждому давалось—кто въ чемъ имѣлъ нужду„.

Но это отреченіе отъ собственности было добровольно, основано на глубокомъ и искреннемъ религіозномъ чувствѣ. Оно никогда не была всеобщимъ требованіемъ христіанства, а тѣмъ менѣе закономъ внѣшнимъ, принудительнымъ.

Добровольное отреченіе отъ собственности, коммунизмъ на религіозныхъ началахъ встрѣчается и позже. Стоитъ только припомнить древніе строго общежительные монастыри! Еще въ XIX ст. въ Америкѣ выходцами изъ Германіи были основаны общины съ коммунистическимъ устройствомъ; пока было живо религіозное настроеніе основателей, это коммунистическое устройство сохранилось, но уже во второмъ поколѣніи замѣтно отступленіе отъ коммунизма, а третье поколѣніе, во второй половинѣ XIX ст., ушло изъ общины и основало новыя поселенія съ отказомъ отъ коммунизма.

Новые соціалисты-революціонеры хотятъ перестроить міръ не на основѣ религіи любви, а при помощи насилія, крови и смерти.

Нельзя не обратить вниманія и на то, что поземельный строй у всѣхъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ былъ первопачально проникнутъ соціалистическими началами. Земля не была частной собственностью отдѣльныхъ лицъ, а принадлежала племени, роду, общинѣ и періодически дѣлилась между членами общенія. Наша крестьянская земельная община —послѣдній остатокъ этого архаическаго хозяйственнаго строя.

Пока этотъ соціалистическій порядокъ общиннаго землевладѣнія и землепользованія сохранился, пока онъ ограничивалъ и стѣснялъ личную предпріимчивость и распорядительность, лишая человѣка увѣренности въ томъ, что онъ самъ пожнетъ плоды своихъ трудовъ, пока лѣнивые, глупые и неряшливые поддерживались въ ущербъ прилежныхъ, умныхъ и заботливыхъ, — общая нищета, грубость, невѣжество и постоянныя голодовки были достояніемъ народа. Умственное, нравственное и хозяйственное развитіе народныхъ массъ начинается лишь съ того времени, когда отъ общиннаго аграрнаго соціализма отказались и перешли къ началу частной собственности и округленному, отрубному землевладѣнію.

Внимая современнымъ, на первый взглядъ столь соблазнительнымъ ученіямъ объ освобожденіи личности отъ узъ государственности или о переустройствѣ современнаго государства на новый ладъ, на манеръ соціалистическій, — не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти „порядки“ испытаны исторіей и пережиты человѣчествомъ и оказались неблагодѣтель-

ными, а даже гибельными. Человѣкъ на своей спинѣ испыталъ звѣрскую жестокость анархизма и изнурительную, гнетущую душу и умъ систему соціализма, и въ теченіе вѣковъ постепенно перешелъ къ жизни въ государствѣ, къ признанію необходимости подчиняться власти, закону, къ признанію также частной собственности, ограниченной законами, дабы свобода и собственность одного могла согласоваться и сосуществовать со свободой и собственностью всѣхъ другихъ.

Государство на различныхъ ступеняхъ его жизни, различныя его формы, его устройство, организація его властей, его учрежденій, право, дѣйствующее въ государствѣ, все это не есть результатъ произвола того или другого лица, или тѣхъ или другихъ лицъ. Все это—результатъ болѣе или менѣе продолжительнаго историческаго развитія, слѣдствіе причинъ, изъ коихъ нѣкоторыя извѣстны и объяснены исторической наукой, а нѣкоторыя и донынѣ остаются неоткрытыми.

Поэтому независимо отъ цѣлей, которыя преслѣдуются апостолами коренныхъ государственныхъ переворотовъ, нельзя не удивляться легковѣсности мысли, будто можно, по своему произволу, порвать съ прошлымъ и создать нѣчто новое по рецепту тѣхъ или другихъ теоретиковъ. Французы пытались во время такъ называемой великой революціи (1789 — 1795) совершить такую коренную ломку и радикальную новую постройку, основанную на велѣніи разума и на началахъ разумнаго, естественнаго, общечеловѣческаго права. Когда новая по-

стройка послѣ ужасныхъ потрясеній и усилій была выведена и подведена подъ крышу, оказалось, что историческое прошлое Франціи положило свой отпечатокъ на каждый камень новаго зданія.

Если мы говоримъ „о государствѣ вообще", мы этимъ не желаемъ сказать, что существуетъ или могло бы существовать какое-либо государство настолько совершенное, чтобы оно было пригодно для всѣхъ временъ, всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ. Какъ всѣ различныя формы человѣческаго общенія, и государство не что-либо однообразное, разъ навсегда данное. Это не такое точно опредѣленное, отвлеченное понятіе, какъ, напр., понятія: кругъ, четырехугольникъ, уголъ и другія математическія понятія. Одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей государственной науки въ Германіи Л. Ф. Штейнъ выразился: „Государство, какъ таковое, не имѣетъ исторіи". Если это такъ въ философіи права (что еще подлежитъ сомнѣнію), то, напротивъ, исторія и практическая жизнь не знаютъ такого „неизмѣннаго государства".

Насколько жизнь въ государствѣ необходима для человѣка, настолько формы и условія этой государственной жизни различны.

Нами уже было сказано, что мы ничего не знаемъ про существованіе безгосударственныхъ народовъ. Но исторія сообщаетъ о весьма грубыхъ формахъ государства и о формахъ болѣе совершенныхъ. Совершеннаго государства, не имѣющаго слабыхъ сторонъ и вполнѣ удовлетворяющаго всѣмъ цѣлямъ и задачамъ человѣчества, не существуетъ

и никогда не существовало. Всякое дѣйствительно существующее или существовавшее государство имѣло какія-либо слабыя стороны, ибо оно не живетъ и не развивается помимо людей, въ немъ живущихъ. Всѣ слабости нашей человѣческой природы, полной грѣховъ, отражаются въ государствѣ. Въ былое время ученые и мыслители говорили про совершенное или „хорошее“, „нормальное“ государство и считали такъ называемое конституціонное государство государствомъ совершеннымъ, нормальнымъ. Однако отъ такихъ представленій и мыслей нужно разъ навсегда отказаться. И такъ называемая абсолютная монархія, и такъ называемая конституціонная и парламентарная монархія, и республика всѣ имѣютъ свои недостатки. Въ чистой теоріи можно снабдить ту или другую форму качествами совершенства, но практика не поддается такимъ теоретическимъ построеніямъ. Для Россіи, напр., республика была бы могилой, а для Швейцаріи монархія оказалась бы гибельной. Гдѣ люди жили счастливѣе? Въ абсолютной монархіи Фридриха Великаго или въ Венеціанской республикѣ? Столь же мало опредѣленности и точности въ теоретическихъ разсужденіяхъ о выгодности или невыгодности того или другого размѣра государства. Гдѣ человѣкъ живетъ счастливѣе, въ большомъ государствѣ или въ маломъ? Или нужно желать, чтобы государство было средняго размѣра? Каковъ долженъ быть объемъ власти государственной? Какія права должны быть предоставлены гражданамъ?

На всѣ эти вопросы нельзя дать опредѣленнаго

отвѣта. Въ наукѣ о государствѣ взаимоотношенія теоріи и практики тоже, что и въ воинскомъ дѣлѣ.

Въ теоріи — да и на маневрахъ, напр., одинъ баталіонъ слабѣе полка, а дивизія слабѣе корпуса. Однако, военная исторія знаетъ примѣры, что баталіонъ съ успѣхомъ врывался въ полкъ, и что на позиціяхъ, теоретически неправильныхъ, одерживались побѣды. Съ точки зрѣнія теоріи походъ 1812 г. послѣ сраженія при Бородинѣ и послѣ оставленія Москвы долженъ былъ быть бы признанъ несчастнымъ. Однако занятіе столицы оказалось гибелью для побѣдителя. Аттаки русской артиллеріи при Ла Ротьеръ въ 1814 г. и прусской артиллеріи при Кениггрецъ (1866 г.) были ведены съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ тактики, однако они увѣнчались успѣхомъ. Дѣло въ томъ, что въ государствѣ, какъ и въ военномъ дѣлѣ, дѣйствуетъ одинъ факторъ, который не поддается заранѣе опредѣленію. Въ государствѣ—это духовно-нравственныя силы народа, въ войскахъ—ихъ духъ. Это силы—не вѣсомыя, однако творческія.

Государство на каждой ступени своего развитія есть результатъ взаимодѣйствія двухъ силъ: 1) матеріальной, состоящей во вліяніи территоріи, природныхъ данныхъ, хозяйственныхъ условій, и 2) духовно-нравственной, — народа, его нравственнаго чувства, его характеря, его вѣры.

На основаніи всего сказаннаго опредѣлимъ государство.

1) Государство есть исторически развившаяся форма человѣческаго общенія.

2) Государство есть необходимая форма человѣческаго общенія, обусловленная природой человѣка.

3) Государство есть народъ, объединенный правомъ въ независимую силу

Но такъ какъ государство есть явленіе весьма сложное, то его нельзя изучать только съ одной точки зрѣнія.

Мы его разсмотримъ съ 4 точекъ зрѣнія.

1) Съ точки зрѣнія духовно-нравственной.

2) Съ точки зрѣнія политической.

3) Съ точки зрѣнія правовой.

5) Съ точки зрѣнія хозяйственной.

Государство съ точки зрѣнія духовно-нравственной.

Союзъ національный.

Для существованія государства необходима наличность: 1) народа 2) территорія, въ предѣлахъ которой народъ имѣетъ постоянную осѣдлость и 3) власти, которая властвуетъ въ предѣлахъ государственной территоріи и объединяетъ народъ въ одно цѣлое обязательными для всѣхъ его членовъ повелѣніями,—законами. Совокупность этихъ данныхъ властью законовъ и упорядоченныхъ ими взаимоотношеній членовъ народа между собой, и

между членами народа и властью, составляетъ право, дѣйствующее въ данномъ государствѣ.

Государство не состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидовъ, ничѣмъ другъ съ другомъ не связанныхъ, кромѣ обязательныхъ законовъ и правовыхъ отношеній. Эта связь только внѣшняя, правовая, юридическая. Этой одной связью государство не держится и не крѣпнетъ. Основою государственнаго союза является *народность*, т.-е. *совокупность людей, связанныхъ не только общностью происхожденія, но и общностью языка, нравовъ, общимъ историческимъ прошлымъ и сознаніемъ этой общности. Народность есть бытовая основа государства.* Если государство состоитъ на этой основѣ, оно перестаетъ быть только внѣшнимъ, принудительнымъ союзомъ и становится союзомъ духовно нравственнымъ, живущимъ одной жизнью, дышущимъ однимъ дыханіемъ со всѣми членами своими. Оно становится отечествомъ для человѣка, видящаго въ немъ опору своей жизни, предметъ любви и самоотверженной преданности. Нормальнымъ является совпаденіе государства и народности, т.-е. единство государства на національной почвѣ, на основѣ народности.

Но что означаетъ слово народность (и равнозначущее слово національность)? Чѣмъ отличается „народность“ или „національность“ отъ „народа“ или „націи“? Не совпадаетъ ли понятіе народность (или національность) съ понятіемъ „племя“. Нѣтъ. Прежде всего нужно замѣтить, что „народность“ и „племя“ далеко не одно и то же. Подъ

племенемъ мы понимаемъ союзъ людей, обусловленный только общностью крови и происхожденія. Между тѣмъ въ жизни народности общность происхожденія хотя и играетъ роль, но не первостепенную и не исключительную Извѣстно, что почти всѣ народности, чѣмъ-либо выдвинувшіяся въ исторіи, гордились своимъ племеннымъ единствомъ и чистотой права. Однако это только заблужденіе. Напротивъ, именно тѣ народности, которыя создали крупныя или сильныя, блиставшія своими дѣлами или культурой государства, не были основаны на племенномъ единствѣ. Приномните аѳинянъ, римлянъ. Въ наше время извѣстны своей національной сплоченностью французы и англичане. Между тѣмъ какъ французская, такъ и англійская народность не что иное, какъ смѣсь различныхъ племенъ, сросшихся въ одно цѣлое въ теченіе столѣтій подъ вліяніемъ различныхъ условій. (Французская народность образовалась изъ сліянія кельтовъ, германцевъ и италійцевъ, англійская народность результатъ сліянія германцевъ съ кельтами и выходцами изъ Франціи). Образованіе крупной и сильной народности изъ сліянія и поглощенія различныхъ племенъ мы видимъ и у насъ въ Россіи. Русскаго племени нѣтъ, есть русская народность, распадающаяся въ свою очередь на нѣкоторыя вѣтви: великорусскую (составившуюся изъ смѣси славянъ, финовъ и вѣроятно и норманновъ), малороссійскую (изъ смѣси различныхъ славянскихъ племенъ, татарскихъ и т. д.) бѣлорусскую. И знаменательно то, что такія смѣшанныя народности почти всегда болѣе развиты

политически, болѣе производительны съ точки зрѣнія государственности, нежели народности, сохранившія племенную чистоту. Арабы и евреи могутъ похвалиться чистотою своей крови, но никто не признаетъ ихъ особенно творческими въ отношеніи государственномъ.

Въ исторіи образованія государства роль столь же сильную, какъ общность происхожденія, если не болѣе сильную, играетъ общая историческая судьба, общія бѣдствія и общее счастье, пережитое народностью. Это общее прошлое, во время котораго срослись всѣ части народности въ одно цѣлое, создало и общій языкъ, который въ свою очередь содѣйствуетъ національному сплоченію государства. Выше вѣрно было сказано, что общій государственный языкъ есть своего рода знамя государственное. Гдѣ нѣтъ національнаго общегосударственнаго языка, тамъ единство государственное не твердо. Общимъ государственнымъ языкомъ становится обыкновенно языкъ наиболѣе сильной и крупной народности, входящей въ данное государство. На основѣ національнаго языка, развивающагося и богатѣющаго вмѣстѣ съ народомъ, развивается и національная литература и національное искуство, высшіе плоды національнаго духа. И литература и искуство суть важные факторы въ сознательномъ развитіи государства.

Наконецъ, въ числѣ факторовъ развитія народности нужно указать на вѣру. Общность религіозной вѣры содѣйствуетъ укрѣпленію національнаго единства. Расколъ въ вѣрѣ, несогласіе въ

основныхъ вопросахъ религіи и религіознаго чувства, наоборотъ, содѣйствуютъ распаденію и ослабленію народности. Разногласія въ отдѣльныхъ религіозныхъ догматахъ или разногласія въ отношеніи обрядовъ церковныхъ не проявляютъ столь сильнаго разъединяющаго дѣйствія. Русскій расколъ XVII ст. несомнѣнно внесъ много тяжелыхъ недоразумѣній въ русскую жизнь, однако русская народность не распалась Старообрядцы проникнуты живѣйшимъ національнымъ чувствомъ и доказали это неоднократно въ тяжелыя минуты отечественной исторіи. Но если религіозное несогласіе охватываетъ основы религіи, если оно отражается на цѣльности міровоззрѣнія, тогда оно становится гибельнымъ для единства національной жизни. Вторженіе католицизма въ южную и западную Россію было сильнѣйшей помѣхой для возстановленія связи между восточной и западной Россіей, связи, разрушенной въ эпоху, послѣдовавшую за татарскимъ игомъ и уничтоженіемъ величія Кіева. Извѣстно изъ исторіи, какое разрушающее дѣйствіе на національное единство Германіи имѣлъ расколъ въ западной церкви, имѣвшій мѣсто въ XVI столѣтіи. Католическая и протестантская Германія долго стояли враждебно другъ противъ друга и донынѣ еще этотъ антагонизмъ не исчезъ. У насъ въ Россіи польскій вопросъ не имѣлъ бы той остроты, если бы поляки и русскіе не были разъединены въ религіозномъ отношеніи. Это религіозное разногласіе усугубляется благодаря характеру римско-католической церкви, ко-

торая по существу своего ученія отрицаетъ „національную“ церковь и стремится къ объединенію всѣхъ народовъ подъ главенствомъ папы.

Но всѣ эти факторы развитія народности. и общность происхожденія, и общность историческаго прошлаго, языка, литературы, вѣры, лишь тогда начинаютъ играть творческую роль въ отношеніи государственности, если они входятъ въ сознаніе даннаго народа. Они могутъ находиться налицо долгое время безсознательно и не проявлять никакого вліянія на политическую судьбу народности. Такъ назыв. „національный“ вопросъ въ Германіи, въ Италіи, среди славянъ, возникъ лишь тогда, когда нѣмцы, итальянцы, славяне послѣ долгихъ вѣковъ раздробленія пришли къ сознанію своего духовно-нравственнаго единства и проявили сознательную волю создать національное государство. Твердость русскаго государства, переживнаго неоднократно жестокіе кризисы и страшныя бѣдствія (татарское иго, Смутное время 1605—1613 г., 1812, наконецъ революціонное броженіе 1904—1906 гг.) объясняется тѣмъ, что русскіе всегда имѣли ясное національное самосознаніе. Объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

Нужно различать понятія „народность“ и „народъ“. „національность“ и „нація“. Подъ словомъ народъ, нація, мы понимаемъ совокупность людей, подчиненныхъ одной и той же государственной власти, независимо отъ общности ихъ происхожденія, языка и т. д. Можно, напр.. говорить про австрійскій народъ, но не про австрійскую народность. Суще-

ствуетъ швейцарскій народъ, однако въ составѣ его мы различаемъ французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ швейцарцевъ.

Строго говоря слова „русскій народъ“ также означаютъ не только русскихъ въ точномъ смыслѣ, но всѣхъ подданныхъ русскаго монарха вообще, независимо отъ ихъ народности т.-е., и грузинъ, и нѣмцевъ, и латышей, и поляковъ, татаръ, и даже евреевъ. Однако въ практической жизни слова „русскій народъ“ не принѣняется въ такомъ широкомъ смыслѣ. „Дѣло въ томъ, что народности живущія на огромномъ пространствѣ русской территоріи, не проникнуты всѣ въ одинаковой степени русскимъ государственнымъ чувствомъ, благодаря тому что сравнительно недавно подчинены Россіи а затѣмъ нельзя упускать изъ виду, что самое національное чувство великорусскаго племени и тѣсная историческая связь русскихъ съ православной церковью иконы побудило русскихъ признавать, „русскимъ народомъ“ только коренное населеніе древне Московскаго царства и юго-западныхъ русскихъ княжествъ, исповѣдующихъ православную вѣру. И наше законодательство стоитъ на этой точкѣ зрѣнія. Только за послѣднее время замѣчается нѣкоторое измѣненіе во взглядахъ. Къ русскимъ начинаютъ причислять и такія народности, которыя не относятся враждебно къ русской государственности.

Замѣтимъ здѣсь же, что подъ словомъ „государственность“ мы понимаемъ какъ всю совокупность государственныхъ учрежденій данной страны,

государственную власть, весь государственный порядокъ, такъ и всю сумму традицій государства, историческихъ преданій, духъ, одушевляющій его коренное населеніе и его войско. Государственность легче чувствуется, нежели опредѣляется. Это не столько фактъ, сколько идея, господствующая надъ фактами.

Если говорятъ о „государственности“ Германіи, Франціи, Россіи, то имѣютъ въ виду особыя національныя черты, присущія ихъ государственной жизни. Національная государственность — прямая противоположность космополитизма. Поэтому самыми ярыми противниками національной государственности являются соціалъ-демократы, мечтающіе о союзѣ всемірнаго пролетаріата, порвавшаго съ національными и государственными обособленностями, а также— еврейство. Евреи, давно потерявшіе свое отечество, разсѣянные по всему свѣту, за рѣдкими исключеніями, не сливаются съ народностью, въ средѣ которой они живутъ, не проникаются патріотическимъ духомъ и имѣютъ поэтому не безвредное вліяніе на жизнь государства. Бываютъ, конечно, исключенія. Евреи Дизраэли, Мозесъ Монтефіоре въ Англіи, семейство Перье, Лафиттъ во Франціи, Астеръ, Линдау и др. въ Германіи тѣломъ и душой стали англичанами, французами, нѣмцами.

О томъ, насколько національная государственность проникла во всѣ слои народа, можно судить не въ эпохи счастія и процвѣтанія, а въ періоды бѣдствій и испытаній. Несчастная война съ Японіей въ 1904—1905 г.г. провела ясную

и непзгладимую черту между тѣми, кто можетъ быть названъ вѣрнымъ гражданиномъ, опорою русской государственности и кто — врагами, лишенными всякаго чутья національнаго достоинства и чести. Ко второй категоріи нужно причислить всѣхъ тѣхъ, кто ликовалъ по поводу несчастнаго для русскихъ исхода сраженій, считая ослабленіе правительства и болѣе легкую борьбу съ устарѣвшимъ режимомъ болѣе важнымъ дѣломъ, нежели честь народную, честь знамени и славу роднаго оружія, забывая, что только то государство можетъ быть политически сильнымъ и упорядоченнымъ внутри, которое высоко держитъ знамя чести и достоинства передъ внѣшними врагами. Въ I и II Государственныхъ думахъ большинство депутатовъ принадлежало именно къ партіямъ, которые радовались пораженіямъ Россіи въ 1904—1905 г.г., и онѣ уже доказали, что не въ состояніи упрочить государственный порядокъ въ Россіи. Отсутствіе національнаго достоинства и отсутствіе національнаго творчества всегда идутъ рука объ руку.

Признаніе народности духовно-нравственной и бытовой основой государства, признаніе государства союзомъ національнымъ—дѣло новѣйшаго времени, XIX столѣтія.

Средніе вѣка не знали національныхъ государствъ. Раздѣленіе народа на замкнутыя, обособленныя сословія, вотчинный взглядъ на государство, смѣшеніе понятій „государство“ и „землевладѣніе“, воззрѣніе на населеніе, какъ на принадлежность территоріи, ученіе католической церкви

о Богомъ установленномъ единствѣ всѣхъ народовъ подъ главенствомъ единаго верховнаго пастыря, римскаго папы, ученіе о католической церкви, какъ единственномъ истинномъ, божественномъ союзѣ людей, въ сравненіи съ которымъ отдѣльныя государства только преходящія временныя соединенія, все это мѣшало установленію и развитію національнаго взгляда на государство. Католикъ и еретикъ, рыцарь, горожанинъ, крестьянинъ, — это были общепризнанныя всѣми различія, болѣе понятныя, нежели понятія: англичанинъ, французъ, нѣмецъ. Французскій рыцарь чувствовалъ и сознавалъ общность интересовъ, обычаевъ, міровоззрѣнія, связывавшихъ его съ нѣмецкимъ рыцаремъ: французскій горожанинъ или крестьянинъ былъ для него чужимъ человѣкомъ. Средніе вѣка были временемъ ненаціональныхъ союзовъ. Самымъ крупнымъ ненаціональнымъ союзомъ была, какъ уже сказано выше, римско-католическая церковь. Такимъ же ненаціональнымъ союзомъ былъ союзъ „Ганза,“ союзъ нѣмецкихъ, голландскихъ, фландрійскихъ, французскихъ городовъ, различные рыцарско-монашескіе союзы (напр., рыцарскій орденъ Тампліеровъ, рыцарей св. Іоанна Іерусалимскаго). Отличительной чертой средневѣковаго государства было раздробленіе государственной жизни между множествомъ почти независимыхъ другъ отъ друга единицъ. Каждый городъ, каждое крупное село, каждый монастырь, каждое помѣстье жили своей особой политической жизнью. Такъ называемое новое время видитъ уже совсѣмъ иныя стремленія.

Благодаря дѣятельности цѣлаго ряда крупныхъ государей мелкія средневѣковыя единицы сплачиваются въ крупныя тѣла. Путемъ войнъ, покупокъ, заключенія брачныхъ союзовъ, династическихъ договоровъ и законовъ о единонаслѣдіи государства округляются и расширяютъ свои территоріи. Однако на народъ, населяющій эти территоріи все еще смотрятъ, какъ на придатокъ къ землѣ. Никто не спрашиваетъ, какого рода и племени подданные даннаго государя. Австрійскій государь владѣетъ и нѣмцами, и венграми, и итальянцами, и испанцами, и бельгійцами. Французскій монархъ тоже стремился стать одновременно и итальянскимъ герцогомъ, и нѣмецкимъ императоромъ. Государство не знаетъ національности. Отдѣльныя части государства были соединены механически. Завѣщаніе монарха, выдача дочери короля или герцога замужъ могли повлечь за собой измѣненіе состава государства и политическаго положенія подданныхъ. Такъ называемая великая Французская республика внесла новый взглядъ на положеніе народа въ государствѣ. Французы заговорили о національномъ самоопредѣленіи и о національной свободѣ. Каждый народъ долженъ былъ имѣть право устроить свой бытъ по своему. Однако, дѣло не соотвѣтствовало словамъ. Республиканское правительство, а затѣмъ укротитель и наслѣдникъ революціи Наполеонъ I нимало не стѣснялись желаніями народовъ и перекраивали государственныя границы по своему усмотрѣнію. Наполеонъ создавалъ государства для своихъ родственниковъ и всякія дѣйствительно на-

ціональныя стремленія подавлять огнемъ и мечемъ. Онъ стремился возстановить всемірное государство на подобіе великой Римской имперіи. Однако эти неестественныя дѣйствія первой французской республики и Наполеона I разбудили дремавшее въ народахъ національное чувство и національное самосознаніе. Вслѣдъ за борьбой испанцевъ и за національной отечественной войной русскихъ въ 1812 г. подиялись Германія, Италія, Голландія. Хотя Вѣнскій конгресъ опять свернулъ на старый путь искуственныхъ построеній государства, хотя стремленіе къ національному единству въ Германіи и Италіи было провозглашено непозволительнымъ революціоннымъ движеніемъ, тѣмъ не менѣе вопросъ о правѣ національностей на самобытное существованіе не былъ болѣе заглушенъ. Въ 1866—1871 г.г., благодаря стойкости маститаго Вильгельма I и искусству Бисмарка, была объединена Германія, въ 1859—1861 г.г. объединилась Италія, руководимая Кавуромъ, а съ 60 годовъ всталъ на очередь вопросъ славянскій, т.-е. вопросъ о самостоятельности государственнаго бытія славянскихъ племенъ, входящихъ въ составъ Турціи и Австро-Венгріи. Вопросъ этотъ рѣшенъ только для балканскихъ славянъ, благодаря побѣдамъ Россіи въ 1877—1878 г.г.

Что касается Россіи, т.-е. коренной Россіи, то нельзя не признать, что сознаніе національнаго единства никогда не угасало. Въ эпоху удѣльно-вѣчевую Русь была раздѣлена на массу мелкихъ княжествъ, часто враждовавшихъ между собой, однако и во

время самой ожесточенной междоусобицы и князья, и народъ признавали, что всѣ они мелкія частицы — члены одного цѣлаго: „Русской Земли". И татарское иго, и даже подчиненіе Западной и Южной Россіи Литовскому княжеству не уничтожили эту мысль о единой Русской землѣ. Носителями этой идеи стали съ XIV в. великіе князья московскіе, затѣмъ московскіе цари, которые неоднократно въ переговорахъ съ Польшею и Литвою подчеркивали мысль о естественномъ и необходимомъ возстановленіи потеряннаго внѣшняго единства „Всея Руси". Съ момента превращенія замкнутаго полуазіатскаго Московскаго царства въ европейскую державу, которая стала играть роль дѣятельнаго, а иногда и первенствующаго члена въ политической жизни Европы, — это живое національное чувство все снизнова выступало наружу, лишь временно уступая желанію приспособиться къ интересамъ, чуждымъ Россіи. Внутренняя національная сила Россіи выразилась и въ томъ, что множество иностранныхъ выходцевъ, переселившихся въ Россію и поступившихъ на русскую службу — ассимилировались, стали русскими, одни даже и по имени (напр., семьи Суворовыхъ, Хапыковыхъ, Гендриковыхъ, Урусовыхъ, Юсуповыхъ, Кочубей и др.), другіе по духу, сохранивъ иностранное имя и свою отечественную вѣру. Сильныя государства, руководимыя въ своей національной жизни національными интересами на пути внѣшняго величія и внутренняго укрѣпленія, имѣютъ всегда самое притягательное и поглощающее вліяніе на человѣка и превращаютъ

иноземцевъ быстро въ вѣрныхъ и стойкихъ сыновъ новаго отечества.

Такъ Австрія въ эпоху борьбы противъ Турціи и противъ захватовъ Людовика XIV' превратила иноземца Евгенія Савойскаго въ наивѣрнѣйшаго слугу австрійской политики. Такъ Пруссія ассимилировала французскихъ рефюжье, превративъ ихъ въ истинныхъ пруссаковъ, и въ средѣ своихъ вѣрнѣйшихъ слугъ насчитываетъ бывшихъ французовъ: Дюмуленъ, Франсуа, Верди, Курбьеръ, Деламоттъ Фуке и друг., датчанина Мольтке, саксонца Трейчке и т. д.

Тоже мы видимъ въ Россіи, гдѣ наравнѣ съ коренными русскими цѣлый рядъ иностранцевъ содѣйствовали ея славѣ на полѣ сраженія и въ различныхъ областяхъ внутренней дѣятельности, начиная съ Петровскихъ сподвижниковъ: Гордона, Лефорта. Брюса, Миниха, кончая Тотлебеномъ и т. д.

Если сильная, энергичная и дѣятельная народность, составляющая корень и ядро государства, успѣваетъ въ духовномъ присоединеніи къ себѣ чужихъ элементовъ, то и безъ этнографическаго слія-нія образуется сплоченный народъ, не единый въ отношеніи племенного состава, но единый въ смыслѣ политическихъ стремленій, государственныхъ идей и любви къ общему отечеству. Такой сплоченный народъ, заставляющій забыть свое разнородное происхожденіе, представляетъ собой народъ французскій. И кельтійскій бретонецъ, и нормандецъ германскаго происхожденія, и южанинъ-провансалъ, всѣ одина-

ково считаютъ Францію своимъ отечествомъ, единственнымъ центромъ своихъ патріотическихъ мыслей и идеаловъ. Французская національная государственность до того глубоко охватываетъ человѣка, что не коренные французы духовно цѣликомъ сливаются съ государствомъ. Эльзасцы Ней и Келлерманъ, итальянецъ Наполеонъ Бонапартъ, полуитальянецъ Гамбетта стали французами до мозга костей, и французскій народъ даже забылъ, что въ ихъ жилахъ текла кровь не французская.

Въ государствахъ съ болѣе обширной территоріей, гдѣ пространство болѣе разъединяетъ отдѣльныя части населенія, этотъ процессъ ассимиляціи совершается медленнѣе.

Исторически развившіяся національныя особенности, характеръ населенія, его нравственныя понятія, умственныя силы отражаются на государственныхъ учрежденіяхъ, кладутъ свою печать на законодательство, на управленіе, на судъ, школу и народное хозяйство.

Часто говорятъ про національное управленіе, національное законодательство, про національную внѣшнюю и внутреннюю политику, или, наоборотъ, осуждаютъ тотъ или другой законъ, тотъ или другой строй управленія, то или другое направленіе политики, какъ ненаціональныя. Что это значитъ? Какъ опредѣлить „національность“ или ненаціональность того или другого учрежденія? И здѣсь точныхъ указаній дать нельзя. Во всѣхъ государствахъ безъ исключенія вы найдете органы законодательные, администраціи, суда, органы цен-

тральнаго управленія, органы мѣстнаго управленія и самоуправленія. Всѣ эти орудія и средства государственной жизни настолько же необходимы въ каждомъ государствѣ, независимо отъ его національнаго характера, насколько грамматическія формы необходимы для всякаго языка. Но одно и тоже учрежденіе въ различныхъ государствахъ получаетъ совершенно иной характеръ и проявляетъ совершенно различную дѣятельность. Опредѣленное сочетаніе учрежденій разнаго рода иногда такъ тѣсно связано съ своеобразными жизненными условіями даннаго государства и народа, что воспроизведеніе его въ другомъ государствѣ не возможно. Напр., оригинальный парламентскій строй Англіи, англійское самоуправленіе, были предметомъ подражанія во многихъ государствахъ, однако, учрежденія, организованныя на подобіе англійскихъ, въ своемъ отечествѣ оказались мало похожими на оригиналъ.

Италія организовала свое мѣстное управленіе по образцу французскому, однако, въ дѣйствительности французская и итальянская системы управленія мало похожи другъ на друга. Въ эпоху увлеченія раличными конституціями старались подражать, кто испанской конституціи 1814 г., кто бельгійской—1831,— вѣрили въ чудодѣйственное вліяніе провозглашенія такихъ конституцій, и каждый разъ сила вещей, особенности характера и быта народа принуждали къ отступленію отъ идеала. Вездѣ данъ одинъ и тотъ же историческій урокъ: только то содѣйствуетъ развитію народа, что есть плодъ истори-

ческаго развитія и взаимодѣйствія различныхъ условій его быта. Только при способности понять эти условія, постигнуть то, чему учитъ исторія, возможна національная политика, внутренняя и внѣшняя.

Выше было сказано, что XIX столѣтіе выдвинуло на очередь рѣшеніе *національнаго вопроса*. Національный вопросъ сводится къ вопросу о томъ: какъ и когда дать каждому жизнеспособному и способному при томъ къ самостоятельному политическому существованію, народу возможность устроить свое собственное національное бытіе? Въ менѣе рѣзкой постановкѣ національный вопросъ сводится къ вопросу *объ „автономіи"* отдѣльныхъ, своеобразныхъ въ культурномъ отношеніи частей государства. Въ вопросъ объ „автономіи", къ которому мы сейчасъ перейдемъ, сталкиваются духовно нравственныя цѣли государства, которое при нормальныхъ условіяхъ должно содѣйствовать всестороннему развитію всѣхъ частей населенія, съ политическими задачами государства, какъ силы народа, организованной на основѣ права. Ради сохраненія силы нельзя ее дробить.

Ни одно изъ государствъ Европы не избѣгло необходимости рѣшить одну изъ самыхъ сложныхъ задачъ политики: примирить требованія государственнаго единства со справедливыми притязаніями составныхъ частей государства на удовлетвореніе ихъ особыхъ потребностей въ законодательствѣ, судѣ и управленіи, приноровленныхъ къ мѣстнымъ особенностямъ.

Государство: союзъ территоріальный.

Съ точки зрѣнія политической государство союзъ территоріальный, подчиненный господству верховной, признанной, постоянной, самостоятельной власти.

Слѣдовательно, съ политической точки зрѣнія территорія и власть являются наиболѣе отличительными признаками государства. Благодаря имъ оно отличается отъ другихъ союзовъ: церкви, племени, народности.

Если въ обыденной рѣчи употребляется слово „государство", говорящіе обыкновенно имѣютъ въ виду то или иное пространство земного шара, подчиненное власти, или же эту власть, т.-е. отождествляютъ слово государство- съ территоріей или съ верховной властью.

Остановимся сперва на территоріи.

Государственная территорія есть то пространство земли, которое подчинено данной государственной власти. Каждая государственная власть властвуетъ только въ предѣлахъ территоріи, которая признана государственной. Территорія опредѣляетъ собой границы государства, предѣлы даннаго государственнаго общенія.

Многое можно бы сказать про то вліяніе, которое имѣетъ на государство его территорія, ея объемъ, ея форма, ея географическое расположеніе, ея внутренній составъ. Всѣ эти вопросы обсуждаются и изслѣдуются наукой политической географіи. Здѣсь достаточно сказать, что тѣмъ или дру-

гимъ географическимъ расположеніемъ территоріи въ значительной степени обусловливается характеръ и быстрота развитія политической жизни государства. Имъ же обусловливается родъ и объемъ различныхъ задачъ государственнаго управленія и очередь, въ которой они назрѣваютъ.

Можно сказать, что направленіе, по которому развивается внутренняя и внѣшняя политика государства, опредѣляется настолько же характеромъ населенія, насколько и территоріей. Сравнительно быстрое развитіе Греціи, Италіи въ древнемъ мірѣ. Англіи въ новой исторіи, несравненно болѣе медленное развитіе, напр., Россіи обусловливается богатствомъ берегового очертанія или островнымъ положеніемъ первыхъ, и отдаленностью отъ моря, континентальной замкнутостью Россіи. Море и рѣчная система, горы, равнины, нѣдра земли и лѣса, все это нѣмые, но очень вліятельные дѣятели въ исторіи государства. Ихъ наличность, или ихъ отсутствіе, ихъ обиліе или недостатокъ въ нихъ вліяютъ на сумму труда власти и народа въ томъ или другомъ направленіи.

Территорія, сказано выше, опредѣляетъ собой границы государства, предѣлы даннаго государственнаго общенія.

Но если властвованіе даннаго государства ограничено предѣлами территоріи, то это не значитъ, что вліяніе данной государственной власти ограничивается предѣлами территоріи. Вліяніе можетъ выходить за эти предѣлы. Международное значеніе и политическое вліяніе государства зависятъ не

столько отъ величины его территоріи, сколько отъ внутренней силы государства и отъ умѣнія ею пользоваться, отъ уваженія, которымъ пользуется данное государство въ средѣ другихъ государствъ. Поэтому каждое государство не только должно поддерживать и развивать свои внутреннія силы, но и заботиться о томъ, чтобы и другія государства сознавали и признавали эту силу. Государственная власть не должна терять изъ виду, что международное значеніе государства зависитъ не только отъ количества крѣпостей, войскъ и морскихъ вооруженныхъ силъ, но и отъ внутренней твердости государственнаго строя, отъ упорядоченности управленія и отъ уваженія къ собственнымъ законамъ. А всякое дѣйствіе подданныхъ, гражданъ, которое клонится къ подрыву авторитета и уваженія къ собственному государству, есть посягательство на достоинство, на честь и славу отчизны, есть— измѣна.

Въ былое время у насъ, на Руси, господствовали очень строгія воззрѣнія на обязанность подданныхъ хранить въ неприкосновенности честь и славу государства и государя. Иногда въ этомъ отношеніи заходили за предѣлы разумнаго.

Въ Москвѣ XVII ст. жестокія наказанія грозили за пропускъ въ титулѣ царя, за искаженіе герба, за выдачу государственныхъ тайнъ. А понятіе „государственная тайна“ было очень и очень широко. Столь же безпощадно и жестоко каралась критика государственныхъ порядковъ въ присутствіи чужестранцевъ. Тогда доходили до

крайней мнительности и подозрительности, что выражалось въ особенности въ отрицательномъ отношеніи ко всѣмъ иностранцамъ.

Въ настоящее время впали въ другую крайность. Наше современное общество нельзя не упрекнуть въ склонности къ недостойному самобичеванію, въ презрительномъ отношеніи къ родинѣ, ея прошлому, ея государственному строю, въ критикѣ государственныхъ недостатковъ, не любящей, а злостной, злорадной. Мы были свидѣтелями ликованія русскихъ гражданъ по поводу русскихъ военныхъ неудачъ, издѣвательства надъ русскимъ государствомъ, склонности открывать передъ иностранцами всѣ язвы нашей жизни. Были попытки подорвать русскій государственный кредитъ агитаціей заграницей, стремленія вызвать вмѣшательство иностранцевъ во внутреннія русскія дѣла. Эти стремленія привели къ организаціи адреса-протеста знатныхъ иностранцевъ въ 1899 г. по поводу правительственной политики въ отношеніи Финляндіи, къ попыткѣ побудить англичанъ поднести адресъ бывшему предсѣдателю 1-й Государственной Думы.

Для каждаго народа, не утратившаго чувства и сознанія національнаго достоинства,—вмѣшательство иностранцевъ во внутреннія разногласія—есть оскорбленіе. Если разъ признать за иностранцами право явиться въ предѣлы даннаго государства и выразить похвалу или порицаніе за ту или другую законодательную или политическую мѣру,—нѣтъ причинъ не признавать этого права и во

всѣхъ другихъ случаяхъ. Въ Англіи попытка иностранцевъ явиться въ Англію для выраженія своихъ чувствъ относительно того или другого направленія политики въ отношеніи Ирландіи, по поводу роспуска парламента и т. п. мѣръ, вызвала бы всеобщее негодованіе. И въ Россіи въ былое время, когда еще революціонныя ученія не имѣли возможности затуманить здоровое національное самосознаніе, вмѣшательство иностранныхъ правительствъ или частныхъ лицъ во внутреннія дѣла Россіи подняло бурю народнаго гнѣва. Такъ было въ 1863 г., когда правительства Англіи, Франціи и Австріи позволили себѣ обратиться къ русскому правительству съ угрожающими представленіями относительно мѣръ для подавленія польскаго мятежа. Даже въ 1906 г., когда разнесся слухъ о прибытіи англійской депутаціи для поднесенія адреса С. А. Муромцеву,—зашевелилась народная гордость, но, къ сожалѣнію, далеко не во всѣхъ слояхъ общества.

Вышесказанное положеніе, что политическое значеніе государства не зависитъ преимущественно отъ объема владѣній территоріальныхъ, а несомнѣнно болѣе отъ бодрости народнаго духа, отъ патріотическаго воодушевленія населенія, отъ умѣлой, стойкой и рѣшительной политики,—можно иллюстрировать цѣлымъ рядомъ историческихъ примѣровъ.

Китайская имперія обладаетъ громадной территоріей съ весьма густымъ населеніемъ, но коснымъ, пассивнымъ, и политическое значеніе Китая ничтожно. Онъ объектъ различныхъ политическихъ комбинацій другихъ государствъ.

Пруссія въ эпоху Фридриха Великаго (1740—1786) была государствомъ весьма небольшимъ, но геніи короля, патріотизмъ жителей, прекрасно организованное и руководимое войско, поставили Пруссію въ ряды великихъ державъ, несравненно болѣе богатыхъ территоріей и численностью населенія.

Политическое вліяніе и значеніе Россіи часто мѣнялось и далеко не въ зависимости отъ объема, увеличенія или сокращенія русской государственной территоріи.

Россія въ царетвованіе Екатерины II, Александра I и Николая I была по объему меньше Россіи послѣдующихъ временъ, однако, голосъ Россіи въ эпоху Екатерины значилъ больше, нежели голоса Франціи, Пруссіи и Австріи, а въ эпоху 1815—1853 гг. Россія была руководительницей политики во всей Европѣ.

Власти даннаго государства могутъ подчиняться на извѣстныхъ условіяхъ и территоріи, не входящія строго говоря въ составъ государства.

Такими условно подчиненными территоріями являются территоріи государствъ вассальныхъ и государствъ, состоящихъ подъ протекторатомъ.

Вассалитетъ есть основанное на договорѣ подчиненіе одного государства другому, причемъ подчиненное государство обязуется поддерживать государство верховное (т. н. сюзерена), не вести самостоятельной международной политики и обыкновенно уплачиваетъ дань сюзерену.

Въ отличіе отъ вассалитета, протекторатъ есть такое основанное на договорѣ подчиненіе одного

государства другому, при которомъ сохраняется въ немъ самостоятельная государственная власть, и господствующее государство обязуется оказывать поддержку правительству подчиненнаго государства. Взамѣнъ этой защиты и покровительства, государство покровительствующее, господствующее, выговариваетъ себѣ право контроля надъ международными отношеніями покровительствуемаго государства, а иногда право вмѣшательства въ нѣкоторыя дѣла внутренняго управленія, напр., въ желѣзнодорожное дѣло, таможенное устройство.

Примѣрами вассальныхъ государствъ служатъ: Румынія до 1878 г., Болгарія съ 1878 г. (она вассалъ Турціи).

Примѣры протектората: покровительство Россіи надъ Хивой и Бухарой, протекторатъ Англіи надъ султанатомъ Занзибарскимъ, Франціи надъ Тунисомъ и Мадагаскаромъ.

Между тѣмъ какъ въ средніе вѣка мы видимъ раздробленіе территорій на мелкія владѣнія, новая исторія представляетъ намъ картину борьбы изъ-за округленія и образованія крупныхъ государственныхъ территорій. До начала новаго времени, до начала XV ст. Франція, напр., была лишь не крѣпко связаннымъ союзомъ различныхъ графствъ и герцогствъ подъ маловліятельнымъ главенствомъ короля. Въ Италіи въ средніе вѣка было около 50 мелкихъ государствъ, въ Германіи еще до 1800 г. — болѣе 300. Нынѣ сохранилось весьма мало этихъ мелкихъ государственныхъ тѣлъ, и они не играютъ болѣе никакой роли, входя или въ

составъ обширнаго союзнаго государства, или существуя въ качествѣ государствъ несамостоятельныхъ (какъ, напр., республики Санъ-Марино и Андора).

Округленіе государственныхъ территорій, уничтоженіе территоріальной черезполосицы, образованіе обширныхъ государствъ — результаты безконечныхъ войнъ. Нынѣ можно сказать, что наше время — время крупныхъ державъ. Болѣе слабыя и малыя государства сохраняютъ свою самостоятельность, но ихъ политическая роль ничтожна. Ни Швеція, ни Данія, ни Бельгія, ни Голландія не имѣютъ болѣе того политическаго значенія, которое онѣ имѣли въ былыя времена.

Современная государственная жизнь какъ бы требуетъ извѣстной ширп, чтобы проявить всѣ свои силы.

Обширная государственная территорія оказывается необходимой, какъ по соображеніямъ хозяйственнымъ, такъ и по соображеніямъ военнымъ. Для удачной военной защиты большой объемъ территоріи является факторомъ успѣха. Въ 1812 г. не только геройство русскихъ спасло Россію, но и громадное пространство ихъ отчизны. Если встать на хозяйственную точку зрѣнія, то и здѣсь большой объемъ территоріи оказывается благодѣтельнымъ. Неурожай рѣдко постигаетъ всѣ части обширнаго государства. Хозяйственная удача одной части уравновѣшиваетъ бѣдствіе, постигшее другую часть. Приростъ населенія находитъ мѣсто для обезпеченія своего существованія. Не даромъ тѣ

государства, которыя не обладаютъ большой территоріей, стараются пріискать колоніи въ другихъ частяхъ свѣта. Конечно, огромная территорія влечетъ за собой и нѣкоторыя довольно чувствительныя неудобства.

Большая территорія съ разнообразными климатическими и хозяйственными условіями въ отдѣльныхъ ея частяхъ, въ особенности если къ этому присоединяется разношерстность населенія, усложняетъ законодательство и управленіе, которыя должны приноровиться къ особымъ мѣстнымъ условіямъ. Воля государственной власти медленно достигаетъ периферіи государства. Правда, усовершенствованіе путей сообщенія въ XIX и XX столѣтіи отчасти парализовало дѣйствіе пространства. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, телеграфу, телефону, разстоянія сократились и по мѣрѣ новыхъ техническихъ изобрѣтеній въ средствахъ передвиженія и сообщенія, отдѣльныя мѣстности все болѣе будутъ сближаться.

Въ предѣлахъ государственной территоріи дѣйствуетъ только воля данной государственной власти, проявляющаяся въ законахъ общихъ и мѣстныхъ.

Какое право принадлежитъ государству по отношенію къ территоріи?

По отношенію къ территоріи государству принадлежитъ право верховнаго господства (dominium).

Его нужно строго отличать отъ права собственности (proprietas). Эти два права совершенно

разнородны. Они могутъ въ одной и той же части территоріи принадлежать разнымъ лицамъ.

Что такое понимается подъ правомъ верховнаго господства? Это *право власти* надъ всѣмъ, что находится и что совершается въ предѣлахъ территоріи, т.-е. право суда надъ всѣмъ и всѣми, право охранять общественную безопасность, право законодательства въ полномъ объемѣ. право финансоваго обложенія, право пользоваться всей территоріей или отдѣльными ея частями для общественныхъ цѣлей (напр., для проведенія желѣзныхъ дорогъ, постройки крѣпостей) и, наконецъ, право исключать воздѣйствіе на данной территоріи всякой другой власти. Право верховнаго господства отличается отъ права собственности тѣмъ, что въ него не входитъ право пользоваться территоріей для извлеченія изъ нея имущественныхъ выгодъ.

Верховное господство надъ территоріей всегда принадлежитъ только одному государству.

Что касается права собственности, то оно можетъ принадлежать: государству, отдѣльнымъ, подчиненнымъ государству, общественнымъ союзамъ (напр., общинамъ, городскимъ и сельскимъ) и частнымъ лицамъ.

Вся площадь, входящая въ составъ государственной территоріи, можетъ быть раздѣлена на 4 группы съ точки зрѣнія способовъ и цѣлей владѣнія ею:

1) Участки, изъятые изъ всякаго имущественнаго оборота ради цѣлей общегосударственныхъ, это т. н. Res publicae, domaine publique, напр., крѣпости, каналы, дороги, охранные лѣса.

2) Земли казенныя, domaines de l'état, принадлежащія государству на правахъ собственности для извлеченія имущественныхъ выгодъ, напр., казенные лѣса, оброчныя статьи.

3) Земли общественныя, принадлежащія общинамъ, сельскимъ и городскимъ, земству, различнымъ сословіямъ, церкви, монастырямъ.

4) Земли частныя.

Въ современныхъ культурныхъ государствахъ частныя земли находятся внѣ сферы непосредственнаго распоряженія государственной власти. Государство не собственникъ всѣхъ земель, находящихся въ предѣлахъ государственной территоріи.

Въ минувшія эпохи, въ особенности въ, т. н., теократіяхъ востока, государство признавалось собственникомъ всей земли. У евреевъ, напр., по законамъ Моисея, Іегова, Господь Богъ, считался собственникомъ всей земли, и черезъ опредѣленные промежутки времени всѣ частные участки земли подлежали передѣлу. И въ средніе вѣка въ эпоху, т. н., феодализма, государь считался высшимъ собственникомъ всей земли; отдѣльные васалы были лишь временными, условными владѣльцами пожалованныхъ имъ участковъ.

Въ то время государственная власть имѣла право, по своему усмотрѣнію, жаловать и отнимать земли. Неприкосновенности частной поземельной собственности не существовало.

Въ современныхъ государствахъ признается, какъ общій принципъ, что право частной собственности какъ въ отношеніи движимыхъ, такъ

и въ отношеніи недвижимыхъ имуществъ неприкосновенно, не только по отношенію къ частнымъ лицамъ, но и по отношенію къ государственной власти. Но это только общее правило, которое не можетъ быть проведено безусловно. Оно допускаетъ исключенія, болѣе или менѣе широкія, смотря по обстоятельствамъ времени и условіямъ жизни

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что безъ признанія права собственности, движимой и недвижимой, нельзя ожидать прогресса въ народномъ хозяйствѣ, что лишь съ установленіемъ и упроченіемъ частной поземельной собственности сельское хозяйство отреклось отъ первоначальныхъ грубыхъ пріемовъ хозяйничанія, при которыхъ почва истощалась, и результаты земледѣльческаго труда еле-еле удовлетворяли потребностямъ человѣка. Всѣ культурные народы перешли отъ первичныхъ коммунистическихъ и соціалистическихъ формъ землевладѣнія (при которыхъ земля принадлежала всѣмъ, общинѣ, племени, и не существовало индивидуальнаго землевладѣнія) — къ землевладѣнію частному. Опытъ исторіи доказалъ, что частное землевладѣніе — главнѣйшій факторъ развитія сельскаго хозяйства, и потому законы всѣхъ странъ его охраняютъ.

Но государственная власть имѣетъ предъ собой не только одну задачу: защищать частную собственность въ различныхъ ея формахъ. Она осуществляетъ болѣе широкія задачи управленія и законодательства. Управляя государствомъ въ интересахъ общегосударственныхъ. ей приходится

не разъ вторгаться въ сферу частной собственности. Право частной собственности не ограниченно и не безусловно. Мы не можемъ имъ злоупотреблять. Мы не имѣемъ права пользоваться нашей собственностью во вредъ другимъ частнымъ лицамъ или во вредъ государству. Собственность также должна служить государству, какъ во время мира, такъ и во время войны.

Взимая налоги и пошлины, государственная власть принудительнымъ путемъ беретъ часть частныхъ доходовъ въ казну. Во время войны она можетъ въ видахъ защиты отечества уничтожить частную собственность.

Издавая законы и распоряженія, власть можетъ придти въ столкновеніе съ частнымъ правомъ отдѣльныхъ лицъ на отдѣльныя части территоріи.

Бываютъ случаи, что приходится пользоваться частной землей для государственныхъ надобностей. Часто наступаетъ необходимость ограничить право распоряженія частной собственностью въ интересахъ общественныхъ.

Такъ, напр., государственная власть издастъ лѣсоохранительные законы и законы, ограничивающіе свободу эксплоатаціи нѣдръ земли.

Всѣ законодательства при извѣстныхъ условіяхъ допускаютъ принудительное пользованіе частными землями и даже принудительное отчужденіе частныхъ земель на общественныя надобности, но не иначе какъ за справедливое вознагражденіе и на основаніи особыхъ каждый разъ законодательныхъ актовъ.

И наше отечественное законодательство стоитъ на этой точкѣ зрѣнія и не признаетъ безусловной святости, неприкосновенности и неограниченности частной собственности.

Этими воззрѣніями было проникнуто законодательство Петра Великаго, который изъялъ лѣсныя площади и нѣдра земли изъ свободнаго распоряженія ихъ собственниковъ. Екатерина II отказалась отъ началъ петровскаго законодательства.

Законы 1783 г. предоставили лѣсовладѣльцамъ свободу распоряженія лѣсами, а нѣдра земли могли быть эксплоатируемы лишь съ согласія владѣльцевъ даннаго поземельнаго участка. Результаты такого законодательства оказались плачевными.

Началось хищническое истребленіе лѣсовъ, которому мы обязаны обмелѣніемъ нашихъ рѣкъ. Развитіе горной промышленности пошло медленнѣе. Однако, ограничивая свободу распоряженія отдѣльными видами поземельной собственности, Петръ Великій никогда не имѣлъ въ виду упразднить частное землевладѣніе. Въ 1714 г. онъ даже издалъ законъ о единонаслѣдіи, имѣвшій цѣлью укрѣпить землевладѣніе и предотвратить его дробленіе по наслѣдству.

Русское законодательство XIX ст. неуклонно держалось петровской точки зрѣнія. Неприкосновенность частнаго землевладѣнія была признана постольку, поскольку общегосударственные интересы не требовали противнаго. Въ 1861 г. бывшіе крѣпостные крестьяне были надѣлены землей на счетъ помѣщичьихъ, но помѣщики получили за

отошедшія къ крестьянамъ земли вознагражденіе. Въ видахъ обезпеченія русскихъ государственныхъ интересовъ было ограничено право владѣнія землей поляковъ, евреевъ и иностранцевъ въ западныхъ и привислинскихъ губерніяхъ. Въ 1888 г. изданъ лѣсоохранительный законъ, который во многихъ случаяхъ ограничиваетъ свободу распоряженія частными лѣсными площадями. Съ 1837 г., со времени начала сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, производилось все чаще и чаще принудительное отчужденіе частныхъ земель въ видахъ проведенія желѣзнодорожныхъ линій, но, конечно, не безъ вознагражденія. Однимъ словомъ, когда интересы частнаго землевладѣнія сталкивались съ интересами государственными, — первымъ приходилось уступать. Однако, принося въ отдѣльныхъ случаяхъ частные землевладѣльческіе интересы въ жертву интересамъ и пользамъ государства, государственная власть ни въ Россіи, ни въ другихъ государствахъ никогда не стремилась къ уничтоженію частной поземельной собственности вообще, или къ предоставленію всей земли въ руки одного класса. Правда, въ томъ случаѣ, если государственные интересы требовали поддержанія класса мелкихъ землевладѣльцевъ-крестьянъ, государство принимало мѣры къ обезпеченію и улучшенію ихъ быта переселеніемъ на казенную землю, или пріобрѣтало земли другихъ частныхъ землевладѣльцевъ для передачи ихъ на извѣстныхъ условіяхъ крестьянамъ. Государственныя земельныя имущества въ Пруссіи, Швеціи, а въ особенности въ Россіи, играли роль

земельнаго фонда, на счетъ котораго расширялось или округлялось крестьянское землевладѣніе. Фондъ этотъ увеличивался путемъ осушки болотъ, очистки дикихъ лѣсныхъ пространствъ и путемъ покупки частныхъ земель (у насъ въ Россіи, черезъ посредство крестьянскаго банка). Никогда государство не выступало съ претензіей превратить всю частную поземельную собственность въ государственную.

Зато среди политическихъ партій и въ литературѣ появились требованія или уничтоженія частнаго землевладѣнія вообще, или ограниченія его извѣстными предѣлами.

Радикальныя партіи, выступающія противниками существующаго общественнаго и политическаго строя, въ своей враждѣ къ частному землевладѣнію заходятъ за предѣлы разума и справедливости. На счетъ будущей судьбы землевладѣнія въ Россіи онѣ не согласны между собой. Одна партія желаетъ превращенія всей земли, какъ одного изъ средствъ производства, наравнѣ со всѣми капиталами, въ достояніе соціалистическаго государства, которое предоставитъ временное пользованіе отдѣльными участками отдѣльнымъ гражданамъ или товариществамъ. Другая партія желаетъ передачи всей земли въ руки отдѣльныхъ земельныхъ общинъ, третья требуетъ, чтобы земля находилась въ рукахъ лишь тѣхъ, кто прилагаетъ трудъ къ обработкѣ земли. Четвертая партія, не отрицая частной поземельной собственности, требуетъ ограниченія размѣра частнаго землевладѣнія опредѣленными

нормами (напр., 300 десятинами или 100, или 30 десятинами) и принудительнаго отчужденія всего излишка для распредѣленія между малоземельными и безземельными. Одна часть радикаловъ говоритъ, что земля, какъ вода и воздухъ, не должна принадлежать никому, а другая утверждаетъ, что каждый человѣкъ имѣетъ естественное неотъемлемое право на кусокъ земли. Всѣ эти партіи жаждутъ захватить въ свои руки государственную власть, чтобы осуществить свое идеальное поземельное устройство.

Всѣ эти ученія и предложенія не новы. Они столь же стары, какъ само человѣчество. И въ древнемъ мірѣ пытались уравнять землевладѣніе, подвести его подъ одинъ общій, сверху установленный уровень и предупредить, съ одной стороны, чрезмѣрное скопленіе земли въ одинѣхъ рукахъ, или чрезмѣрное дробленіе на слишкомъ мелкіе участки. И въ средніе вѣка проявлялись тѣ же стремленія, а новая и новѣйшая эпохи исторіи богаты самыми разнообразными проектами аграрной реформы.

Ни одно государство не обладаетъ такой объемистой территоріей, чтобы имѣть возможность снабдить всѣхъ желающихъ достаточнымъ количествомъ хорошей земли, а постоянный приростъ населенія превращаетъ мечту о томъ, чтобы каждый человѣкъ имѣлъ поземельную собственность, въ мечту о квадратурѣ круга.

Но не останавливаясь на этихъ утопическихъ планахъ, которые лелѣются только людьми, не имѣющими ни познаній, ни способности разсуждать

хладнокровно, нельзя не указать также на нецѣлесообразность тѣхъ требованій, которыя хотятъ государство или отдѣльныя общины превратить въ единственныхъ собственниковъ и слить верховное господство государства надъ территоріей съ правомъ собственности на всѣ ея части.

Всѣ эти соціалистическія и полусоціалистическія предположенія клонятся главнымъ образомъ къ упраздненію *крупной* поземельной собственности.

Несомнѣнно, что скопленіе громадныхъ пространствъ въ однѣхъ рукахъ, образованіе огромныхъ частныхъ поземельныхъ владѣній, постепенное поглощеніе ими средней и мелкой поземельной собственности — явленіе нежелательное, и пришлось бы глубоко сожалѣть о всѣхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ правительствомъ для искусственнаго поощренія образованія того, что называется „латифундіями“. Исчезновеніе класса самостоятельныхъ, независимыхъ мелкихъ землевладѣльцевъ отзывается неблагопріятно на развитіи общественнаго строя.

Но столь же вредны были бы всѣ мѣры, направленныя на искусственное уничтоженіе крупнаго землевладѣнія. Осуществленіе плановъ радикальныхъ партій на счетъ строя землевладѣнія было бы насиліемъ безъ всякой пользы для государства и народа.

Всѣ формы и размѣры землевладѣнія являются необходимыми элементами строя народнаго хозяйства. И крупная, и средняя, и мелкая поземельная собственность исполняетъ каждая опредѣленныя функціи въ хозяйственной жизни государства.

Въ большинствѣ случаевъ эти формы не суть результатъ какого-либо правительственнаго произвола, а слѣдствіе естественнаго историческаго развитія.

Въ самыя отдаленныя времена, какъ уже замѣчено выше, земля никому въ отдѣльности не принадлежала. Но по мѣрѣ того, какъ отдѣльныя племена постепенно переходили отъ охотничьяго и кочевого быта къ осѣдлости и земледѣлію, они присвоили себѣ (каждое племя, каждый родъ, каждая семья) опредѣленный кусокъ земли. Земля эта была первоначально собственностью племенной, затѣмъ родовой, наконецъ семейной. Первоначально и земледѣльческое хозяйство было общимъ (общая запашка, общій дѣлежъ урожая). Пока земли было много, населеніе скудно, — возможно было широкое хозяйничаніе, экстензивное хозяйство (преобладало подсѣчное хозяйство на всей ширп занимаемыхъ новинъ). Но по мѣрѣ роста населенія земли удобной подъ культуру оказалось по количеству недостаточно. А по мѣрѣ распаденія племенной, родовой и семейной связи и общее хозяйство становилось тягостнымъ. Началось разселеніе, выселеніе и раздѣлъ земли. Образовались земельныя общины, члены которыхъ не были связаны родствомъ, а лишь общностью хозяйственныхъ интересовъ. Сперва въ раздѣлъ поступили усадебныя земли, жилыя мѣста, огороды, впослѣдствіи и пашни, при чемъ отдѣльные землевладѣльцы владѣли своими участками лишь на правѣ временнаго пользованія. Пашни, луга и лѣса еще долгое время оставались въ нераздѣльномъ владѣніи цѣлой общины или даже

цѣлаго племени. Благодаря частымъ передѣламъ земли среди членовъ общенія (нѣмецкой марки, русской общины, южнославянской задруги, скандинавской сотни), земледѣліе все еще сохраняло оттѣнокъ кочевой.

И эта форма землевладѣнія вскорѣ оказалась неудовлетворительной. Ростъ населенія требовалъ усиленія трудовой энергіи, а энергія труда появляется и удерживается лишь тогда, когда человѣкъ увѣренъ въ томъ, что результатъ его труда за нимъ же и останется. Не по произволу того или другого законодателя, а по естественному влеченію человѣческой природы появляется и упрочивается частная поземельная собственность.

Съ момента упроченія частной поземельной собственности на отрубныхъ участкахъ замѣтно улучшается и обработка земли, и человѣческая трудовая энергія и предпріимчивость, освобожденныя отъ прежней родовой и общинной неволи, завоевываютъ подъ пашню даже мало плодоносныя земли.

Естественно, что при расширеніи культуры сказалось различіе въ стойкости трудовой энергіи и предпріимчивости, и появилось неравенство среди поземельныхъ собственниковъ.

Конечно, нельзя отрицать, что въ исторіи развитія землевладѣнія сыграло свою роль также и насиліе. Насильственные захваты, въ эпоху грубости нравовъ, безначалія и беззаконія приводили къ изгнанію слабыхъ сильными.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени во всей Европѣ мелкое крестьянское земле-

владѣніе страдало отъ захвата и притѣсненія со стороны богатыхъ и сильныхъ помѣщиковъ и уже съ XVII ст. монархамъ, сознававшимъ цѣну и значеніе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, приходилось вести борьбу съ незаконными и вредными поползновеніями крупныхъ землевладѣльцевъ.

Впрочемъ нужно замѣтить, что крупныя земельныя владѣнія сохранялись долго въ полномъ объемѣ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Если прослѣдить судьбу крупныхъ земельныхъ владѣній, то легко замѣтить, что повсюду, гдѣ государство не поддерживало его искусственными мѣрами,—крупныя земельныя владѣнія, какъ и всякое крупное состояніе,—едва переживали 3 поколѣнія.

Раздѣлъ по наслѣдству дробитъ имущество и содѣйствуетъ передвиженію собственности изъ рукъ въ руки.

Крупное и среднее частное землевладѣніе было во всѣхъ странахъ распространителемъ и проводникомъ земледѣльческаго прогресса. Въ крупныхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ средней руки прежде всего примѣнялись усовершенствованные пріемы хозяйства, вводилось искуственное удобреніе, дренажъ, улучшеніе скотоводства и отъ нихъ уже эти пріемы перенимались мелкими землевладѣльцами. Если бы крупной поземельной собственности не существовало, то можно сказать, что сельское хозяйство Европы оставалось бы еще долго на ступени дикости и первобытности.

Конечно, крупное землевладѣніе только тогда играетъ благодѣтельную роль въ исторіи народнаго

хозяйства, если крупные землевладѣльцы вмѣстѣ съ тѣмъ выступаютъ крупными сельскими хозяевами, остаются на своей землѣ и прилагаютъ если не свой физическій, то свой умственный трудъ къ земледѣлію. Крупные землевладѣльцы-абсентеисты, сдающіе свои земли арендаторамъ и субъарендаторамъ, едва ли содѣйствуютъ культивированію государственной территоріи. Для государства полезнѣе содѣйствовать переходу арендованныхъ мелкихъ частей крупнаго владѣнія въ собственность арендаторовъ.

И въ мелкомъ землевладѣніи замѣтенъ хозяйственный прогрессъ лишь съ момента упроченія частной поземельной собственности. Во Франціи и Западной Германіи господствуетъ мелкая поземельная собственность и мы видимъ тамъ очень высокую земледѣльческую культуру. Но съ какого времени? Со времени развертки общинныхъ угодій, со времени упроченія индивидуальнаго землевладѣнія. Пока земля состояла въ собственности не отдѣльныхъ лицъ, а въ собственности общинъ, пока не были упразднены различныя ограниченія частной хозяйственной распорядительности и предпріимчивости, вытекавшія изъ общинной связанности (обязательное трехполье, черезполосица, обязательные однообразные сроки посѣва, удобренія, жатвы, сѣнокоса), эти нынѣ столь цвѣтущіе районы были родиной застоя и нищеты. Лишь признаніе начала частнаго землевладѣнія сыграло роль чудодѣйственнаго будителя энергіи, разсчета и тщательности въ обработкѣ земли. То же самое мы видимъ въ Швеціи, которая до начала XIX ст. также сохранила.

хотя только отчасти, общинное землевладѣніе. До начала XIX ст. Швеція была страной голодной. На 10 лѣтъ приходилось 3 полныхъ неурожая. 4 плохихъ урожая и лишь 3 урожайные года. А теперь послѣ упраздненія послѣднихъ слѣдовъ общиннаго землевладѣнія шведскіе мелкіе землевладѣльцы почти сплошь состоятельные и сытые люди.

Стоитъ ли повторять всѣмъ извѣстную истину, что только то дѣло преуспѣваетъ, въ которое дѣлатель влагаетъ свою душу, всю свою любовь къ труду? Каждый изъ насъ болѣе полюбитъ свой собственный мелкій огородецъ, клочекъ земли, про который онъ можетъ сказать: „это мое", нежели какой-либо земельный пай, съ коимъ онъ участвуетъ хотя бы въ крупномъ общегосударственномъ или національномъ владѣніи.

Ниже, когда придется говорить подробнѣе о коммунизмѣ и соціализмѣ, приведемъ примѣръ изъ новой исторіи, какъ соціалистическій и коммунистическій строй землевладѣнія оказался и неустойчивымъ и отнюдь неблагодѣтельнымъ и укажемъ, что націонализація земли или ея соціализація, т.-е. передача всей земли въ собственность государства или отдѣльныхъ общинъ была бы возвращеніемъ къ устарѣлымъ, грубымъ формамъ народнаго хозяйства, отъ которыхъ, послѣ долгихъ страданій и лишеній, человѣчество отказалось. Тогда намъ придется указать между прочимъ на то, что у насъ въ Россіи имѣется примѣръ пагубнаго вліянія соціализаціи земли. Это наша сельская община, благодаря которой наше земледѣліе не можетъ освободиться

отъ устарѣлыхъ пріемовъ, а нашъ земледѣльческій классъ живетъ въ нищетѣ и страдаетъ отъ вѣчныхъ голодовокъ.

При трезвомъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ придется строго осудить всѣ стремленія вернуться къ средневѣковымъ понятіямъ и порядкамъ, когда государственное господство надъ территоріей смѣшивалось съ правомъ собственности на землю.

Государственное единство и автономія окраинъ.

Стоитъ только сравнить географическія карты нашего времени съ географическими картами хотя бы XVIII ст., чтобы убѣдиться въ томъ, что современныя государства всѣ образовались мало-по-малу. Ихъ территоріи приняли нынѣшнюю свою форму лишь сравнительно недавно. Всѣ современныя государства сложились изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ ранѣе существовавшихъ государствъ, или изъ частей разныхъ другъ отъ друга независимыхъ государствъ. И во всѣхъ почти государствахъ мы видимъ, что въ различныхъ частяхъ ихъ дѣйствуютъ различные нормы, законы, составляющіе для каждой изъ этихъ частей свое собственное историческое наслѣдіе, результатъ ихъ особаго историческаго прошлаго, національныхъ особенностей и своеобразныхъ хозяйственныхъ условій.

Выше было сказано, что средніе вѣка не знали единыхъ, сплоченныхъ государствъ. Тогда государственная власть была слаба, положительное законодательство мало развито, кругъ отношеній и предметовъ, подчиненныхъ писанымъ законамъ, былъ невеликъ. Каждое рыцарское имѣніе, каждая городская община, каждое сословіе, каждая гильдія и цехъ въ городахъ управлялись особо и стояли почти на ступени полунезависимыхъ общеній.

Но по мѣрѣ усиленія власти государственной къ концу среднихъ вѣковъ слабѣла власть общинная, сословная, корпоративная. Политическая и правовая раздробленность уступаетъ мѣсто государственному сплоченію и государственному единству. Государственная власть болѣе или менѣе энергично стремится къ тому, чтобы сгладить историческія различія и соединить всѣ части государственной территоріи подъ господствомъ однихъ общихъ всѣмъ имъ законовъ и учрежденій. Степень и самые пріемы выполненія этого дѣла въ различныхъ государствахъ весьма различны.

Во Франціи, напр., уже въ XVIII ст. неограниченные монархи старались объединить государство и выставили положеніе: „одинъ король, одна вѣра, одинъ законъ“. Французская революція 1789—1794 г. и Наполеонъ I еще энергичнѣе боролись противъ всякой самостоятельности отдѣльныхъ областей.

Французскія конституціонныя хартіи провозгласили какъ основное государственное правило: „Государство едино и недѣлимо“.

Казалось, что новѣйшая эпоха исторіи будетъ эпохой единыхъ, недѣлимыхъ, централизованныхъ государствъ.

Однако на дѣлѣ, благодаря возбужденію т.-н. національнаго движенія, о которомъ мы говорили выше, только-что указанное политическое правило не сдѣлалось общимъ для всѣхъ государствъ.

Такъ какъ ни одно изъ нынѣшнихъ государствъ (за исключеніемъ Норвегіи и Португаліи) не состоитъ изъ частей однородныхъ въ отношеніи историческаго прошлаго, природныхъ условій территорій и племеннаго происхожденія населенія, то и ни одно изъ государствъ Европы, какъ уже сказано выше, не избѣгло необходимости рѣшить одну изъ самыхъ сложныхъ задачъ политики: примирить требованія государственнаго единства со справедливыми притязаніями составныхъ частей государства на удовлетвореніе ихъ особыхъ потребностей въ законодательствѣ, судѣ и управленіи, приноровленныхъ къ мѣстнымъ особенностямъ.

Политическая и бытовая разнородность различныхъ частей государственной территоріи дала поводъ къ возбужденію вопроса объ автономіи и федераціи, о примиреніи культурнаго разнообразія съ политическимъ единствомъ.

И въ наше время много толкуютъ и спорятъ объ автономіи и на западѣ Европы, и у насъ въ Россіи.

Что такое *автономія?*

Слово „автономія“ можно перевести на русскій языкъ словами: „самозаконіе“, „самостоятельное

законодательство“ или словомъ „правовое самоопредѣленіе“. Государственная наука различаетъ двоякаго рода „автономію“:

А) *Автономію въ узкомъ смыслѣ слова*, — это право какого-либо общества, корпораціи издавать самостоятельно въ рамкахъ общаго государственнаго законодательства обязательныя постановленія, устанавливающія внутренній правопорядокъ въ кругу лицъ, входящихъ въ составъ даннаго общества (напримѣръ, сельская община, дворянское сословіе, академическая корпорація). Слѣдовательно, отличительные признаки автономіи въ этомъ смыслѣ: 1) руководство жизнью даннаго круга лицъ постановленіями самостоятельными, обязательными, исходящими отъ органовъ управленія, выведшихъ тѣмъ или инымъ образомъ изъ среды даннаго общества;

2) второй признакъ: ограниченность области дѣйствія этихъ постановленій общимъ государственнымъ законодательствомъ, которое опредѣляетъ какъ объемъ автономіи, такъ и органы автономіи, и является, слѣдовательно, источникомъ автономіи, а государственная власть, такъ сказать, контролеромъ автономіи.

Б) *Автономія въ широкомъ смыслѣ слова.* Подъ автономіей въ широкомъ смыслѣ слова мы понимаемъ то политическое положеніе, которое занимаетъ полунезависимое политическое общеніе въ предѣлахъ сложнаго государства. Источникомъ этой широкой автономіи обыкновенно является договоръ, а не законъ государственной власти. Въ силу такого договора автономной области предоставляется

самостоятельное законодательство въ предѣлахъ области, самостоятельное управленіе, самостоятельный судъ, особое войско, особая монетная система, особый языкъ въ управленіи, судѣ и законодательствѣ. Центральная государственная власть имѣетъ право надзора за тѣмъ, чтобы автономная область не нарушала договора, но и автономная область имѣетъ право надзора за тѣмъ, чтобы власть центральная не вторгалась въ предѣлы вѣдомства автономной области. Центральная государственная власть можетъ издавать общіе законы поскольку то допускается договоромъ. Иногда договоръ не выступаетъ наружу, а скрывается подъ внѣшнимъ видомъ государственнаго закона. При политической автономіи (автономіи въ широкомъ смыслѣ слова) существовали и существуютъ иногда, но не всегда, общіе органы законодательства и управленія, рѣшающіе сообща вопросы общіе.

Въ исторіи культурныхъ государствъ новѣйшаго времени борются двѣ жизненныя силы: 1) *стремленіе каждаго государства* слить своихъ членовъ въ одно цѣлое, какъ въ отношеніи закона, такъ и въ отношеніи языка и быта;

2) *стремленіе каждой жизнеспособной національности* образовать особое политическое тѣло, если и не вполнѣ независимое, то, по крайней мѣрѣ, самоуправляющееся.

Естественнымъ исходомъ этой борьбы, казалось бы, должно было быть образованіе такого же количества государствъ, сколько налицо національ-

ностей, т.-е. каждой національности должно быть предоставлено особое государственное бытіе.

Если эта цѣль когда-либо будетъ достигнута, то въ весьма отдаленномъ будущемъ. Достиженію ея въ настоящее время препятствуетъ какъ неравномѣрность силъ различныхъ національностей, такъ и естественныя условія территоріи, на которой различныя національности живутъ, часто въ самой пестрой чрезполосицѣ.

Указанныя двѣ жизненныя силы часто соединяются въ одно теченіе, если сильная національность служитъ опорою объединяющей государственной власти.

Но столь же часты случаи взаимнаго противодѣйствія этихъ двухъ силъ, если за объединяющей государственной властью стоитъ не культурное превосходство, а лишь физическое могущество, или если окрѣпшая въ самосознаніи національность имѣетъ возможность воспользоваться выгодными территоріальными условіями (Норвегія въ 1814 году) или политическими осложненіями для того, чтобы оторваться отъ стараго государства и создать новое государственное общеніе.

Указанная выше задача была рѣшена и нынѣ еще рѣшается различными государствами различнымъ путемъ.

Рѣшеніе ея привело преимущественно къ двумъ формамъ политическаго строя, другъ другу противоположнымъ.

Различныя составныя части государства съ разнообразнымъ національнымъ и племеннымъ составомъ

объединялись сильною политическою властью въ одно цѣлое съ подавленіемъ всѣхъ центробѣжныхъ стремленій при помощи мѣръ законодательныхъ и административныхъ, которыя стремились къ обезличенію національностей, къ лишенію „мѣстностей“, имѣвшихъ раньше особое политическое бытіе, всякой политической самостоятельности, къ низведенію административной самодѣятельности до минимума.

Этой системѣ деспотической централизаціи слѣдовали какъ абсолютные монархи, напримѣръ, Карлъ XI въ Швеціи и короли Франціи, выставившіе принципъ „un roi, une loi, une foi“, такъ и республики и демократическія правительства.

Уроки исторіи доказываютъ, что абсолютная монархія скорѣе склонна пощадить національную самобытность и снисходительнѣе относится къ провинціальнымъ особенностямъ, между тѣмъ какъ демократія отличается деспотической нетерпимостью и даже жестокостью.

Народъ въ цѣломъ болѣе нетерпимъ, чѣмъ монархъ. Въ національныхъ вопросахъ онъ едва-ли въ состояніи быть нейтральнымъ и безпристрастнымъ.

Доказательствомъ можетъ служить какъ Данія, такъ и Франція.

Дореформенная Данія управляла нѣмецкими владѣніями въ духѣ централизаціонномъ, но никто до 30-хъ годовъ XIX ст. въ Копенгагенѣ не мечталъ о необходимости господства датской націи

надъ нѣмецкими элементами въ составѣ королевства. Нѣмецкій языкъ господствовалъ въ Копенгагенѣ бокъ-о-бокъ съ датскимъ, и при замѣщеніи должностей никто не справлялся о національности кандидата. Нѣмцы же въ Шлезвигѣ и Голштиніи безпрекословно подчинялись королю и ничуть не тяготѣли къ единоплеменникамъ въ Германіи. Но не успѣла абсолютная монархическая власть уступить мѣсто демократическому конституціонализму, не успѣла власть перейти изъ рукъ монарха въ руки народнаго представительства, какъ датская нація, составлявшая большинство, приступила къ политикѣ давленія надъ меньшинствомъ. Обострившійся съ 40-хъ годовъ шлезвигъ-голштинскій вопросъ былъ вызванъ къ жизни датскими демократическими публицистами и парламентскими дѣятелями.

То же мы видимъ во Франціи. Какъ ни тягостенъ былъ для французскихъ областей военно-придворный абсолютизмъ Ришелье, Мазарини и Людовика XIV, все же эти суровые властители не прибѣгали къ тѣмъ безпощаднымъ пріемамъ усмиренія провинціальнаго духа, къ коимъ прибѣгнулъ конвентъ въ 1793—1794 г.

Другой способъ рѣшенія задачи заключается въ томъ, что государство, состоящее изъ разнородныхъ частей, несходныхъ другъ съ другомъ ни въ отношеніи историческаго прошлаго, ни въ отношеніи національнаго состава, организуетъ свою политическую жизнь на началахъ федеративныхъ. Въ Европѣ эта федеративная организація представляетъ троякую форму:

1) Союзное государство Германской Имперіи, которое состоитъ изъ значительнаго числа монархическихъ государствъ и 3 республикъ, подъ гегемоніей одного преобладающаго по силѣ государства (Пруссія); органы: Императоръ, Союзный совѣтъ, Рейхстагъ; 2) въ формѣ сложнаго государства, состоящаго изъ двухъ почти самостоятельныхъ государствъ, соединенныхъ на началахъ реальной уніи (Австро-Венгрія); органы: Императоръ-Король, два парламента и делегаціи; 3) *въ формѣ федеральной республики* съ сравнительно широкой компетенціей союзной власти. Это - *Швейцарія.*

Швейцарія рѣшила указанную выше задачу наиболѣе удачнымъ образомъ, въ чемъ ей содѣйствовали особенно благопріятныя политическія условія: *Швейцарія есть государство нейтрализованное*, стоящее подъ охраной 4 великихъ державъ (Франціи, Германіи, Австро-Венгріи и Италіи), которыя ревниво наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы ни одна изъ нихъ не наложила своей руки на Швейцарскую федерацію и не воспользовалась ея центральнымъ въ Европѣ положеніемъ для своихъ цѣлей. Нейтрализація Швейцаріи освобождаетъ ее отъ бремени милитаризма и даетъ ей полную возможность сосредоточить всѣ силы на службѣ интересамъ культурнымъ, что дѣлаетъ, въ свою очередь, жизнь въ ней особенно привлекательной для ея гражданъ. Въ Швейцаріи мы видимъ политическое объединеніе осколковъ 3 націй (германской, французской и италійской), живущихъ на грани-

цахъ ихъ племенныхъ родинъ, но они, эти національные осколки, чувствуютъ себя столь счастливыми, что естественная притягательная сила политическихъ метрополій нѣмцевъ, французовъ и итальянцевъ не дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на швейцарскую политическую жизнь. Влеченіе къ сосѣднимъ крупнымъ національнымъ массамъ не находитъ пищи и не угрожаетъ прочности кантональной федераціи. Никто ни въ нѣмецкой Швейцаріи, ни во французской не мечтаетъ о томъ, чтобы сдѣлаться французомъ или нѣмцемъ въ смыслѣ политическомъ. Въ кантонѣ Тессинъ панъ-итальянскія тенденціи вызваны искусственнымъ путемъ, благодаря агитаціи итальянскихъ ирредентистовъ. Есть еще одно государство въ Европѣ, которое всякому изслѣдователю, изучающему вопросъ о значеніи и развитіи автономіи, представляетъ странное зрѣлище. Это—Англія. Внѣ Европы она обладаетъ цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе обширныхъ колоній. Нѣкоторымъ изъ нихъ государственная власть Великой Британіи даровала весьма широкую автономію (Канадѣ, Капской колоніи, Австралійскимъ колоніямъ. Особые парламенты, особые министерскіе кабинеты), а *та же самая государственная власть* вотъ уже въ теченіе столѣтій тщетно пытается разрѣшить вопросъ о предоставленіи Ирландіи давно желанной мѣстной самостоятельности безъ посягательства на законные интересы англичанъ, поселившихся въ Ирландіи, къ которымъ коренное ирландское населеніе относится столь враждебно. Что культурнѣйшее

изъ всѣхъ государствъ міра. что отечество политической свободы и парламентскаго строя не въ состояніи донынѣ рѣшить этотъ вопросъ, это доказываетъ наилучшимъ образомъ, что вопросъ объ автономіи не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые могутъ быть рѣшены по заранѣе готовымъ теоретическимъ рецептамъ, и что установленіе политической свободы далеко еще не гарантируетъ удовлетворенія всѣхъ мѣстныхъ и національныхъ потребностей. Это было бы очень полезно не забывать нашимъ политикамъ. То, что для насъ вопросъ польскій, то для Англіи вопросъ ирландскій.

Объемъ автономіи всѣхъ этихъ отдѣльныхъ частей сложныхъ государствъ (штатовъ въ Сѣверной Америкѣ, кантоновъ въ Швейцаріи, государствъ въ Германской Имперіи, коронныхъ земель въ Австро-Венгріи) весьма различенъ; перечисленіе всѣхъ этихъ разновидностей заняло бы слишкомъ много времени. Укажемъ лишь главныя начала.

1) Всѣ дѣла внѣшней политики сосредоточены въ рукахъ центральной власти; она руководитъ общимъ войскомъ, флотомъ. Каждое изъ этихъ сложныхъ государствъ имѣетъ одну общую монету, общую систему мѣръ и вѣсовъ, общую таможенную систему, общую систему почтъ и телеграфовъ, общее желѣзнодорожное законодательство, общее право гражданства или подданства. Пруссакъ не безправный чужестранецъ въ Баваріи, не баварецъ въ Пруссіи; германской маркой вы можете расплачиваться и въ Кенигсбергѣ, и въ Баденъ-Ба-

денѣ, и въ Мюнхенѣ. Отъ Эйдкупена до Страсбурга вы не встрѣтите таможенныхъ границъ: вопросъ, поставленный по-англійски, поймутъ не только въ Лондонѣ, но и въ Квебекѣ, въ Мельбурнѣ и въ Каштадтѣ; отъ васъ не потребуютъ, чтобы вы говорили по-датски въ Шлезвигѣ, по-польски въ Познани, по-литовски въ Мемелѣ и по-французски въ Страсбургѣ. Только въ Австріи, которая клонится къ распаденію, единство государственнаго языка исчезаетъ и закончится, вѣроятно, вавилонскимъ столпотвореніемъ. *Итакъ, извѣстный минимумъ общенія обезпечиваетъ единство политическое и даже культурное.*

2) Что же входитъ въ объемъ автономіи? Рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, которыя относятся къ области общественнаго благосостоянія, благоустройства и мѣстной безопасности. Въ дѣло просвѣщенія, умственнаго и духовно-нравственнаго, центральная власть не вмѣшивается: столь же самостоятельно автономныя области вѣдаютъ дѣла о развитіи и поддержкѣ сельскаго хозяйства, лѣсоводства, рыбной ловли, горнаго хозяйства, судоходства, дорожнаго дѣла, народнаго здравія, призрѣнія бѣдныхъ. Даже податная система въ извѣстной степени входитъ въ сферу автономіи; то же можно сказать про военно-хозяйственное управленіе, которое сообразуется съ мѣстными особенностями. И широкія области гражданскаго права входятъ въ область мѣстнаго автономнаго законодательства; наконецъ, въ сферу автономіи входитъ и полиція безопасности. Организація суда, можетъ быть, и

бываетъ также автономна, безъ всякаго вреда для государственнаго единства. *Мы видимъ, наконецъ, что автономныя части имѣютъ* свои особые *органы законодательства* (парламентъ, народныя собранія, сеймы), свои особые органы управленія: министерства, совѣты, коллегіи, особыхъ провинціальныхъ начальниковъ, вплоть до низшихъ органовъ.

Нужно имѣть въ виду, что границы между кругомъ вѣдомства власти центральной и кругомъ вѣдомства властей автономныхъ никогда не остаются неизмѣнными. Автономія не есть состояніе неподвижности, а всегда переходная ступень къ одному изъ двухъ состояній: или къ мѣстному самоуправленію въ составѣ единаго простого государства, или къ политическому обособленію, направляющемуся къ полной самостоятельности чрезъ посредствующія ступени реальной и личной уніи.

Примѣры тому даетъ исторія Англіи и Австріи. Такъ назыв. цислейтанскія области Австріи, напримѣръ, Тироль, Стирія, постепенно изъ автономныхъ частей государства переходятъ на ступень провинцій, пользующихся широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Транслейтанскія области, пользуясь событіями 1866 года, поднялись на ступень особаго государства, связаннаго донынѣ, но едва ли надолго, съ Австріей на началѣ реальной уніи, при чемъ составныя части Венгерскаго королевства, въ свою очередь, изъ автономныхъ областей превращаются въ провинціи, какъ, напримѣръ, Трансильванія.

Англійскія колоніи. Канада и Австралія развиваются изъ автономныхъ областей въ самостоятельныя государства.

Развитіе самостоятельнаго мѣстнаго законодательства есть одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ факторовъ обособленія.

Наоборотъ, установленіе, упроченіе и расширеніе общаго имперскаго законодательства въ Германскомъ союзномъ государствѣ служитъ лучшимъ факторомъ побѣды надъ партикуляризмомъ. Передовое государство Германской Имперіи, Пруссія, въ свою очередь образовало свое государственное единство путемъ осторожнаго, но послѣдовательнаго сведенія областной автономіи Восточной Пруссіи, Помераніи, Силезіи и западныхъ владѣній (Клеве, Бергъ, Маркъ) на ступень мѣстнаго самоуправленія, болѣе узкаго, нежели въ Австріи, но достаточно широкаго для защиты и соблюденія мѣстныхъ интересовъ.

Исторія и Россію поставила передъ задачей найти пути и средства къ примиренію требованій политическаго единства съ потребностями окраинъ и живущихъ въ нихъ національностей, сохранить ихъ исторически сложившуюся своеобразную культуру и приноровить административную организацію къ этимъ національно-культурнымъ особенностямъ. *Задача, поставленная Россіи, особенно сложна и трудна по двумъ причинамъ:* 1) *Россія есть не только великая держава*, она вмѣстѣ съ тѣмъ держава *міровая*, которая въ своихъ почти необъятныхъ границахъ вмѣщаетъ народы, стоящіе

на самыхъ различныхъ ступеняхъ духовно-нравственнаго и соціально-экономическаго развитія. Въ ней представлены почти всѣ типы и ступени человѣческой культуры. Скипетру Россійскаго монарха подвластны какъ полудикія кочевыя народности Азіи, для которыхъ даже русская государственность временъ московскихъ Іоанновъ есть сравнительно высокая ступень политической организаціи, которыя живутъ еще въ быту патріархальномъ и въ хозяйствѣ натуральномъ, и великорусскій и малороссійскій народы, творцы Русскаго государства, и народы Закавказья, почти утратившіе свою нѣкогда высокую культуру подъ игомъ Персіи и Турціи, и поляки съ литовцами, съ ихъ богатой, блестящей и вмѣстѣ съ тѣмъ грустной исторіей, славнѣйшіе эпизоды которой совпадаютъ съ эпохой упиженія Россіи, а самыя печальныя страницы исторіи Польши соотвѣтствуютъ славнымъ подвигамъ русскихъ государственныхъ дѣятелей. Русское сердце болѣзненно сжимается, если говорятъ про подвиги Гедимина, Ольгерда, Витовта, про славу Стефана Баторія, про побѣды Жолкѣвскаго, Гопсѣвскаго, Сапѣги подъ Смоленскомъ и Москвой, про геройство поляковъ въ 1812 г.; всѣ русскіе знаютъ, что эта лѣтопись есть лѣтопись русскаго упиженія, русскихъ страданій и подечетъ русской крови. Полякъ и литвинъ опускаютъ голову, если они слышатъ про защиту Полоцка, про Михаила Скопина-Шуйскаго, про Суворова и штурмъ Праги, про Гроховъ, Остроленку, Волу, про Паскевича, Муравьева и

Берга. Живутъ въ Россіи и балтійскіе нѣмцы, потомки рыцарей нѣмецкаго ордена и гражданъ Ганзейскихъ городовъ, когда-то оттѣснившихъ Новгородъ, Псковъ и Полоцкъ отъ Балтійскаго моря; живутъ въ ней и финляндскіе шведы и финны, нѣкогда подданные государства Густава Адольфа и Карла XII,—государства, коего учрежденія послужили образцами для величайшаго изъ русскихъ реформаторовъ. Сведеніе всѣхъ этихъ культурныхъ разновидностей и разноплеменностей къ одному знаменателю можетъ быть результатомъ вѣковыхъ усилій, но едва ли можетъ быть достигнуто въ два царствованія или въ одно.

2) *Но политическое положеніе Россіи усложняется не только этнографической пестротой населенія: большую роль играютъ ея географическія границы.* Едва-ли какая-либо другая изъ великихъ державъ, которую знаетъ исторія, занимала такое невыгодное географическое положеніе. Безъ свободнаго доступа къ морю народная культура медленно развивается, а коренная Россія имѣетъ только свободный доступъ къ Бѣлому морю и Ледовитому океану. На берегахъ всѣхъ остальныхъ морей живутъ народности, подвластныя Россіи, но домогающіяся именно того, что мы называемъ широкой автономіей. Можно возразить, что къ Черному морю доступъ свободенъ. Одесса, Николаевъ, Ѳеодосія, Севастополь, Маріуполь, Таганрогъ и т. д.—все русскія гавани. Здѣсь нѣтъ окраины со сплоченной враждебной, чужой народностью; здѣсь смѣсь народностей, которыя серьез-

ныхъ поползновеній на широкую автономію не имѣютъ. Это хотя въ общихъ чертахъ и вѣрно, но не забудьте, что Черное море въ политическомъ отношеніи закрыто: ключъ къ Черному морю въ рукахъ Турціи, и свобода прохода чрезъ Босфоръ и Дарданеллы только условна!

А *вдоль всей западной границы живутъ инородцы*. Балтійское побережье занято финляндцами, латышами, эстами, балтійскими нѣмцами; на материкѣ всѣ западныя области, черезъ которыя пролегаютъ наши желѣзнодорожные пути въ Европу, населены: литовцами, поляками, подпавшими подъ польское вліяніе русскими въ Подоліи и на Волыни, и наконецъ молдаванами. Именно въ этихъ областяхъ, безъ которыхъ Россія превратится вновь въ полуазіатскую Московію,— возникъ и обострился вопросъ объ автономіи. Здѣсь, на западныхъ окраинахъ, послѣ вѣковыхъ усилій новгородцевъ, псковичей, Іоанна IV, Михаила Федоровича, Алексѣя Михайловича, Петра I, Екатерины II пробито окно въ Европу. И теперь предлагаютъ русскому народу, пролившему потоки крови изъ-за окраинъ, отдать эти окна въ распоряженіе другихъ, пользоваться этими окнами на извѣстныхъ только условіяхъ! Ничего, говорятъ, Россія можетъ развиваться и въ духовно-культурномъ, и въ промышленномъ, и въ торговомъ отношеніи. У нея-де богатая рѣчная система! Да, у нея, на первый взглядъ, очень богатая рѣчная система. Но отнимите у нея море, и это богатство будетъ блестящей нищетой! Посмотрите на

эту рѣчную систему! Всѣ великія рѣки Сибири впадаютъ въ Ледовитый океанъ! Сѣверная Двина и Печора въ Бѣлое и Карское моря; Волга въ закрытое физически Каспійское море, Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ, Бугъ—въ закрытое политически Черное море (Азовское море есть въ сущности только заливъ), Западная Двина впадаетъ въ Рижскій заливъ, истоки Вислы и Нѣмана въ рукахъ Пруссіи! Что отъ того, что верховья въ русскихъ рукахъ? Вотъ трагизмъ историческаго положенія Россіи! Всѣ попытки русскаго народа твердо укрѣпить русскую государственность на окраинахъ клеймятся, какъ національный шовинизмъ, а между тѣмъ онѣ не иное что, какъ инстинктивное судорожное стремленіе великаго народа получить свободу распоряженія въ его же собственномъ домѣ. Несомнѣнно, національный шовинизмъ играетъ теперь крупную роль въ политикѣ объединенія. О немъ можно говорить, противъ него слѣдуетъ протестовать, но, обсуждая политику государственной власти по отношенію къ окраинамъ, нужно прежде всего имѣть въ виду географію!

Итакъ: съ точки зрѣнія юридической Россія есть государство единое, т.-е. на пространствѣ всей русской территоріи господствуетъ одна государственная власть монарха всероссійскаго; съ точки зрѣнія этнографической и соціально-политической Россія есть государство сложное, а съ точки зрѣнія географической — это государство недоразвившееся.

Перейду къ краткому, по возможности, очерку

отношеній къ Россіи тѣхъ окраинъ, которыя домогаются болѣе или менѣе широкой автономіи. Я не буду обсуждать вопроса объ автономіи Малороссіи и объ автономіи Кавказа. Въ массѣ малороссійскаго народа едва ли существуетъ стремленіе къ организаціи самостоятельной системы законодательства, администраціи и суда. Весь вопросъ о малороссійской автономіи въ существѣ сводится къ признанію за малороссами *вполнѣ естественнаго права* на развитіе малороссійскаго языка и литературы. Что касается Кавказа, то, независимо отъ желанія или нежеланія русской государственной власти, кавказская автономія едва ли осуществима. Дѣло въ томъ, что на Кавказѣ живетъ въ пестрой чрезполосицѣ *61 народность!* Организовать автономію такъ, чтобы удовлетворить каждую изъ этихъ народностей, едва ли возможно, а безъ обезпеченія соціальнаго мира автономія немыслима.

Строго говоря, вопросъ объ автономіи и о размѣрахъ ея можетъ касаться только трехъ русскихъ окраинъ: Балтійскихъ губерній, Польши и Финляндіи.

На судьбѣ этихъ окраинъ мы и остановимся.

Начнемъ съ Балтійскихъ губерній: Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи.

Объ автономіи Балтійскихъ губерній.

Въ настоящее время при Балтійскомъ генералъ-губернаторѣ образовано особое совѣщаніе для обсужденія проектовъ реформы мѣстнаго самоуправленія въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи.

Наша Балтійская окраина имѣетъ весьма слож-

ное и нелегкое историческое прошлое. По изслѣдованіямъ археологовъ въ до-историческое время въ нынѣшнихъ балтійскихъ губерніяхъ обитало одно изъ германскихъ племенъ, двинувшееся въ эпоху великаго переселенія народовъ на западъ. Его мѣсто заняли различныя мелкія племена, финскія на сѣверѣ (въ Эстляндіи и сѣверной Лифляндіи), латыши (племя арійское, родственное германцамъ и славянамъ) и нѣкоторыя народности, близкія по происхожденію къ литовцамъ, въ южной части.

Съ X по XIII в. новгородцы и полоцкіе князья старались подчинить себѣ эстовъ и латышей, построили города-укрѣпленія въ ихъ землѣ и взимали съ нихъ дань. Но въ эпоху ослабленія Руси благодаря междоусобицамъ удѣльныхъ князей, появились съ запада католическіе миссіонеры съ сопровождавшими ихъ рыцарями изъ Германіи (а въ то же время въ Эстляндію, датчане), покорили себѣ послѣ долгихъ войнъ туземцевъ, вытѣснили русскихъ и въ эпоху монгольскаго ига, когда у русскихъ едва хватало силъ отбиваться отъ дальнѣйшаго вторженія западныхъ пришельцевъ, на берегахъ Балтійскаго моря основано было полудуховное, полусвѣтское государство, которое входило въ составъ Германской имперіи и состояло также подъ покровительствомъ папы. Тамъ господствовали и боролись другъ съ другомъ духовныя власти (архіепископъ и епископъ, полудуховная, полусвѣтская организація нѣмецкаго ордена, вассалы духовныхъ и свѣтскихъ властей). Туземцы были порабощены и послѣ неоднократныхъ попытокъ свергнуть иго

чужеземцевъ, подчинены довольно тяжкому крѣпостному праву. Въ XIV и XV стол. Ливонія (такъ звали тогда всю нынѣшнюю территорію Балтійскихъ губерній) была въ довольно цвѣтущемъ состояніи, несмотря на вѣчныя внутреннія неурядицы и борьбу соперниковъ (орденскаго великаго магистра и рижскаго архіепископа) изъ-за власти. Но войны съ Польшей, Литвой и Москвой повлекли за собой ослабленіе Ливонскаго государства. Реформація XVI стол. подорвала духовно-религіозную его основу. Въ XVI стол. походы Іоанна IV опустошили Ливонію. Государство распалось. Сѣверная часть, Эстляндія, подчинилась шведамъ, Курляндія превратилась въ польское вассальное государство, Лифляндія покорилась Польшѣ и терпѣла со стороны поляковъ жестокія притѣсненія въ отношеніяхъ политическомъ и религіозномъ.

Въ XVII стол. шведы вытѣснили поляковъ, и вся древняя Ливонія (за исключеніемъ Курляндіи и небольшой части южной Лифляндіи) была присоединена къ шведскимъ владѣніямъ. На первыхъ порахъ шведское правительство возстановило древнія привилегіи городовъ и дворянскаго сословія, но къ концу XVII в. оно приняло рядъ мѣръ, которыя балтами почитались за грубое нарушеніе обѣщаній и историческихъ правъ (насильственное возвращеніе въ казну имѣній, пожалованныхъ дворянамъ въ прежнія времена, и мѣры къ обезпеченію интересовъ крестьянъ и крестьянскаго землепользованія).

Т. н. великая сѣверная война рѣшила давниш-

ній споръ изъ-за господства надъ Балтійскимъ побережьемъ въ пользу Россіи. Лифляндія и Эстляндія уступлены Швеціей Россіи по Ништадтскому мирному договору въ 1721 г., а 74 года спустя была присоединена къ Россіи и Курляндія, на основаніи постановленія курляндскаго дворянства о безусловномъ подчиненіи Имперіи Всероссійской, послѣ отреченія отъ престола послѣдняго герцога курляндскаго, Петра Бирона.

Петръ Великій, завоевавъ въ 1710 г. Лифляндію и Эстляндію, на основаніи капитуляцій, заключенныхъ съ мѣстнымъ рыцарствомъ и городами (Ревель, Рига, Перновъ), обѣщалъ сохранить за сословіями всѣ давнишнія ихъ права и преимущества, нѣмецкій языкъ въ судѣ, управленіе въ школахъ и всѣ преимущества ев.-лютеранской церкви. Въ Ништадтскомъ мирномъ трактатѣ это обѣщаніе подтверждено (это подтвержденіе повторено въ мирномъ трактатѣ въ Або 1743 г.), но съ оговоркой: поскольку означенныя права и преимущества не въ ущербъ суверенным правамъ русскаго монарха. Екатерина II, принявъ отъ курляндскаго дворянства актъ о безусловномъ подчиненіи, пожаловала ему сохраненіе всѣхъ сословныхъ привилегій, наравнѣ съ Лифляндіей и Эстляндіей.

Съ 1721 года до 1881 года (до Александра III) всѣ русскіе монархи подтверждали эти акты пожалованія въ пользу всѣхъ трехъ губерній. Онѣ управлялись особымъ порядкомъ, съ широкимъ участіемъ привилегированныхъ нѣмецкихъ сословій. Бокъ-о-бокъ съ органами правительства дѣй-

ствовали городскія учрежденія и сословныя земскія учрежденія (т. н. landesstaat — земскій штатъ), рыцарскіе конвенты, ландтаги, ландмаршалы, ландраты и т. д. Церковное управленіе, хозяйственное управленіе, школа, дорожное, продовольственное дѣло — все находилось въ рукахъ сословнаго самоуправленія. Въ краѣ господствовало особое право (гражданское, уголовное, церковное, камеральное), отчасти нѣмецкое, отчасти римское, отчасти шведское. Въ центрѣ дѣлами края вѣдала особая юстицъ-коллегія эстляндскихъ и лифляндскихъ дѣлъ, а представителемъ центральнаго правительства въ краѣ былъ до 1876 года генералъ-губернаторъ. Первая попытка порвать съ этой обособленностью балтійскихъ губерній была сдѣлана Екатериной II. Въ отношеніи окраинъ она держалась слѣдующей точки зрѣнія: „Малая Россія, говорила она, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, нарушить оныя ограниченіемъ всѣхъ вдругъ весьма непростительно было бы; однакожъ и называть ихъ чужестранцами и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно сказать съ достовѣрностью— глупость“.

Руководствуясь этимъ взглядомъ, она привлекла балтійскихъ депутатовъ къ участію въ комиссіи по составленію новаго уложенія 1767 года, а затѣмъ въ 1783 году ввела въ Лифляндіи и Эстляндіи учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., устроивъ и мѣстное коронное и сословное, земское и городское

управленія на началахъ, одинаковыхъ съ русскими. Эта мѣра была встрѣчена балтійскими сословіями весьма несочувственно, и нельзя сказать, чтобы новыя учрежденія вели дѣло лучше старыхъ. Къ царствованію Екатерины II относится также первая рѣшительная попытка улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ-латышей. Иниціаторомъ былъ высокогуманный баронъ Шульцъ Ашерадень. но его стремленія и предложенія вызвали гнѣвъ дворянства, и Шульцъ ограничился улучшеніемъ быта своихъ собственныхъ крѣпостныхъ.

Страшныя раны, нанесенныя балтійскимъ губерніямъ въ сѣверную войну, къ концу XVIII стол. были совсѣмъ залечены; край принадлежалъ къ числу наиболѣе благоустроенныхъ частей Россіи, и положеніе крѣпостныхъ латышей и эстовъ, хотя и было незавидно, но едва ли хуже положенія крѣпостныхъ въ коренной Россіи. О германизаціи коренного населенія не было и рѣчи, ибо нѣмцы, бароны и граждане, чуждались аборигеновъ, а пастыри, всецѣло погруженные въ раціонализмъ XVIII столѣтія, въ духовную жизнь крестьянъ не входили. Не было и рѣчи о какихъ-либо пангерманскихъ политическихъ стремленіяхъ. Когда въ 1788—1790 гг. шла война Швеціи съ Россіей, попытки Густава III возбудить балтовъ къ возстанію потерпѣли полное фіаско. Они еще хорошо помнили времена Карла XI и сознавали, что ихъ завѣтное желаніе: оставаться „балтами“ и только „балтами“, можетъ осуществиться только подъ охраной русскаго двуглаваго орла.

Павелъ I, какъ во всей Россіи, такъ и въ отношеніи балтійскихъ губерній ломалъ все сдѣланное матерью. Реформа 1783 года была отмѣнена почти цѣликомъ, и старыя учрежденія возстановлены. Онъ же рѣшилъ, отчасти въ видахъ общеполитическихъ, отчасти изъ милости къ балтамъ, исполнить ихъ давнишнее желаніе: основать университетъ. Послѣ нѣкотораго колебанія было рѣшено основать университетъ въ Дерптѣ. Павелъ не дожилъ до открытія университета. Наступило царствованіе Александра I, имя котораго въ балтійскихъ губерніяхъ, какъ и въ Финляндіи, остается именемъ священнымъ, вызывающимъ воспоминанія объ идиллическихъ дняхъ университетской весны, взаимнаго увлеченія, общаго довѣрія и надежды на ярко-свѣтлое будущее. Университетъ былъ открытъ, и сталъ палладіумомъ всей балтійской интеллигенціи, и, нужно признаться, гордиться имъ могла и вся Россія.

Болѣе 80 лѣтъ этотъ „старый Дерптскій университетъ“ работалъ на основахъ, положенныхъ Александромъ I. Если взять въ руки и перелистать альбомъ 11.000 бывшихъ студентовъ Дерптскаго университета, то предъ вашими глазами предстанетъ богатая картина честнаго, самоотверженнаго труда на благо Россіи во всѣхъ ея частяхъ, и во время мира, и во время кровавыхъ войнъ. И среднія учебныя заведенія начали развиваться со времени Александра I. Въ XIX стол. процвѣталъ рядъ образцовыхъ училищъ — гимназіи Рижская, Ревельская, а также знаменитая Дор-

schule и гимназіи въ Биркенру. То были школы, которымъ даже Катковъ въ разгарѣ полемики въ 1864 г. отдалъ дань справедливости и уваженія. Въ царствованіе же Александра I выступаетъ на первый планъ и другой вопросъ: объ освобожденіи крестьянъ латышей и эстовъ. Рядъ законовъ съ 1804—1819 г. далъ имъ личную свободу и если не безусловное, то относительное земельное обезпеченіе. Нельзя сказать, чтобы вопросъ о поземельномъ устройствѣ балтійскихъ крестьянъ былъ рѣшенъ удовлетворительно, но основа для такого устройства была положена, и слѣдующее поколѣніе поставило балтійскаго мужика и батрака въ сравнительно лучшія условія, нежели знаменитое положеніе 19 февраля 1861 г. русскихъ крестьянъ.

„До этого времени (до эпохи освобожденія) вопросъ о взаимоотношеніи господствовавшихъ въ краѣ нѣмцевъ и подчиненныхъ имъ латышей и эстовъ не игралъ значительной роли. Латыши и эсты составляли почти нѣмую массу, рѣдко прерывавшую свое молчаніе меланхолическими пѣснями о сказочномъ прошломъ и о тяжкомъ настоящемъ. Со времени основанія самостоятельнаго эстонскаго и латышскаго крестьянства (изъ котораго вышла латышская и эстонская интеллигенція), вопросъ національный начинаетъ назрѣвать. Господствующіе въ краѣ нѣмцы сдѣлали грубую ошибку: они не воспользовались либеральнымъ временемъ Александра I для переустройства системы мѣстнаго самоуправленія, для ослабленія сословной замкнутости. Для новаго духа всесословной свободы —

древнее средневѣковое зданіе оказалось узкимъ: позднѣйшія попытки перестройки наталкнулись на времена менѣе гуманныя и терпимыя.

Въ войнахъ 1805—1814 г. нѣмецкіе бароны и бюргеры, а также рекруты изъ латышей и эстовъ сражались въ русскихъ войскахъ съ беззавѣтною храбростью. Александръ I былъ кумиромъ балтовъ всѣхъ національностей, и о какихъ-либо увлеченіяхъ идеями политическаго германизма рѣчи не было. На освобожденіе Германіи отъ наполеоновскаго ига смотрѣли сочувственно, но гордились русскимъ знаменемъ и русскимъ монархомъ.

Наступило царствованіе Николая I. Во вторую половину его возобновились попытки „слить" балтійскую окраину съ коренной Россіей. Въ 40-хъ годахъ возникло извѣстное движеніе въ средѣ латышей въ пользу выхода изъ ев.-лютеранской церкви и къ переходу въ православіе. Вѣскія причины были налицо. Обращеніе нѣмецкихъ помѣщиковъ съ крестьянами было далеко не безукоризненное; унаслѣдованная отъ среднихъ вѣковъ склонность къ грубому произволу и надменной гордой холодности давала себя чувствовать. На свободныхъ латышей и эстовъ смотрѣли по привычкѣ, какъ на расу низменную. Гдѣ много гордости, тамъ мало любви, а безъ огня любви ледяная кора недовѣрія и ненависти не могла оттаять. Въ кружкахъ же пасторовъ, за немногими исключеніями, господствовалъ холодный разсудочный раціонализмъ, отталкивавшій стремившуюся къ теплу народную душу. Пасторы считали свою церковь господствую-

щею, а гдѣ церковь господствуетъ, тамъ она сохнетъ и отталкиваетъ. Она исполняетъ свое великое дѣло только тамъ, гдѣ она „служитъ“. Православная церковь въ то время въ балтійскихъ губерніяхъ была бѣдна, но не „господствовала“, и латыши искали въ ней того тепла, въ которомъ отказывала „господствующая“. Религіознымъ движеніемъ въ средѣ латышей хотѣлъ воспользоваться министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій для уничтоженія всего автономнаго строя балтійскаго края. Генералъ-губернаторъ Головинъ началъ работу сближенія и сліянія. При немъ работалъ талантливый Ю. О. Самаринъ, который въ 1848 г. распространилъ въ рукописи свои извѣстныя „Письма изъ Риги“, содержавшія безпощадную критику одряхлѣвшаго средневѣковаго строя мѣстнаго управленія. За эти письма онъ угодилъ въ крѣпость и получилъ грозный нагоній отъ Николая I. На сліяніе окраинъ съ коренной Россіей Императоръ Николай I смотрѣлъ сочувственно, но онъ разгнѣвался на высказанное Самаринымъ мнѣніе, что русскіе монархи дѣйствовали подъ вліяніемъ пѣмецкихъ балтовъ. Это мнѣніе было, по его словамъ, „ядомъ, хуже того, который былъ влитъ въ жизнь Россіи декабристами“.

Головинскому объединенію помѣшала революція 1848 г. Реформы, начатыя во второй половинѣ 40-хъ годовъ, казались нарушеніемъ консервативныхъ началъ. Головинъ былъ отозванъ; его заступилъ князь Суворовъ, и въ эпоху суворовскаго генералъ-губернаторства мѣстное сословное управле-

ніе было почти цѣликомъ возстановлено. Только одно нововведеніе николаевской эпохи не было отмѣнено. Въ 1835 г. былъ введенъ въ силу въ нѣкоторыхъ частяхъ Сводъ Законовъ, въ томъ числѣ и новый уставъ ев.-лютеранской церкви, что признавалось въ балтійскихъ губерніяхъ за нарушеніе привилегій, гарантированныхъ Петромъ В. Введеніе же русскаго языка въ дѣлопроизводство мѣстныхъ учрежденій (не сословныхъ, а правительственныхъ) не было проведено, хотя выраженная на этотъ счетъ воля Николая I была неоднократно подтверждена.

Но если конецъ 40 годовъ и 50 годъ представляютъ съ одной стороны зрѣлище поворота къ старымъ порядкамъ, то въ соціалъ-экономическомъ отношеніи они являются эпохою обновленія. Религіозное движеніе 40-хъ годовъ побудило нѣмецкое дворянство и протестантское духовенство подойти ближе къ нуждамъ аборигеновъ края, какъ духовно-нравственнымъ, такъ и соціально-экономическимъ. Законъ 1849 г., изданный по почину дворянства, создалъ классъ обезпеченныхъ крестьянскихъ подворныхъ владѣльцевъ; улучшено было также положеніе батраковъ. Начинается энергичная работа дворянства и духовенства въ области народной школы. Вскорѣ одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей балтійскаго протестантизма, курляндскій пасторъ Вилленштейнъ, приступаетъ къ созданію и развитію латышскаго литературнаго языка. Нынѣшній латышскій литературный языкъ есть преимущественно дѣло его рукъ. Однако, на-

красно многіе изъ нашихъ публицистовъ говорятъ про германизацію латышей и эстовъ. Къ германизаціи не стремились ни „бароны", ни „пасторы". Можно даже сказать, что они опасались этой германизаціи. Она совсѣмъ не входила въ ихъ разсчеты За ихъ отрицательное отношеніе къ германизаціи они навлекли на себя упреки какъ нѣмецкихъ публицистовъ (напр., г. фонъ Трейчке), такъ и протестантскаго епископа Вальтера (въ проповѣди при открытіи ландтага въ 1864 г.). Но въ одномъ отношеніи нѣмецкіе господствовавшіе классы проявили косность и близорукость. Большинство дворянъ и горожанъ не желало признать необходимости коренной реформы строя мѣстнаго самоуправленія и упраздненія устарѣвшихъ привилегій, напр., права т. н. патронатства церковнаго. Тщетно въ началѣ 60-хъ годовъ передовые люди предсказывали будущую бѣду. Въ 60-хъ годахъ, какъ извѣстно, началось второе движеніе среди латышей къ переходу въ православіе. Мы не войдемъ въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, было ли оно искусственно или естественно. Напомнимъ поѣздку графа Бобринскаго, извѣстный указъ Александра II, упразднившій выдачу росписокъ объ обязательствѣ крестить въ православіе дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ. Всѣ эти событія, несомнѣнно, внесли смуту и броженіе. Секретные указы. не облеченные въ форму положительныхъ, несомнѣнныхъ законовъ. всегда опасны, а въ такихъ дѣлахъ въ особенности. Въ 1867 г. императоръ Александръ II энергично напомнилъ о необходимости распростра-

пенія знанія русскаго языка и о введеніи его въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ. Это энергичное напоминаніе отчасти раздражило, отчасти испугало нѣмцевъ. Познанія ихъ въ языкѣ государственномъ, дѣйствительно, были весьма и весьма слабы, и старые студенты дерптскаго университета не безъ иронін разсказываютъ про курьезныя испытанія изъ русскаго языка, которыя производились при университетѣ. Политическая близорукость, столь сильно властвующая въ областяхъ, живущихъ замкнутой жизнью, сказалась въ томъ, что мало или почти ничего не было сдѣлано для удовлетворенія требованія справедливаго и дальновиднаго монарха. Эта эпоха броженія и смущенія ознаменовалась и крупнымъ литературнымъ событіемъ. Въ 1868 г. заграницей появилась книга Ю. Ѳ. Самарина „Русскія окраины“, гдѣ всѣмъ автономіямъ была объявлена рѣшительная война. Это выдающееся сочиненіе, написанное съ блестящей діалектикой, вызвало бурю негодованія въ средѣ многихъ балтовъ. Появились язвительные и рѣзкіе отвѣты проф. Ширрена, гг. фонъ-Бокъ и фонъ-Сиверсъ. раздражившіе въ свою очередь русскихъ сторонниковъ національнаго объединенія.

Александръ II упразднилъ въ 1876 г. генералъ-губернаторство въ балтійскихъ губерніяхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ исчезъ послѣдній внѣшній слѣдъ ихъ политической общности.

Александръ III не утвердилъ завѣщанныхъ Петромъ В. и Екатериной II привилегій балтійскихъ губерній. Правовая основа мѣстной авто-

номіи была разрушена. „Балтикумъ“ долженъ былъ слиться съ коренной Россіей. Объединительнымъ реформамъ предшествовала извѣстная ревизія Манасеина. Она открыла массу недостатковъ въ сословныхъ судахъ края; въ нихъ, по свидѣтельству самихъ балтовъ, господствовали и непотизмъ, и тунеядство, и халатность, да и сословная партійность не дремала.

За ревизіей сенатора Манасеина послѣдовали въ періодъ 1883 — 1894 гг.: введеніе имперскихъ судебныхъ установленій, полицейской организаціи, русскій языкъ сталъ единственнымъ обязательнымъ языкомъ дѣлопроизводства въ правительственныхъ и общественныхъ установленіяхъ. Съ 1890 г. началась русификація Дерптскаго университета, переименованнаго въ Юрьевскій университетъ съ русскимъ языкомъ преподаванія. Постепенно были закрыты нѣмецкія среднія школы. Народная школа изъята изъ вѣдѣнія мѣстныхъ сословныхъ органовъ, помѣщиковъ и пасторовъ. Закрыты учрежденныя балтами учительскія семинаріи и народные учителя, поставленные подъ надзоръ директоровъ и инспекторовъ народныхъ школъ,— назначались изъ латышей и эстовъ, не имѣвшихъ надлежащей педагогической подготовки.

Съ 1904 г. началось броженіе среди латышей и эстовъ, поддержанное и вдохновляемое мѣстной печатью и направленное противъ остатковъ былого господства нѣмцевъ и ихъ культуры. Но затѣмъ оказалось, что это движеніе не только національстическое, но и революціонное соціалистическое,

идущее противъ государства, царской власти, религіи и всего существующаго общественнаго и политическаго порядка. Въ 1905—1906 гг. революція охватила весь Балтійскій край. Совершенъ цѣлый рядъ убійствъ, грабежей, поджоговъ и понадобились строгія военныя мѣры для усмиренія мятежа. Въ Эстляндіи революціонеры провозгласили эстонскую республику, а въ Лифляндіи и Курляндіи—латышскую. Только къ концу 1906 г. балтійская революція была подавлена. Вожаки или разстрѣляны, или успѣли скрыться въ Финляндію.

Въ настоящее время правительство озабочено реформировать мѣстное управленіе и самоуправленіе. Реформа можетъ быть проведена, конечно, только на началахъ скромной автономіи.

Для того, чтобы пользоваться автономіей, данный край долженъ по своему внутреннему строенію соотвѣтствовать извѣстнымъ условіямъ: этнографическимъ и политическимъ, и при томъ долженъ быть обезпеченъ интересъ метрополіи.

Этнографическія условія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ слѣдующія: въ Лифляндіи—1.300.000 жителей. Изъ нихъ 42 проц. латышей, 41 проц. эстонцевъ, 8 проц. нѣмцевъ, 5 проц. русскихъ, 2 проц. евреевъ, около 1 съ полов. проц. поляковъ. Въ Эстляндіи—около 500.000 жителей; изъ нихъ 8 проц. нѣмцевъ, остальные почти все эстонцы (есть небольшая группа шведовъ). Въ Курляндіи 750.000 жителей: изъ нихъ 8 проц. нѣмцевъ, 2 проц. русскихъ, 1 проц. поляковъ и эстонцевъ, около 8 проц. евреевъ, остальные латыши.

Слѣдовательно этнографическаго единства нѣтъ. Если предоставить Балтійскому краю широкую автономію, со своимъ особымъ мѣстнымъ законодательнымъ учрежденіемъ, то нельзя не предвидѣть, что мы увидимъ рознь между двумя почти равносильными народностями: латышами и эстонцами: если они соединятся, то въ результатѣ окажется порабощеніе наиболѣе культурнаго слоя: нѣмцевъ, а также русскихъ, представителей господствующей въ Россіи народности, чего русская государственная власть допустить не можетъ. Что касается общегосударственныхъ политическихъ интересовъ, то они не терпятъ образованія полусамостоятельной окраины на балтійскомъ побережьи. Эта позиція настолько важна и въ политическомъ и въ стратегическомъ отношеніи, что она должна оставаться въ полномъ обладаніи русской государственной власти. Скажутъ, что я смѣшиваю федерацію съ автономіей. Теорія ихъ строго различаетъ, но на практикѣ отъ широкой автономіи къ федераціи одинъ шагъ.

Слѣдовательно въ отношеніи балтійскихъ губерній допустима только автономія въ узкомъ смыслѣ слова; въ нихъ должно осуществиться мѣстное самоуправленіе на началахъ безсословности, общности, равенства. Я дѣлаю только одну оговорку: политическимъ правамъ соотвѣтствуютъ политическія обязанности; безъ политическихъ обязанностей нѣтъ политическихъ правъ. Право участвовать въ общественномъ самоуправленіи долженъ имѣть только тотъ, кто несетъ на своихъ плечахъ какую-либо

повинность въ пользу общенія. Кто налоговъ не уплачиваетъ, кто повинностей не отбываетъ, тому нѣтъ активной доли въ общественномъ самоуправленіи. Мнѣ скажутъ: это точка зрѣнія плутократическая. Неправда. Берите примѣръ съ демократическихъ скандинавскихъ государствъ; тамъ это правило признается правиломъ общественной справедливости и выдерживается такъ строго, что даже недоимщикъ лишается активнаго права участія въ общественномъ самоуправленіи до взноса недоимки.

Но широкое общественное самоуправленіе не должно идти въ ущербъ требованіямъ государственнаго единства. Государственный языкъ долженъ быть господствующимъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ въ управленіи, такъ и въ судѣ, но съ тѣмъ, чтобы на должности въ этихъ учрежденіяхъ назначались исключительно лица, знающія мѣстные языки, ибо господство толмачей есть помѣха правосудію. Господство мѣстныхъ языковъ допустимо въ низшихъ инстанціяхъ суда и мѣстнаго общественнаго самоуправленія, а также въ народныхъ училищахъ, содержимыхъ на частныя и общественныя средства. Право государственной службы, конечно, должно быть предоставлено лишь лицамъ вполнѣ владѣющимъ государственнымъ языкомъ. Такая автономія не будетъ грозить жизненнымъ интересамъ русскаго государства.

Объ автономіи Польши.

Въ эпоху самаго глубокаго униженія Россіи, во вторую половину XIII ст., начинается ростъ Литовскаго Великаго Княжества; къ началу XV ст. оно захватило древнѣйшія, коренныя русскія области: Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Волынь, Подолію, Полоцкъ; граница Великаго Княжества Литовскаго доходила до Оки. *Калуга* была русскимъ пограничнымъ городомъ.

Съ 1501 г. Литва на основахъ, такъ называемой, личной уніи соединяется съ Польшей, а въ 1569 г., въ Люблинѣ, польско-литовскій сеймъ торжественно утверждаетъ это соединеніе.

Между Русью и Западной Европой встала могущественная, враждебная Россіи, Рѣчь-Посполитая.

Слушателямъ, вѣроятно, болѣе или менѣе извѣстна исторія взаимоотношеній Россіи и Польши въ XVI ст. и XVII ст. Припомните угнетеніе, такъ называемыхъ, диссидентовъ, т. е. иновѣрцевъ, некатоликовъ, борьбу Ивана Грознаго со Стефаномъ Баторіемъ изъ-за Полоцка и Ливоніи, поддержку Лжедимитріевъ Польшею, разореніе Москвы, претензіи короля Сигизмунда и королевича Владислава на престолъ московскій, освобожденіе Москвы отъ поляковъ, борьбу изъ-за Смоленска при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, войну при Алексѣѣ Михайловичѣ изъ-за Малороссіи, желавшей освободиться отъ латинянъ и отъ гнета пановъ. Смо-

ленскъ и Кіевъ возвращены Россіи. Начинается постепенное ослабленіе Польши и усиленіе Россіи. Въ XVIII ст. внутреннія раздоры содѣйствовали полному разложенію Польши. Но все еще территорія ея была велика и вторгалась въ самое сердце Россіи Въ 1772 г., наканунѣ перваго раздѣла. Польша владѣла всѣмъ правымъ берегомъ Днѣпра (за исключеніемъ Кіева), захватывая также часть лѣваго берега, почти до Смоленска. На сѣверо-востокѣ польскія владѣнія, переходя черезъ Западную Двину, доходили почти до Великихъ Лукъ, до Опочки и Острова.

Вотъ онѣ, знаменитыя границы 1772 г., о возстановленіи коихъ мечтаютъ польскіе патріоты! Помните, что онѣ захватываютъ почти одну треть Европейской Россіи, ея древнее историческое достояніе. Растерзанная внутренними раздорами, ослабленная нелѣпымъ государственнымъ устройствомъ, обезславленная интригами продажнаго дворянства, безправственнаго, развратнаго духовенства, угнетавшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, Польша во вторую половину XVIII ст. сдѣлалась жертвою сосѣдей. Послѣдовали 3 раздѣла Польши въ 1772, 1793 и 1795 гг. Политика Екатерины II возвратила Россіи не только ея коренныя историческія области, но и включила въ составъ ея древнее Литовское княжество.

Въ 1807 г. была присоединена Бѣлостокская область, а въ 1815 г. на основаніи Вѣнскаго мирнаго трактата Россія пріобрѣла главную часть созданнаго Наполеономъ I Великаго Герцогства

Варшавскаго, нынѣшнія 10 привислинскихъ губерній. Но эти области, составлявшія нѣкогда ядро польскаго королевства, не были включены въ составъ Россійской Имперіи. Онѣ составили вполнѣ автономное королевство Польское, связанное съ Россіей на началахъ личной уніи. Россію и Польшу связывала общность монарха, династіи и только!

Александръ I, завоевавъ Польшу силою оружія, рѣшилъ создать изъ нея самостоятельное конституціонное государство, которое могло бы служить образцомъ, по которому онъ думалъ преобразовать всю Россію.

Болѣе широкой автономіи, нежели та, которую Александръ I далъ Польшѣ въ 1815 г., нельзя себѣ представить.

15 ноября 1815 г. Польшѣ дана конституція, составленная по образцу либеральной французской хартіи 1814 г.

Въ силу этой конституціи Польша объявлена „наслѣдственной монархіей, навсегда соединенной съ Россійской Имперіей“. Римско-католическая религія должна была быть „предметомъ особаго попеченія“, безъ малѣйшаго однако ущерба для свободы другихъ исповѣданій. Полякамъ была гарантирована какъ свобода слова, такъ и свобода личности. Польскій языкъ объявлялся языкомъ суда и управленія. Всѣ должности должны были быть замѣщаемы одними только поляками. Образована особая польская армія (съ польскими офицерами и польскою командою), особое знамя, гербъ и монета. Императоръ Всероссійскій короновался королемъ

польскимъ. На время своего отсутствія онъ назначалъ намѣстника; намѣстникомъ могъ быть только полякъ, исключеніе допускалось только для членовъ Императорскаго дома.

Въ конституціи было сказано: „польскій народъ на вѣчныя времена будетъ имѣть національное представительство на сеймѣ, состоящемъ изъ короля и двухъ палатъ“. Первую составлялъ сенатъ, вторую послы и депутаты отъ общинъ. Сеймъ совмѣстно съ королемъ имѣлъ власть законодательную; онъ же устанавливалъ на четыре года роспись доходовъ и расходовъ.

Исполнительная власть была предоставлена королю; всѣ его распоряженія и постановленія получали силу только тогда, когда на нихъ находилась скрѣпа министровъ, отвѣтственныхъ за то, что въ нихъ не было ничего, что противорѣчило бы конституціи или отдѣльнымъ законамъ.

Польша имѣла своихъ особыхъ министровъ: 1) министра исповѣданій и народнаго просвѣщенія, 2) министра юстиціи, 3) министра внутреннихъ дѣлъ и полиціи, 4) министра военнаго и 5) министра доходовъ и государственныхъ имуществъ.

При намѣстникѣ состоялъ Государственный Совѣтъ. Безъ Государственнаго Совѣта намѣстникъ не могъ предпринять никакихъ важныхъ мѣръ въ управленіи.

Если польская автономія въ состояніи вполнѣ примирить поляковъ съ русскими, то нужно и можно было ожидать, что основаніе самостоятель-

наго конституціоннаго польскаго королевства уже безусловно обезпечитъ полное согласіе между Россіей и Польшей.

Между тѣмъ великодушіе Александра I къ такому согласію не привело. Поляки не нашли серьезныхъ причинъ къ недовольству. По свидѣтельству польскихъ же публицистовъ, состояніе Польши съ 1815—1830 г. было цвѣтущее. Финансы, дорожное дѣло, народное просвѣщеніе, положеніе крестьянъ—все улучшилось. Между тѣмъ подготовка къ мятежу начинается уже съ 1817 г., т.-е. за восемь лѣтъ до воцаренія Николая I. Въ этомъ броженіи видятъ послѣдствіе суровости намѣстника Вел. Князя Константина Павловича. Однако, эти суровости касались только арміи; объ угнетеніи Польши Константиномъ (женатымъ на полькѣ) говорить едва ли можно серьезно, такъ какъ онъ въ гражданское управленіе совсѣмъ не вмѣшивался.

Извѣстно, что бокъ-о-бокъ съ заговоромъ декабристовъ образовался въ Польшѣ заговоръ польскій. Возстаніе было предположено въ 1829 г.; во время коронованія хотѣли убить Николая I-го. Покушеніе это не состоялось. Революціонное движеніе въ Европѣ въ 1830 г. дало сигналъ къ польской революціи. Не стану говорить про извѣстные всѣмъ факты; про ночное нападеніе на русскихъ въ Варшавѣ, про попытку убить Великаго Князя Константина, про отступленіе русскихъ войскъ. 13 января 1831 г. польскій сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишеннои польскаго престола.

Послѣ этого не могло быть болѣе рѣчи о примиреніи. Война 1831 г. велась съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ послѣ взятія Воли пала Варшава, и Польша лежала у ногъ русскаго монарха. Суровый Императоръ Николай не былъ склоненъ пощадить Польшу. Однако, объ упраздненіи польской автономіи на первыхъ порахъ не было рѣчи. Она была только ограничена. Органическій статутъ 1832 г. объявилъ упраздненіе самостоятельнаго Польскаго королевства. Конституція 1815 г. была отмѣнена: сеймъ упраздненъ, польское войско распущено. Высшими органами управленія стали: Намѣстникъ, Государственный Совѣтъ и Административный Совѣтъ (оба въ Варшавѣ). Согласно постановленіямъ Органическаго Статута. Царство Польское объявлено составною частью Россіи. Но Органическій Статутъ сохранилъ за Польшею довольно широкую автономію.

Духовныя и гражданскія должности замѣщались монархомъ, по изъ числа кандидатовъ, предложенныхъ Административнымъ Совѣтомъ.

Функціи Государственнаго Совѣта заключались въ слѣдующемъ: онъ составлялъ роспись доходовъ и расходовъ и законопроекты; онъ разсматривалъ пререканія между различными административными и судебными органами; онъ привлекалъ чиновниковъ къ отвѣтственности за преступленія по должности.

Законодательная власть была сосредоточена исключительно въ рукахъ монарха. Законопроекты, составленные Государственнымъ Совѣтомъ въ Польшѣ.

разсматривались въ особомъ Департаментѣ по дѣламъ Царства Польскаго при обще-имперскомъ Государственномъ Совѣтѣ.

Вмѣсто министерствъ учреждены 3 правительственныя комиссіи: внутреннихъ дѣлъ, просвѣщенія, суда и финансовъ.

Мѣстными органами были: воеводскія комиссіи, городскіе бурмистры и гминные войты.

Органами мѣстнаго самоуправленія были: собранія провинціальныхъ чиновъ и воеводскіе совѣты изъ членовъ, избираемыхъ на шляхетскихъ собраніяхъ въ уѣздахъ и на гминныхъ собраніяхъ въ округахъ.

Эта организація во многихъ пунктахъ осталась на бумагѣ. Почему? Потому что въ 1833 г. вспыхнулъ новый мятежъ, немедленно подавленный.

Вотъ теперь-то начались суровыя мѣры.

Административныя должности наполовину были заняты русскими, въ дѣлопроизводство и въ школы вводился государственный языкъ, университеты въ Варшавѣ и въ Вильнѣ закрыты. *Осталась только особая монета* и до 1850 г. таможенная граница. Съ неуклонною настойчивостью и суровостью Императоръ Николай I велъ борьбу съ католическимъ духовенствомъ и со всѣми національно-революціонными тенденціями. Попытка возстанія въ 1846 г. кончилась полною неудачей; въ 1848 г. поляки не рѣшались и думать о возстаніи; даже опасные годы 1853—1856 прошли спокойно.

Поляки во все царствованіе Николая I какъ будто находились подъ впечатлѣніемъ грозной рѣчи

ею, сказанной въ 1835 г. въ Варшавѣ. Суровый императоръ заявилъ имъ слѣдующее:

„Императору Александру I, который сдѣлалъ для васъ болѣе, чѣмъ русскому императору слѣдовало, который осыпалъ васъ благодѣяніями, который покровительствовалъ вамъ болѣе, чѣмъ своимъ природнымъ подданнымъ, который сдѣлалъ изъ васъ націю самую цвѣтущую и самую счастливую,— императору Александру I вы заплатили самою черной неблагодарностью.

Вы никогда не хотѣли довольствоваться самымъ выгоднымъ положеніемъ и кончили тѣмъ, что сами разрушили свое счастье.

Если вы будете упрямо лелѣять мечту отдѣльной національности, независимой Польши и всѣ эти химеры, вы только навлечете на себя большія несчастія.

По повелѣнію моему воздвигнута здѣсь цитадель, и я вамъ объявляю, что при малѣйшемъ возмущеніи я прикажу разрушить вашъ городъ: я разрушу Варшаву, и уже, конечно, не я отстрою ее снова“.

Наступило новое царствованіе. Повѣяло другимъ воздухомъ, несмотря на то, что Императоръ Александръ II въ рѣчи, произнесенной къ депутаціи отъ жителей Варшавы, сказалъ, въ 1856 г., между прочимъ: „Прочь фантазіи, господа! Все, что сдѣлалъ мой отецъ, хорошо сдѣлано. Правленіе мое будетъ дальнѣйшимъ продолженіемъ его царствованія“. Началось же съ того, что николаевскій *суровый режимъ* былъ въ *значитель-*

ной стѣсни смягченъ. Но событія на западѣ Европы, объединеніе Италіи и поворотъ Австріи на путь либеральныхъ реформъ оказали сильное вліяніе на пылкую польскую молодежь. Съ 1860 г. начинается сильное броженіе въ Польшѣ: происходятъ столкновенія съ войсками. Въ видахъ успокоенія страны правительство рѣшается произвести рядъ реформъ въ духѣ автономіи. *Польскій патріотъ маркизъ Велепольскій призывается на постъ* директора комиссіи вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія; согласно его проекту дѣлается первый шагъ къ возстановленію автономіи Польши. Въ 1861 г. возстановленъ государственный совѣтъ, закрытый въ 1851 г., образованы выборные губернскіе, уѣздные и городскіе совѣты. рѣшено открыть высшія учебныя заведенія; преобразуются среднія учебныя заведенія.

Но волненія не прекращаются; революціонное движеніе растетъ и усиливается.

Несмотря на агитацію революціонныхъ партій. Велепольскій спокойно идетъ по пути освободительныхъ реформъ; уничтожается крѣпостное право. замѣняется барщина чиншемъ, евреи уравниваются въ правахъ съ христіанами, увеличивается число начальныхъ и среднихъ школъ, возстанавливается преподаваніе на польскомъ языкѣ, въ Варшавѣ учреждается университетъ подъ названіемъ высшей школы.

Каковъ же отвѣтъ со стороны населенія?

Новыя демонстраціи, манифестаціи, покушенія, нападенія на войска.

Императоръ Александръ II тѣмъ не менѣе рѣшается усмирить Польшу продолженіемъ реформъ. Въ 1861 г. *намѣстникомъ* назначается либеральный вел. князь *Константинъ Николаевичъ;* помощникомъ его по гражданской части назначенъ *Велепольскій*. Польшѣ возвращается почти полная автономія: *Велепольскій явно ведетъ дѣло къ возстановленію конституціи 1815 г. Каковъ отвѣтъ поляковъ?* Вся революціонная партія съ графомъ Замойскимъ во главѣ выставляетъ въ качествѣ конечной *цѣли своихъ стремленій: отпаденіе Польши отъ Россіи и возстановленіе Польши въ границахъ 1772 г.*

Теривніе русскаго правительства исчерпано. Оно рѣшилось предупредить взрывъ революціи рекрутскимъ наборомъ, чтобы устранить горячія головы.

Польша въ свою очередь отвѣчаетъ открытымъ возстаніемъ. Мятежъ охватилъ всю *Польшу, Литву и даже Волынь. Извѣстно всѣмъ, что мятежъ подавленъ суровыми, отчасти жестокими* мѣрами Берга и въ особенности Муравьева. Послѣ прекращенія мятежа *польская автономія въ третій разъ отмѣнена.* Постепенно упраздняется *государственный* совѣтъ. Административный совѣтъ замѣняется правительственной комиссіей; вводится русское управленіе, русскія школы, русскій языкъ, русская монета, русскіе законы (за исключеніемъ гражданскихъ, торговыхъ и ипотечныхъ); энергично проводится крестьянская реформа. *Объединительная политика* продолжается непре-

рывно съ 1864 по 1904 г., то усиливаясь въ своей энергіи, то слабѣя, въ зависимости отъ личности генералъ-губернатора.

Такова исторія Польши въ краткихъ словахъ со времени 1815 г.

Чему учатъ насъ эти факты исторіи? 3 раза русское правительство пыталось удовлетворить требованія польскаго народа, 3 раза оно давало *ему внутреннюю самостоятельность, 3 раза въ отвѣтъ на эту политику слѣдовалъ мятежъ во имя отпаденія Польши отъ Россіи и возстановленія Польши въ границахъ 1772 г.*, т.-е. съ захватомъ Литвы, Бѣлоруссіи, Червонной Руси и части Малороссіи. *Едва-ли правительство, сознающее свои обязанности передъ русскимъ народомъ, рѣшится на четвертую попытку и откроетъ путь къ новому мятежу и новымъ посягательствамъ на историческое достояніе Россіи.*

Глядя трезво въ глаза прошлому, едва-ли возможно мечтать о дарованіи Польшѣ *широкой автономіи. Рѣчь можетъ идти объ организаціи мѣстнаго самоуправленія въ Польшѣ на началахъ уваженія къ польской національности и польской культурѣ.*

Объ автономіи Финляндіи.

Про древнѣйшія судьбы Финляндіи я скажу только нѣсколько словъ. Извѣстно, что въ доисто-

рическое время вся сѣверная Россія и часть средней (до Оки) была населена финнами. Это коренное населеніе отчасти уступило натиску славянскихъ колонистовъ съ юга и запада и отошло на крайній сѣверъ, отчасти слилось со славянами, образовавъ велико-русскую народность. Одно изъ финскихъ племенъ участвовало въ призывѣ варяжскихъ князей и въ основаніи русскаго государства въ Новгородѣ. Новгородцы въ теченіе почти шести столѣтій стремились захватить Финляндію и твердо сѣсть на сѣверномъ побережьѣ Финскаго залива. Послѣ вѣковой борьбы со шведами Новгородъ заключилъ миръ въ Орѣшкѣ (Нотебургѣ) въ 1323 г.: въ силу этого трактата почти половина Финляндіи была признана достояніемъ Новгорода. Черезъ нѣсколько десятилѣтій вновь возгорѣлась борьба; она шла съ перемѣннымъ счастьемъ, но съ XVI ст. замѣчается постепенное вытѣсненіе русскихъ изъ Финляндіи; это вытѣсненіе русскихъ увѣнчалось тяжкимъ для русскихъ, славнымъ для шведовъ Столбовскимъ мирнымъ договоромъ 1617 г. Король Густавъ-Адольфъ въ память о Столбовскомъ мирѣ велѣлъ поставить громадный камень и сказалъ: „я выкопалъ ровъ между Швеціей и Россіей; Богъ дастъ, москвичи никогда болѣе не успѣютъ перескочить черезъ этотъ ровъ“. Онъ ошибся: черезъ 80 лѣтъ москвичъ собрался съ силами и перескочилъ. .

Вѣковое стремленіе Россіи къ Балтійскому морю нашло, какъ извѣстно, въ лицѣ Петра В. самаго энергичнаго поборника. Послѣ 20-лѣтней крово-

пролитной войны Петръ пріобрѣлъ Ингерманландію, Эстляндію и Лифляндію, и восточную Финляндію съ Выборгомъ. Въ силу Ништадтскаго мирнаго трактата 1721 г., какъ я замѣтилъ выше, двумъ балтійскимъ областямъ, Эстляндіи и Лифляндіи, было обезпечено сохраненіе сословныхъ привилегій и мѣстнаго самоуправленія. Восточной Финляндіи такія преимущества дарованы не были. Она безъ всякихъ условій включена въ составъ Россійской Имперіи. Шведскіе законы въ ней сохранены постольку, поскольку они касались гражданскаго и хозяйственнаго строя, и отчасти административнаго строя. Русское правительство рѣшило содѣйствовать объединенію завоеванной части Финляндіи съ коренной Россіей путемъ переселенія русскихъ помѣщиковъ на государственныя земли. Однако, эта политика не привела къ желаннымъ результатамъ, ибо русскіе помѣщики лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ жили въ помѣстьяхъ; ихъ управляющіе притѣсняли крестьянъ, а многіе помѣщики сдавали свои земли въ аренду тѣмъ же финскимъ крестьянамъ и исподволь старались финляндскихъ крестьянъ превратить въ крѣпостныхъ. Далѣе, русское правительство не позаботилось о томъ, чтобы администрацію Финляндіи вручить въ руки честныхъ, безкорыстныхъ, достойныхъ представителей власти. Должности замѣщались часто недостойными лицами, не съумѣвшими пріобрѣсти уваженія и довѣрія финляндцевъ. Въ 1741 г. возгорѣлась вновь война со Швеціей. Результаты ея были для шведовъ печальные, для русскихъ блестящіе. Вся Финляндія

была занята, и императрица Елизавета Петровна рѣшила не отдавать ее болѣе Швеціи. Жители были принуждены къ присягѣ въ вѣрности русской монархинѣ. Однако, русское правительство обошлось съ Финляндіей весьма гуманно. Въ двухъ областяхъ (Або и Эстерботтенъ) были созваны мѣстные провинціальные сеймы для обсужденія мѣръ къ устройству края. Русскіе губернаторы, Ласси, Кейтъ, Киндерманъ, Кампенгаузенъ всячески старались залечить раны, нанесенныя войной. Но къ концу войны мысль объ инкорпораціи Финляндіи была оставлена, и впервые возникла идея объ образованіи полунезависимаго финляндскаго государства подъ протекторатомъ Россіи. Въ концѣ концовъ и эта мысль не осуществилась. На основаніи мирнаго договора въ Або (1743 г.) только небольшая полоса Финляндіи съ городами Фредриксгамъ и Нишлотъ присоединена къ Россіи. Остальная Финляндія возвращена Швеція.

Около середины XVIII стол. въ Финляндіи произошло знаменательное въ культурно-историческомъ отношеніи движеніе. Финляндцы требовали введенія финскаго языка въ судѣ и управленіи. Это требованіе было отклонено шведскимъ правительствомъ, которое заявило, что оно не можетъ допустить того, что поколебало бы силу и единство государства. Этотъ отказъ вызвалъ не малое недовольство въ сферахъ финляндской интеллигенціи и способствовалъ ея охлажденію къ шведской метрополіи. Это отчужденіе растетъ едва замѣтно, но сгущается къ концу XVIII стол. Зачатки мысля

о самобытности финской культуры и націи были даны. Еще столѣтіе, и она созрѣла.

Зарожденію финскаго національнаго самосознанія содѣйствовала также и неудача обрусительной политики въ т. н. „Старой Финляндіи“. Эта „Старая“ или русская Финляндія (т.-е. части Финляндіи, пріобрѣтенныя въ 1721 и 1743 гг.) находилась въ весьма и весьма жалкомъ положеніи. Екатерина II ввела въ 1786 г. „учрежденіе о губерніяхъ“, но и новые органы управленія не отличались ни безкорыстіемъ, ни усердіемъ, а угнетеніе крестьянъ возрастало изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе. Когда въ 1802 г. Александръ I приказалъ учредить особую комиссію для обсужденія дѣлъ „Старой Финляндіи“, то эта комиссія представила императору докладъ, въ которомъ она совершенно откровенно признала, что положеніе русской Финляндіи съ 1721 г. не сдѣлало ни одного шага на пути прогресса, и въ 1811 г. государственный совѣтъ рѣшилъ, что спасти эту часть Финляндіи отъ полнаго разстройства можетъ только—присоединеніе къ „Новой Финляндіи“.

Въ 1788 г. честолюбивый король Густавъ III, пользуясь тяжелыми политическими условіями, въ которыхъ находилась Россія, началъ военныя дѣйствія. Эта война вызвала сильное недовольство въ рядахъ шведской арміи. Въ Аньяла группа шведскихъ недовольныхъ составила заговоръ съ цѣлью принудить короля прекратить войну и возстановить шведскую олигархическую конституцію 1720 г., а въ Аккала группа финляндскихъ сепаратистовъ

рѣшила отторгнуть Финляндію отъ Швеціи и присоединить ее къ Россіи на правахъ полусамостоятельнаго государства. Но Екатерина II отнеслась къ этимъ предложеніямъ весьма холодно, и переговоры финляндцевъ съ русскими ни къ чему не привели. Екатерина полагала, что финляндскій вопросъ еще не дозрѣлъ до окончательнаго рѣшенія. Война въ 1790 г. окончилась безъ всякихъ результатовъ, но она дала второй толчекъ сепаратистическимъ стремленіямъ Финляндіи. Въ эпоху съ 1790 г. по 1802 г. взаимныя отношенія Россіи и Швеціи улучшились. Въ 1800 г., когда финляндская знать не пожелала отправиться на засѣданіе шведскаго рикедага, не желая признать своимъ появленіемъ ненавистнаго Акта Соединенія и Безопасности 1789 г. въ качествѣ основного закона, — Павелъ I предложилъ королю шведскому военную помощь для подавленія недовольныхъ. Съ 1802 г. начинается охлажденіе дружбы, которое вскорѣ дошло до открытой вражды. Заручившись согласіемъ Наполеона, Александръ I приступилъ въ 1808 г. къ завоеванію Финляндіи. Русскія войска быстро заняли всю южную и среднюю Финляндію, и Александръ I объявилъ о безусловномъ включеніи Финляндіи въ составъ русскаго государства. Слѣдуя примѣру Елизаветы Петровны, онъ потребовалъ отъ населенія принесенія присяги въ вѣрноподданствѣ. Благодаря угрозамъ военной силы, финляндцы присягнули, но Александръ I успокоилъ ихъ обѣщаніемъ сохранить ихъ права и преимущества. Вскорѣ, однако, наступилъ застой въ рус-

скихъ военныхъ операціяхъ, а затѣмъ военное счастіе улыбнулось врагамъ. Русскіе потерпѣли рядъ пораженій: въ тылу ихъ арміи возсталъ народъ. Въ этотъ моментъ Александръ мѣняетъ свою политику, сознавая, что война не можетъ и не должна долго затянуться. Принудительное подчиненіе Финляндіи во имя голаго права завоеванія казалось опаснымъ. Дружественная связь съ Наполеономъ сильно поколебалась, несмотря на Эрфуртское свиданіе императоровъ Рано или поздно, это ясно сознавалъ Александръ I, нужно было вступить въ борьбу съ Наполеономъ, а въ случаѣ такой рѣшительной войны враждебная, только силою оружія покоренная Финляндія была бы страшнымъ врагомъ.

По совѣту финляндскихъ эмигрантовъ 1788 г., поселившихся въ Россіи, Александръ рѣшилъ гарантировать финляндцамъ сохраненіе привилегій, сословныхъ и церковныхъ, и самостоятельное внутреннее устройство на основѣ шведской конституціи. По моему мнѣнію, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Александръ I подъ словами „коренные законы“ понималъ именно тѣ политическіе основные законы, которые опредѣляли собою конституціонное устройство Финляндіи, въ качествѣ составной части шведскаго государства, а не общее уложеніе 1734 г. и не церковное уложеніе 1686 г.

Императоръ рѣшилъ также собрать сеймъ земскихъ чиновъ Финляндіи. Предварительно его созыва онъ вызвалъ въ Петербургъ депутацію отъ

сословій для совѣщанія о нуждахъ края, а въ мартѣ 1809 г. собрался сеймъ въ Борго.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ сеймъ правовой основы подъ собой не имѣлъ. Государственные законы Швеціи признавали только сеймъ государственныхъ чиновъ Швеціи, а мѣстныхъ сеймовъ не допускали. Созвать законный сеймъ могъ только законный король Швеціи, а отнюдь не военный оккупантъ Александръ I. До заключенія мира со Швеціей ни русскій императоръ не имѣлъ права созывать сеймъ, ни финляндцы не имѣли права являться на сеймъ и обсуждать и постановлять о государственныхъ вопросахъ. Сеймъ въ Борго былъ несомнѣнно нарушеніемъ положительнаго права. Александръ I былъ творцомъ новаго публичнаго права Финляндіи. Въ манифестѣ 23 марта (4 апрѣля) 1809 г. онъ для Финляндіи особо, порывая связь ея со Швеціей, объявилъ о сохраненіи всѣхъ коренныхъ (или основныхъ) законовъ, религіи края и всѣхъ правъ и преимуществъ, коими всѣ сословія и всѣ жители пользовались въ эпоху шведскаго владычества. И вотъ совокупность этихъ основныхъ или коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ и образовала финляндскую конституцію, сохраненіе которой навсегда обѣщалъ завоеватель.

Этотъ актъ былъ актомъ политической необходимости и мудрости. Побудивъ финляндцевъ принять отъ русскаго монарха шведское публичное право, какъ самостоятельное финляндское право, Александръ связалъ ихъ интересы съ интересами Россіи и предупредилъ опасность отложенія Фин-

ляндіи отъ Россіи. Финляндія была объявлена „свободною во внутреннихъ отношеніяхъ", финляндцы возведены „на степень націи"; это соотвѣтствовало завѣтнымъ желаніямъ финляндской интеллигенціи. Подъ „конституціей" Александръ I понималъ преимущественно два основныхъ закона Швеціи: форму правленія 1772 г. и актъ соединенія и безопасности 1789 г., и онъ считалъ утвержденіе ихъ вполнѣ возможнымъ, ибо эти законы оставляли въ рукахъ монарха гораздо болѣе власти, нежели, напр., польская конституція 1815 г., которую создалъ самъ Александръ I-й 6 лѣтъ спустя. Основныя правовыя положенія шведскихъ основныхъ законовъ вполнѣ соотвѣтствовали умѣреннымъ либеральнымъ взглядамъ Императора.

17 сентября 1809 г. былъ заключенъ Фридрихсгамскій мирный договоръ, въ силу котораго шведскій король уступилъ 6 шведскихъ провинцій (составившихъ Великое Княжество Финляндское по волѣ Александра I) „въ собственность и державное обладаніе Россійской Имперіи", не выговаривая никакихъ особыхъ преимуществъ въ пользу своихъ прежнихъ подданныхъ, т.-е. иными словами — онъ признавалъ, что политическая организація уступленной территоріи есть не актъ международнаго права, а актъ русской государственной власти, не связанной своимъ словомъ по отношенію къ шведскому контрагенту. Этимъ финляндская автономія отличается отъ автономіи балтійскихъ губерній и Польши. Автономная организація этихъ областей была результатомъ международно-правовыхъ соглашеній (въ

силу трактатовъ 1721, 1743 и 1815 гг.), а автономія финляндская есть исключительно внутреннее дѣло Россіи. Международное право Финляндіи, какъ особаго субъекта публичнаго права, не знаетъ. Финляндія, какъ политическое цѣлое, существуетъ только въ предѣлахъ русскаго государственнаго права. Изъ этого слѣдуетъ, что упраздненіе автономіи Польши и Балтійскихъ губерній могло бы дать поводъ къ международнымъ протестамъ, если бы контрагенты международныхъ актовъ 1721, 1743 и 1815 г. сами не нарушили послѣ 1815 г. эти трактаты.

Далѣе нельзя не придти къ слѣдующему выводу: признаніе финляндской автономіи въ 1809 г. было актомъ единоличной воли монарха. Съ того времени, когда къ осуществленію законодательной власти привлечено народное представительство, вопросъ объ автономіи Финляндіи войдетъ въ область компетенціи этого представительства, и монаршій актъ 1809 г. долженъ получить подтвержденіе со стороны представителей русскаго народа, ибо Финляндія уступлена не русскому Императору, а „въ собственность и державное обладаніе Россійской Имперіи“.

Въ концѣ 1811 г. Александръ I, по совѣту друга своего, графа Г. М. Армфельта и на основаніи заключенія Государственнаго Совѣта, отдѣлилъ Выборгскую губернію отъ коренной Россіи и присоединилъ ее къ Великому Княжеству Финляндскому. Этотъ актъ уже нельзя назвать актомъ политической мудрости. Это значило: при-

двинуть границу автономнаго края къ дверямъ столицы, и Великій Князь Константинъ Павловичъ былъ правъ, назвавъ эту мѣру: „политикой великана наизнанку". Если бы Выборгская губернія осталась русской губерніей — финляндскій вопросъ потерялъ бы значительную долю своей остроты. Такимъ образомъ, Финляндія вошла въ составъ Всероссійскаго государства на правахъ широко автономной области, или — какъ выразился Сперанскій: не какъ губернія, а какъ государство. Она имѣла свой сеймъ, какъ органъ законодательный, сенатъ, какъ органъ управленія центральнаго, свои суды, свой кодексъ, свою мѣстную, господствующую церковь, свои учебныя заведенія, кадры своего войска, свои финансы, свое право гражданства, свои сословія.

Каково же было отношеніе финляндцевъ къ Россіи, къ ея монархамъ и къ русскимъ? Нужно признать, что въ теченіе первыхъ 44 лѣтъ незамѣтны какія-либо стремленія къ строгой обособленности; напротивъ, замѣтно стремленіе къ сближенію съ Россіей, не говоря уже про привязанность къ монархамъ, которая въ эпоху Александра доходила до энтузіазма, а при Николаѣ I была также искренней и сильной. Слишкомъ уже отличались эти двѣ крупныя личности отъ жалкихъ фигуръ королей Густава IV, Адольфа и Карла XIII.

Согласно заключенію Боргосскаго сейма 1809 года русскій рубль былъ объявленъ монетою края; таможенная система до 1859 была построена на началахъ, почти одинаковыхъ съ русской; что ка-

сается, наконецъ, языка управленія, то было постановлено, что до введенія въ употребленіе государственнаго языка господствующимъ языкомъ будетъ шведскій, т.-е., другими словами, русскій языкъ былъ отстраненъ не принципіально, а только временно. Въ теченіе первыхъ 30 лѣтъ послѣ завоеванія въ Финляндіи было замѣтно искреннее желаніе изучать русскій языкъ, но недоставало русскихъ учителей, а русское правительство не могло удовлетворить этому требованію въ русскихъ учителяхъ. Представители русской словесности были или лицами бездарными, слабыми, или неграмотными и преданными пьянству. Про вражду же финляндцевъ противъ русскаго языка въ то время во всякомъ случаѣ говорить нельзя. Что же касается наконецъ финскаго войска, то по просьбѣ сейма Александръ I распустилъ финляндскую поселенную армію, и въ 1812 г., когда началась война съ Наполеономъ, финляндцы добровольно снарядили 3 егерскихъ полка для защиты Петербурга. 8 сентября 1812 года Александръ издалъ рескриптъ: согласно пункту 2-му этого рескрипта, финскія войска могли быть употребляемы исключительно для защиты Финляндіи и Петербурга. Но 10 лѣтъ спустя кадры финскаго войска, съ командиромъ (генераломъ Эрнротъ) во главѣ, подали петицію на имя Александра I, ходатайствуя объ уничтоженіи этого пункта, желая раздѣлить съ русскими войсками честь защиты Россіи на всемъ ея пространствѣ! Александръ, конечно, исполнилъ ихъ просьбу, и пунктъ 2 рескрипта 1812 г. былъ уничтоженъ.

Вообще, какъ замѣчено выше, отношеніе финляндцевъ къ русской власти было дружественное, теплое, что особенно сказалось во время путешествія Александра I по Финляндіи въ 1819 году.

Съ 1811 г. въ Петербургѣ существовала коммиссія финляндскихъ дѣлъ, изъ которой развился впослѣдствіи финляндскій статсъ-секретаріатъ. Въ концѣ 1817 г. и въ 1822 г. возникъ вопросъ о созывѣ сейма, но Александръ I, впадая все болѣе въ мнительность, нерѣшительность и мистицизмъ, не могъ рѣшиться осуществить эту мѣру, хотя ни онъ, ни его преемникъ, Императоръ Николай I никогда не отрицали, что извѣстные законодательные вопросы не иначе могутъ быть рѣшены, какъ при участіи сейма. Если съ 1809—1863 г. издавались законы, которые по принципамъ финляндскаго права относились къ сферѣ сеймоваго законодательства, то всегда съ оговоркою, что это отступленіе допускается въ виду чрезвычайныхъ условій.

Впервые недоразумѣнія между русскими и финляндцами возникли по поводу дѣятельности энергичнаго генералъ-губернатора графа А. Закревскаго. Онъ принудилъ въ 1825 г. финляндцевъ присягнуть Императору Константину Павловичу безъ всякихъ ссылокъ на основные законы, по общему русскому формуляру, но черезъ 3 недѣли новая присяга была уже принесена Императору Николаю по принятой въ Финляндіи формѣ. Императоръ Николай I, какъ извѣстно, не былъ сторонникомъ конституціоннаго режима, но гдѣ конституція существовала, какъ въ Польшѣ и Фин-

ляндіи, тамъ онъ лояльно мирился съ ней. Нельзя привести ни одного случая нарушенія конституціи Финляндіи въ царствованіе Николая I. Въ 1838 г., какъ явствуетъ изъ архивныхъ данныхъ, возникъ и обсуждался даже вопросъ о созывѣ сейма, но монархъ не счелъ возможнымъ его созвать, и онъ былъ отложенъ. Въ его царствованіе принята была мѣра, о которой нельзя не сожалѣть. Въ 1826 г. послѣдовалъ законъ, разрѣшившій вопросъ о юридической природѣ земель, на которыхъ сидѣли т. н. донаціонные крестьяне Выборгской губерніи (вѣчно наслѣдственные арендаторы казенныхъ земель, пожалованныхъ разнымъ лицамъ въ XVIII ст.). Земли эти были объявлены „обѣленными“, т.-е. помѣщичьими, и крестьяне изъ обезпеченныхъ землей наслѣдственныхъ арендаторовъ превратились въ обездоленныхъ батраковъ. Эта мѣра въ пользу крупныхъ помѣщиковъ раздражила крестьянское населеніе Выборгской губерніи до глубины души и сильно пошатнула ихъ привязанность къ государственной власти.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ суровый режимъ Николая I не принесъ вреда Финляндіи, напротивъ,—рядъ мѣръ оказался весьма полезнымъ.

Къ такимъ благодѣтельнымъ законодательнымъ и административнымъ мѣрамъ нужно причислить: реформу финляндскаго банка, реформу денежную, реформу порядка раскладки и взиманія поземельныхъ налоговъ, реформу таможеннаго тарифа, реформу университета, возстановленіе его послѣ пожара города Або въ 1827 г. (при щедромъ со-

дѣйствіи со стороны царской фамиліи, русскихъ ученыхъ и русскихъ университетовъ), сооруженіе Сайменскаго канала (открытаго при Александрѣ II). Взаимоотношеніе русскихъ и финляндцевъ оставалось весьма удовлетворительнымъ (если не считать нѣсколькихъ случаевъ пошлыхъ шалостей молодежи), а въ 1840 г. эти взаимоотношенія стали прямо дружественными, сердечными. По случаю празднованія 200-лѣтняго юбилея Александровскаго университета русскіе и финляндскіе ученые и литераторы рѣшили издавать сообща русско-финляндскій сборникъ. Особенно содѣйствовалъ этому сближенію интеллигенціи, русской и финляндской, Я. К. Гротъ, бывшій тогда профессоромъ русской словесности въ Гельсингфорсѣ, съумѣвшій занять почетное мѣсто въ финляндскомъ обществѣ, несмотря на то, что его встрѣтили сперва холодно и даже враждебно.

Но въ 1848 г. замѣчается поворотъ къ худшему. Бурный 1848 г. вызвалъ успѣшную реакцію въ Россіи, которая отразилась и на Финляндіи, гдѣ въ то время, благодаря трудамъ Ленрота и Снелльмана, пробуждалось, къ великому недовольству шведовъ, національное самосознаніе коренного финскаго народа. Не имѣя возможности останавливаться подробно на вліяніи реакціи на жизнь университета, общества, на прессу, я отмѣчу только слѣдующее: по настоянію шведовъ въ 1850 г. появился указъ, запрещавшій финнамъ печатать что-либо по-фински, кромѣ библіи, катехизиса и агрономическихъ сочиненій!

Въ 1854—1855 гг. война коснулась береговъ Финляндіи. Финляндскій народъ въ цѣломъ проявилъ и лояльность по отношенію къ Россіи, и геройскую доблесть при защитѣ родины. Однако въ средѣ этого лояльнаго народа образовалась кучка крайнихъ, сепаратистовъ, мечтавшихъ о томъ, какъ бы отторгнуть Финляндію отъ Россіи при помощи западныхъ державъ и Швеціи. Эта группа, во главѣ которой стоялъ поэтъ Кваптенъ, называлась „союзомъ безкровныхъ“. Ихъ агитація среди академической молодежи и въ прессѣ вызвала какъ горячіе протесты лояльныхъ финляндцевъ Снельмана, Тоделіусъ, Спгнеусъ, такъ и мѣры репрессіи со стороны генералъ-губернатора графа Берга. Благодаря дѣятельности этихъ фрондеровъ и ихъ шведскихъ друзей, возбужденъ былъ вопросъ о финляндскомъ сепаратизмѣ, бывшій неизвѣстнымъ прежнимъ поколѣніямъ, и онъ грозилъ острымъ конфликтомъ уже въ концѣ 50-хъ годовъ.

Въ полный разгаръ крымской войны вступилъ на престолъ Александръ II. Онъ былъ близокъ Финляндіи уже въ бытность наслѣдникомъ престола въ качествѣ долголѣтняго канцлера университета (онъ занимался университетскими дѣлами не въ шутку, не для формы, а серьезно). Онъ хорошо зналъ какъ конституціонную исторію Швеціи, такъ и исторію Финляндіи, ея бытъ и даже ея право. Но, любя Финляндію, онъ ясно сознавалъ, что важные государственные интересы Россіи связаны съ Финляндіей. Еще въ 1851 г. онъ сказалъ академической корпораціи Александровскаго университета: „Прошу

васъ помнить, что, будучи хорошими финляндцами, вы въ то же время подданные Всероссійскаго Императора, а въ 1856 г., предсѣдательствуя въ общемъ собраніи Сената, онъ произнесъ знаменательныя слова: „Не забывайте, господа, что вы члены великой семьи, во главѣ которой стоитъ Русскій Императоръ". Этой точки зрѣнія Императоръ Александръ II держался неуклонно въ теченіе 20 лѣтъ; только съ 1876 г. она стушевывается: утомленный монархъ санкціонируетъ такіе законопроекты, которые ранѣе не получили бы его согласія.

Вскорѣ послѣ прекращенія крымской войны въ академическихъ сферахъ и въ прессѣ высказываются все настоятельнѣе пожеланія о созывѣ сейма. Александръ II оказался склоннымъ также къ этой мысли. Выслушавъ мнѣніе своихъ финляндскихъ совѣтниковъ, а также заключеніе русскихъ государственныхъ людей (въ особенности: Вел. Князя Константина Николаевича и князя А. М. Горчакова), онъ 10 апрѣля 1861 г. издалъ манифестъ и приказалъ созвать „комиссію изъ выборныхъ представителей отъ сословій для обсужденія нѣкоторыхъ не терпящихъ отлагательства законодательныхъ вопросовъ". Этотъ манифестъ вызвалъ въ Финляндіи сильную тревогу. Финляндцы опасались, что комиссія замѣнитъ сеймъ. Александръ II успокоилъ ихъ твердымъ обѣщаніемъ созвать сеймъ въ ближайшемъ будущемъ. Эта эпоха возстановленія въ Финляндіи конституціоннаго законодательнаго порядка совпала со временемъ великихъ реформъ въ Россіи и съ польскимъ броженіемъ и возстаніемъ. И освободи-

тельное движеніе и польское возстаніе имѣли значительное вліяніе на взаимоотношенія Россіи и Финляндіи.

Несомнѣнно, что пробужденіе Россіи къ новой жизни, что все умственное и нравственное движеніе и броженіе, охватившее верхніе слои русскаго общества послѣ окончанія крымской войны, было предметомъ живѣйшаго интереса въ Финляндіи. Академическая молодежь и кружокъ журналистовъ, который стоялъ столь близко къ университету, слѣдилъ за всѣмъ, что происходило за Сестрой-рѣкой съ напряженнымъ вниманіемъ. О всѣхъ „русскихъ происшествіяхъ“ извѣщалъ Финляндію одинъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ публицистовъ, Робертъ Лагерборгъ, бывшій офицеръ, который въ особенности слѣдилъ за русскими журналами, игравшими, какъ извѣстно, крупную роль во всемъ движеніи „Молодой Россіи“. Но русская литература, и публицистика и беллетристика, какъ всѣмъ извѣстно, въ концѣ 50-хъ годовъ и въ 60-хъ годахъ приняла на себя роль обвинительной власти противъ грѣховъ и недостатковъ стараго режима Обличеніе было ея задачей. Безпощадно, насколько дозволяла цензура, раскрывались язвы въ общественномъ тѣлѣ Россіи. А ихъ было много! Обличительная энергія не признавала ни единаго здороваго мѣста въ русскомъ тѣлѣ; всѣ слои жизни общественной, казалось, были отравлены могильнымъ гноемъ крѣпостничества. Если уже русскій человѣкъ, стоявшій въ средѣ этого броженія, исподволь замѣчавшій ростъ отрицательнаго отношенія ко всему былому,

озирался испуганно вокругъ, не зная куда занесетъ Россію эта волна обвиненій, отрицаній и требованій новаго, то какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ крестовый походъ противъ всего прошлаго, унаслѣдованнаго, на постороннягo, на финляндскаго зрителя, который привыкъ смотрѣть на Россію, какъ на нѣчто непоколебимо сильное, хотя и пѣсколько дикое? Какое впечатлѣніе должна была произвести, напр., на финляндцевъ статья въ „Морскомъ Журналѣ“ объ „оффиціальной лжи“, статьи и повѣсти „Современника“, „Отечественныхъ Записокъ“ и др. журналовъ? Съ какимъ удивленіемъ финляндцы смотрѣли на усилія „Молодой Россіи“ и ея громоносныхъ пророковъ: Писарева, Добролюбова, Чернышевскаго, развѣнчать тѣхъ, кого учили уважать русскіе профессора въ Александровскомъ университетѣ, и Жуковскаго, и Пушкина, и Бѣлинскаго. Всякое знакомство съ новой русской литературой и съ великимъ предвѣстникомъ обличителей, Гоголемъ, отнимало у нихъ, мало-по-малу, небольшую долю уваженія къ Россіи. Слезы, скрытыя подъ смѣхомъ Гоголя, и теплая любовь къ отечеству и человѣчеству, скрытая подъ язвительными нападками обличителей, оставались для нихъ незамѣтными и заслонялись громадной картиной разложенія нравовъ и глубокой испорченности! И вотъ „Молодая Россія“ перешла отъ слова къ дѣлу.

Самоотверженная, неусыпная и неутомимая дѣятельность лицъ, проводившихъ въ жизнь великую реформу 19 февраля 1861 г., осталась для наблюдателя издали незамѣченной, но вѣсти о студен-

ческихъ исторіяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, о столкновеніяхъ съ крестьянами, о пожарахъ въ Петербургѣ доходили до финляндцевъ. Какъ малы и ничтожны должны были казаться имъ ихъ мальчишескія демонстраціи, ихъ тосты и единичныя столкновенія съ полиціей! На это зрѣлище за Сестрой-рѣкой смотрѣли кто съ испугомъ, кто съ злорадствомъ, а всѣ съ самодовольной молитвой: „Благодаримъ тебя, Боже, что мы не таковы, какъ эти московскіе мытари". Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что русское самобичеваніе и пропинствія начала 60-хъ годовъ сильно поколебали симпатіи къ Россіи, насколько онѣ успѣли проявиться въ Финляндіи. Болѣе, чѣмъ когда-либо, Финляндія сосредоточила свою любовь на Монархѣ, какъ единственномъ звеньѣ, соединяющемъ финляндцевъ съ русскимъ народомъ, который въ своей массѣ былъ имъ неизвѣстенъ, а верхніе слои котораго стали какой-то загадкой.

Пробужденіе либерализма въ Россіи было привѣтствовано съ радостью большинствомъ политическихъ дѣятелей въ Финляндіи. Казалось несомнѣннымъ, что либеральныя тенденціи должны были отразиться и на судьбахъ Финляндіи и повлечь за собою возстановленіе „конституціонныхъ началъ", заслоненныхъ бюрократіей въ эпоху Николаевскаго режима. Но подымались голоса, которые на минувшее царствованіе не взирали недружелюбно и которые предчувствовали, что всякое внезапно пробудившееся либеральное движеніе есть мечъ обоюдоострый, въ особенности въ эпоху, когда бокъ-о-бокъ

съ либерализмомъ начать проявлять свою силу другой элементъ, національзмъ.

Польское возстаніе поставило Россію въ весьма затруднительное положеніе: западныя державы грозили вмѣшательствомъ, войной. На эту войну разсчитывалъ кружокъ указанныхъ выше сепаратистовъ. Его агитація, чуждая массѣ финляндцевъ, лояльно стоявшихъ за Россію. все-таки отразилась неблагопріятнымъ образомъ на политическомъ движеніи въ Финляндіи и на настроеніи правительства.

6 сентября 1863 г. Императоръ Александръ II лично открылъ сеймъ въ Гельсингфорсѣ и произнесъ знаменательную во многихъ отношеніяхъ рѣчь. Оригиналъ этой рѣчи хранится въ Статсъ-Архивѣ; на немъ начертано рукой Александра II: „Такъ какъ эта рѣчь именно та рѣчь, которую я произнесъ при открытіи сейма 6 сентября 1863 г.. я приказываю хранить ее навсегда въ Статсъ-Архивѣ". Въ ней онъ торжественно и въ ясныхъ словахъ призналъ, „что вся жизнь и всѣ правы Финляндіи проникнуты принципомъ конституціонной монархіи, и всѣ ея законы и учрежденія носятъ этотъ характеръ".

Появленіе Александра II въ Гельсингфорсѣ, его обаятельная личность, его рѣчь вызвали шумный энтузіазмъ. Казалось, что монархъ и народъ связаны общимъ довѣріемъ. Но вскорѣ это довѣріе было поколеблено самими гг. финляндцами. Провинціальная близорукость, которая, по словамъ графа А. Армфельта, „не видитъ далѣе своего носа", сказалась въ цѣломъ рядѣ нелѣпостей. Рыцарская

палата потеряла массу времени на обсужденіе вопроса о томъ, можно ли допустить къ участію въ засѣданіяхъ 3 дворянъ, находящихся на службѣ „у чужого монарха" (т.-е. у Русскаго Монарха). Эти дворяне были: баронъ Брунъ, адмиралъ Шанцъ и Угла. Энергичная угроза Александра II распустить сеймъ положила конецъ этому позорному самодурству.

Наглое объявленіе русскаго монарха „чужимъ монархомъ" разгнѣвало Александра II и многихъ русскихъ. За этимъ провинціальнымъ скомороше-ствомъ послѣдовали другія: во время сейма въ газетахъ финляндскихъ обсуждался вопросъ объ объявленіи Финляндіи нейтральнымъ государствомъ на случай войны Россіи съ западными державами! Наконецъ пошла агитація въ пользу увѣковѣченія памяти финляндскихъ героевъ, павшихъ въ борьбѣ съ „врагами родины"—русскими, установкою памятниковъ на тѣхъ поляхъ сраженія, гдѣ русскіе въ 1808 году терпѣли пораженія. Александръ II энергично запретилъ такія увѣковѣченія; но эти событія оставили слѣдъ въ его душѣ, и съ 1863—1876 г. (судя по архивнымъ даннымъ) онъ началъ подозрительнѣе относиться къ политическимъ притязаніямъ финляндцевъ.

Согласно обѣщанію, данному въ 1863 году, монархъ учредилъ комиссію для составленія свода основныхъ законовъ Финляндіи. Но выработанный этой комиссіей проектъ „формы правленія Великаго Княжества Финляндскаго" былъ опротестованъ генералъ-губернаторомъ Рокасовскимъ, и Александръ II его не утвердилъ.

Я не имѣю возможности войти въ подробное разсмотрѣніе внутренняго развитія Финляндіи въ періодъ 1863—1881 годовъ. Отмѣчу только главные эпизоды и характерныя черты. Въ 1869 г. былъ утвержденъ и изданъ новый сеймовый уставъ 1869 г. Высочайшее утвержденіе этого устава послѣдовало въ слѣдующей формѣ: „Сохраняя за Собой принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ формѣ правленія отъ 21 августа 1872 г. и въ актѣ соединенія и охраненія отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 г. и не измѣнено точными словами въ вышеупомянутомъ сеймовомъ уставѣ, Мы, Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ ненарушимый основной законъ".

Законодательству Финляндіи въ это время присуща несомнѣнно одна черта: тенденція обособленія отъ Россіи. Таможенная система Финляндіи отдѣляется рѣзко отъ русской; Финляндія получаетъ свою особую монету (законы 1860, 1865 и 1877 гг.). Преподаваніе русскаго языка въ школахъ сокращается. И странно одно явленіе: Александръ II первоначально горячо протестуетъ противъ этихъ мѣръ; онъ соглашается на особую финляндскую монетную единицу только съ оговоркой, чтобы она была въ постоянномъ соотношеніи съ русскимъ рублемъ, составляя его подраздѣленіе. Онъ противится ослабленію преподаванія русскаго языка, но затѣмъ уступаетъ, какъ будто противъ собственнаго убѣжденія. То же самое мы видимъ въ отношеніи вопроса объ организаціи финскаго войска, возникшаго въ 1874 г. Съ 1809 г. по 1878 г. Финляндія участвовала

въ защитѣ Россіи лишь въ незначительной степени. Она содержала постоянно 1 стрѣлковый (гвардейскій) баталіонъ; временно она содержала еще 3 полка въ 1812 г., 6 баталіоновъ въ 1854 — 1856 г., кадры этихъ баталіоновъ были расширены въ 1868 г. Суммы, не шедшія на содержаніе войска, зачислялись въ капиталъ т. н. милиціоннаго фонда и расходовались на поддержку земледѣлія, промышленности и торговли. (Кромѣ того, Финляндія пользовалась еще поддержкой русской казны при учрежденіи финляндскаго банка и сооруженіи желѣзныхъ дорогъ).

Финляндцы желали организаціи совершенно обособленнаго финскаго войска. Александръ II, допуская организацію особыхъ финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, настаивалъ на допущеніи русскихъ офицеровъ на службу въ этихъ войскахъ, и согласно совѣту графа Милютина, рѣшилъ издать только временный законъ о воинской повинности на 10 лѣтъ. Однако, въ концѣ концовъ, въ тяжкій для Россіи 1878 г. онъ не только утвердилъ проектъ закона о воинской повинности, который не удовлетворялъ этимъ требованіямъ, но даже согласился на возведеніе 14 §§ этого закона на степень основныхъ законовъ (которые могли быть отмѣнены лишь съ согласія всѣхъ 4 сословій). Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, въ противорѣчіе съ желаніями финскихъ военныхъ, выраженными въ 1822 г., что финскія войска будутъ употребены исключительно для защиты Финляндіи и Петербурга. Въ сеймѣ 1877 — 1878 г., принявшемъ

законъ о воинской повинности, разыгралась весьма некрасивая сцена. Депутатъ Бергъ предложилъ сейму ассигновать милліонъ марокъ въ пользу Краснаго Креста, какъ выраженіе симпатіи къ русскому народу въ борьбѣ за освобожденіе славянъ. Предложеніе было принято, но депутатъ Бергъ былъ объектомъ разныхъ нападокъ за это предложеніе, которое якобы могло „послужить весьма опаснымъ прецедентомъ“. Бергъ былъ такъ огорченъ этими нападками, что вышелъ изъ состава депутатовъ!!

Законодательная дѣятельность послѣ возобновленія конституціонной жизни была очень плодотворна.

Время не позволяетъ мнѣ подробно остановиться на всѣхъ вопросахъ, рѣшенныхъ болѣе или менѣе удачно. Укажу главнымъ образомъ на реформу народной школы, содѣйствовавшую демократизаціи всего финляндскаго общества, и на систему мѣръ борьбы съ алкоголизмомъ, на реформу общественаго самоуправленія въ городахъ и селахъ и т. д. Но нельзя не отмѣтить еще одной стороны этого всеобъемлющаго законодательства. Оно отличается чрезмѣрной національной исключительностью. Русскіе оставались лишенными правъ служебныхъ, права участія въ общинныхъ выборахъ въ городахъ и селахъ, пользовались весьма ограниченнымъ правомъ землевладѣнія, столь же ограниченнымъ правомъ заниматься торговлею и промыслами, судоходствомъ, либеральными профессіями (врачей, аптекарей) и т. д. Разъ финляндцы были искренно проникнуты дружественными чувствами къ русскимъ, то эти лишнія

ограниченія кажутся непопятными, но зато понятно, что они вызвали раздраженіе въ русскихъ сферахъ.—Раздраженіе накапливалось и въ слѣдующее царетвованіе дало себя почувствовать. 2 марта 1881 г. вся Финляндія узнала страшную вѣсть о мученической кончинѣ Александра II. „Такова судьба маленькаго народа,—воскликнулъ Снельманъ,—мы принимаемъ рѣшеніе судьбы нашей изъ рукъ разбойниковъ-убійцъ". Великій финскій патріотъ мрачно смотрѣлъ на будущее Финляндіи. Но его пессимизмъ не оправдался. Первыя 8 лѣтъ царетвованія Императора Александра III были апогеемъ конституціоннаго развитія Финляндіи. Въ 1886 г. сейму было предоставлено право законодательнаго почина; ослабляется бюрократическій характеръ финляндскаго Сената; въ него входятъ партійные лидеры: Мехелинъ, Монгоммери. Ирье-Коскинень. Тенденціи сепаратизма, чуждыя финскому народу, какъ-никакъ, а все-таки пробивались наружу. Такъ въ 1885 г., когда грозила война съ Англіей, опять былъ поднятъ вопросъ объ объявленіи Финляндіи нейтральной державой. Благодаря уступчивости Александра III, финляндцы добились разрѣшенія ставить памятники на поляхъ сраженій 1808 г. и усердно прославляли героевъ побѣдителей при Ютасѣ, Револаксѣ, Инденсальми и т. д.

Какъ сказано выше, съ 1863 г. по 1890 г. финляндское законодательство вполнѣ обособляется отъ русскихъ интересовъ и отъ хода русскаго законодательства.

Общая связь стушевывается, сознаніе ея необходимости и пользы утрачивается настолько, что всякая попытка ея возстановленія почитается правонарушеніемъ. Между тѣмъ законодательство, какъ и управленіе и вся политическая жизнь автономнаго края, поставленнаго въ связь съ охватывающимъ его общегосударственнымъ тѣломъ, при ослабленіи этой связи поневолѣ все сильнѣе поддается обособленному теченію.

Особое политическое теченіе части государства, такъ сказать, углубляетъ свое русло и по необходимости вызываетъ реакцію. Съ 1890 г. выдвигается вопросъ о томъ, гдѣ границы финляндской автономіи, гдѣ предѣлы самостоятельнаго мѣстнаго финляндскаго законодательства и управленія, и не требуютъ ли интересы общегосударственные установленія особаго порядка общеимперскаго законодательства, распространяющаго свою силу и на Россію и на Финляндію.

Интересами государственной политики были продиктованы мѣры, направленныя съ 1890 года къ объединенію почты, къ опредѣленію твердыхъ отношеній между русской и финской валютой. Здравая государственная политика требовала, чтобы предварительно изданія финляндскихъ законовъ наводилась справка о томъ, не связаны ли съ предположенными законодательными мѣрами интересы общегосударственные. Ошибкой съ этой точки зрѣнія нужно считать упраздненіе состоявшаго при финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ комитета финляндскихъ дѣлъ, вмѣсто сохраненія его и введенія

въ его составъ представителей русской администраціи. Государственная политика вызвала протесты противъ введенія въ силу новаго финляндскаго уголовнаго уложенія, въ которомъ Россія трактовалась черезчуръ „неделикатно“ и, наконецъ, возбужденіе вопроса объ установленіи особаго порядка изданія общеимперскихъ законовъ, т.-е. законовъ, касающихся всего государства, какъ единаго цѣлаго, а не только „внутренней“ жизни Финляндіи.

И ранѣе такіе вопросы рѣшались, что и естественно, не безъ участія имперскихъ властей, но это участіе было скрытно, негласно, случайно, причемъ оно вторгалось даже въ дѣла чисто финляндскія. Такъ, напр., проектъ устава Александровскаго университета обсуждался въ 1827 г. въ особой комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія; въ 1830-хъ годахъ проектъ кодификаціи финляндскихъ законовъ былъ переданъ на обсужденіе бывшаго II Отд. Собств. Е. И. В. канцеляріи; проекты монетной реформы въ 1860—1861—1877 гг. разсматривались въ министерствѣ финансовъ и въ финансовомъ комитетѣ; проектъ закона о воинской повинности обсуждался въ военномъ министерствѣ; мало того, даже вопросъ о созывѣ сейма въ 1863 г. обсуждался въ особомъ совѣщаніи изъ русскихъ и финляндскихъ сановниковъ.

Въ 1899 г былъ созванъ чрезвычайный сеймъ для обсужденія проекта новаго закона о воинской повинности. 3 февраля 1899 г. появился извѣст-

ный манифестъ и органическія правила о порядкѣ изданія обще-государственныхъ законовъ.

Этотъ актъ вызвалъ общенародную тревогу въ Финляндіи. Въ органическихъ правилахъ не было указано объекта общегосударственнаго законодательства, а главное: этотъ актъ, измѣнявшій законодательную компетенцію сейма, былъ изданъ безъ соблюденія порядка, указаннаго въ сеймовомъ уставѣ 1869 г. По глубокому убѣжденію финляндцевъ, этотъ актъ былъ правонарушеніемъ. Послѣдствія его извѣстны: громадная массовая петиція объ отмѣнѣ закона 3 февраля 1899 г., протестъ сейма, броженіе, все болѣе усиливавшееся, глухой, но очень энергичный протестъ.

За закономъ 3 февраля 1899 г. послѣдовалъ рядъ новыхъ правительственныхъ и законодательныхъ мѣръ. Русскій языкъ получилъ значеніе официальнаго языка въ управленіи. Сенатъ былъ подчиненъ генералъ-губернатору, усилена зависимость губернаторовъ отъ генералъ-губернатора; на постъ губернатора назначались не финляндскіе уроженцы, отмѣнено старое правило, что судьи и нѣкоторыя административныя должностныя лица могутъ быть уволены лишь судомъ за преступленіе, на судѣ доказанное. Цѣлый рядъ судей и другихъ должностныхъ лицъ былъ уволенъ административнымъ порядкомъ. Въ школахъ усилено преподаваніе русскаго языка. Въ 1901 г. введенъ новый воинскій уставъ, отмѣнившій уставъ о воинской повинности 1878 г. Обособленное финляндское войско постепенно упразднено, и финляндцы должны были от-

бывать воинскую повинность въ Финляндіи, но съ русскими вмѣстѣ, и ежегодный контингентъ новобранцевъ подлежалъ значительному увеличенію (хотя не сразу, а постепенно). Финляндская молодежь, отчасти благодаря сильной агитаціи, уклонялась отъ явки къ отбыванію воинской повинности. Финскія войска были вскорѣ распущены. Агитація противъ новыхъ законовъ и новой политики управленія принимала все болѣе угрожающій характеръ. Агитаторы завели рѣчь о замѣнѣ системы пассивнаго сопротивленія сопротивленіемъ активнымъ. Правительство приняло рѣшительныя мѣры по отношенію къ своимъ противникамъ.

По предложенію генералъ-губернатора цѣлому ряду финляндцевъ было запрещено жительство въ Финляндіи; нѣкоторые финляндцы были высланы въ Имперію.

Группа рѣшительныхъ среди противниковъ правительственной политики уже съ 1903 г. приступила къ подготовкѣ активнаго выступленія противъ правительства и его сторонниковъ. Отъ прокламацій и бойкота перешли къ террору. Тяжелыя политическія условія, въ которыя была поставлена Россія въ 1904 г., придали смѣлость противникамъ правительства. Они разсчитывали на обезсиленіе Россіи. Въ іюнѣ 1904 г. былъ убитъ генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Бобриковъ; за этимъ преступленіемъ послѣдовали другія, и есть основаніе думать, что финляндскіе революціонеры соединились съ русскими революціонными партіями для совмѣстныхъ дѣйствій противъ государ-

ственной власти, пользуясь отсутствіемъ части арміи.

Между тѣмъ правительство уже пошло на уступки. Уставъ о воинской повинности 1901 года былъ пріостановленъ въ дѣйствіи, даже послѣдняя финская воинская часть, лейбъ-гвардіи финскій стрѣлковый баталіонъ, была распущена. Въ 1904 г. уже была учреждена особая комиссія для предварительной разработки проекта разграниченія сферъ общегосударственнаго и мѣстнаго финляндскаго законодательства, т.-е. въ сущности было приступлено къ пересмотру закона 3 февраля 1899 г. Былъ созванъ очередной финляндскій сеймъ и большинству административно высланныхъ въ 1903—1904 г. было разрѣшено возвратиться въ Финляндію.

Въ октябрѣ, какъ извѣстно, революціонное движеніе распространилось по всей Россіи, и всеобщая забастовка парализовала всю государственную жизнь.

И въ Финляндіи воспользовались нашими внутренними смутами и организовали всеобщую забастовку.

Манифестомъ 22 октября 1905 г. почти всѣ законодательныя мѣры 1898—1904 гг. были объявлены лишенными силы. Даже законъ 3 февраля 1899 г. былъ пріостановленъ, но не отмѣненъ. Вскорѣ для Финляндіи былъ изданъ новый сеймовый уставъ; русскіе служащіе въ Финляндіи были систематически устранены; однимъ словомъ, все почти вернулось къ положенію вещей до 1898 г. Но нельзя не признать, что взаимоотношенія Им-

періи и Великаго Княжества ухудшились, ибо манифестъ 22 октября 1905 г. былъ уступкой революціонному движенію, а не добровольнымъ актомъ государственной власти. Затѣмъ: связь финляндцевъ съ русскими революціонерами не прекратилась. Финляндія служитъ убѣжищемъ для революціонныхъ бѣглецовъ, какъ изъ внутреннихъ русскихъ губерній, такъ и изъ балтійскихъ. На финляндской территоріи происходили собранія партій, выступающихъ открыто противъ правительства (Выборгскій манифестъ, изданный въ 1906 г. депутатами распущенной первой Думы!). Изъ Финляндіи ввозится оружіе для поддержки революціи. Наконецъ, въ Финляндіи образовались два союза, дѣйствія которыхъ были весьма подозрительны: Красная гвардія, распущенная по настоянію русскаго правительства, и союзъ „Сила“, который, подъ предлогомъ занятій спортомъ, проявляетъ весьма вредную дѣятельность.

Что будетъ дальше, сказать трудно. Но едва ли финляндскій вопросъ можетъ считаться рѣшеннымъ. Напротивъ, онъ болѣе сложенъ, нежели до 1898 г.

О государственной власти.

Второй политическій элементъ государства—власть. Государство безъ власти существовать не

можетъ. Да и не только государство, ни одно людское общеніе, ни одинъ союзъ не можетъ существовать безъ власти, руководящей его жизнью и поддерживающей порядокъ. Безъ объединяющей власти-руководительницы всякій союзъ распался бы, всѣ его участники разбрелись бы врозь. И необходимость власти въ союзѣ признана и всѣми противниками современнаго государства. Соціалъ-демократы рисуютъ свое будущее идеальное государство состоящимъ подъ весьма сильной властью, которая не только будетъ издавать законы и наблюдать за ихъ исполненіемъ, но и руководить всѣми хозяйственными занятіями членовъ общенія. Странно, что даже анархисты, сторонники „безвластія“, — не могутъ обойтись безъ власти и въ предлагаемыхъ ими свободныхъ обществахъ, которыя должны замѣнить нынѣшнее государство, все-таки должна быть установлена какая-то, хотя очень слабая, власть. А пока будущее идеальное государство установится, всѣ революціонныя общества и партіи выступаютъ и дѣйствуютъ подъ руководствомъ властей до крайности жестокихъ, суровыхъ и безпощадныхъ, скрывающихся даже въ таинственности и неизвѣстности для многихъ членовъ партіи. Всѣ эти партіи, противницы „государственнаго гнета“, требуютъ отъ своихъ сочленовъ рабскаго, безпрекословнаго подчиненія велѣніямъ власти, подъ страхомъ смертной казни. Ни малѣйшей свободы въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ своихъ членовъ революціонныя партіи не допускаютъ. Ни одно „буржуазное“ государство не довело дисциплины до

такой жестокой послѣдовательности, какъ революціоперы различныхъ странъ и временъ. Припомните послѣднюю сцену знаменитой повѣсти И. С. Тургенева „Новь“, гдѣ въ нѣсколькихъ словахъ великій писатель охарактеризовалъ слѣпую дисциплину, слѣпое повиновеніе самозванной власти со стороны тѣхъ, кто проповѣдуетъ идеалъ какой-то небывалой свободы, разговоръ между скептикомъ Паклинымъ и революціоперкой Машуриной:

„Ну, скажите, пожалуйста, хоть одно: вы все по приказанію Василія Николаевича дѣйствуете?

На что вамъ знать?

Или, можетъ быть, кого другого,—Сидора Сидорыча?

Машурина не отвѣчала.

Или вами распоряжается безымянный какой?

Машурина уже перешагнула порогъ.

А, можетъ быть, и безымянный! Она захлопнула дверь.

Паклинъ долго стоялъ неподвижно передъ этой закрытой дверью.

„Безымянная Русь!“—сказалъ онъ наконецъ“.

Что же такое власть? Власть, или властвованіе вообще, есть распоряженіе какой-либо силой. Для того, чтобы существовала власть, необходимы: 1) наличность силы, 2) возможность распоряжаться этой силой и 3) субъектъ, т.-е. лицо, или извѣстное количество лицъ, которое ею распоряжается.

Мы назвали государство исторически развившейся силой народа, объединеннаго на почвѣ права. Тотъ, кто распоряжается и руководитъ этой силой.

будь это отдѣльное лицо (монархъ), будь это извѣстная организованная группа лицъ (напр., парламентъ)—и будетъ властью государственной.

Но для власти государственной не достаточна наличность силы и фактическая возможность ею распоряжаться. Необходимо еще, чтобы право, положительные законы установили, кто именно это лицо или та группа лицъ, которыя могутъ и должны руководить государственной силой и распоряжаться ею. Такъ какъ государство состоитъ не только изъ территоріи (это только вещественная подкладка государства), но и, главнымъ образомъ, изъ народа, живущаго на территоріи, то одного физическаго господства недостаточно. Государство не вещь. Народъ состоитъ изъ людей, имѣющихъ свою волю, свое чувство, мысль.

Для того, чтобы властвовать и надъ территоріей, и надъ народомъ, распоряжаться его физическими и духовно-нравственными силами, власть должна имѣть силу не только физическую, но и нравственную. Эту силу даетъ ей право, законъ, который опредѣляетъ какъ того, кто воплощаетъ въ себѣ власть, такъ и то, въ какихъ формахъ должна выразиться дѣятельность власти и гдѣ ея предѣлы. Власть государственная—всегда власть человѣческая, не божественная, и потому всегда будетъ властью, только относительно неограниченной. Безусловно неограниченна только власть Бога Всемогущаго. Неограниченность безъ всемогущества, строго говоря, безсмыслица; она противорѣчитъ слабости человѣческой природы, ограниченности человѣческаго ума.

Но правовое опредѣленіе власти и ея предѣловъ, ея сферы обусловлено и иными соображеніями. Разъ государство не только физическое скопленіе, но и духовно-нравственный союзъ людей, члены его не могутъ быть рабами, т.-е. существами безъ воли и самоопредѣленія. Имъ должна быть предоставлена извѣстная область свободы, въ которой они могутъ дѣйствовать и мыслить по своему усмотрѣнію. Граница этой области и должна быть опредѣлена закономъ и должна быть обязательна и для власти.

Наконецъ, разъ власть имѣетъ назначеніе дѣйствовать, распоряжаться государственной силой, эти ея дѣйствія должны быть облечены въ извѣстную форму, дабы извѣстно было, что данное дѣйствіе или распоряженіе есть именно дѣйствіе и распоряженіе власти. Безформенное властвованіе есть та же анархія.

Для того, чтобы распоряжаться, дѣйствовать, повелѣвать, необходима наличность воли. Власть безъ воли сама себѣ противорѣчитъ Такъ какъ для осуществленія власти необходима воля, то власть должна быть присвоена извѣстной личности, ибо только личность можетъ имѣть волю. Безличной воли нѣтъ и быть не можетъ. „Власть всегда присваивается извѣстному лицу. Безъ лица она немыслима, ибо только единичное лицо можетъ рѣшать и дѣйствовать.“ Она можетъ принадлежать и нѣсколькимъ лицамъ вмѣстѣ; тогда необходимо установленіе способовъ совокупнаго рѣшенія, такъ чтобы воля была одна“. (Чичеринъ). Если вник-

нуть въ суть дѣла, то придется прійти къ убѣжденію, что всѣ эти различные способы создать искуственно одну волю изъ воли нѣсколькихъ людей—безплодное стремленіе. Всегда придется мириться съ извѣстной натяжкой. Часто употребляются слова: это воля народа, это воля партіи или сословія, или воля рабочаго класса, воля пролетаріата и т. д. Это въ сущности все фразы. Никто не въ состояніи въ точности опредѣлить воли народа, воли множества людей, и обыкновенно т. н. воля народа оказывается лишь волею нѣсколькихъ людей, взявшихся говорить отъ его имени. Всякій, кто наблюдалъ за движеніями и дѣйствіями массъ, тотъ знаетъ, что масса дѣйствуетъ по чувству, инстинкту, но безъ сознательной воли. Этимъ отсутствіемъ сознательной воли и объясняется быстрая перемѣна въ настроеніи массъ народныхъ. Сегодня она ненавидитъ то, что вчера обожала и наоборотъ. Сегодня „осанна, осанна!“ завтра: „распни его“.

Говорятъ также, что государственная власть принадлежитъ не тому или другому лицу или лицамъ, а государству, какъ высшему изъ всѣхъ человѣческихъ союзовъ. По идеѣ это вѣрно, но государство само по себѣ воли не имѣетъ, а поэтому и не можетъ осуществлять никакой власти. Самое естественное, если власть государственная принадлежитъ одному лицу, такъ какъ, какъ выше сказано, только личность человѣческая можетъ имѣть волю, а посему и дѣйствительно власть. Но эта власть въ государствѣ, это право и возможность

распоряжаться организованной силой народной не есть власть частная, подобно власти частнаго человѣка надъ имуществомъ, власти отца надъ ребенкомъ, власти господина надъ рабомъ. Эта власть общественная, существующая не ради властвующаго лица или его семьи, а ради цѣлаго государства, ради народа. Лицо, облеченное государственной властью, является органомъ и представителемъ всего государства и дѣйствуетъ во имя общихъ государственныхъ цѣлей и задачъ. Оно служитъ государству, стоя во главѣ его. Одинъ изъ величайшихъ монарховъ, Фридрихъ II прусскій, назвалъ монарха—первымъ слугой государства. А въ Россіи царская власть въ молитвѣ, которую царь читаетъ во время акта коронаціи, называется „великимъ служеніемъ".

„Для того, чтобы проявлять дѣйствіе не случайное, а правильное, и распоряжаться государственными силами,—власть государственная должна удовлетворять извѣстнымъ условіямъ. Она должна быть властью признанной, постоянной, самостоятельной и верховной. Слѣдовательно, мы имѣемъ 4 признака государственной власти: 1) признанность, 2) постоянство, 3) самостоятельность и 4) верховность.

„Государство не есть просто отдѣльный актъ властвованія; оно есть состояніе постояннаго и притомъ признаннаго властвованія. Когда непріятель совершаетъ военное занятіе враждебной территоріи и властвуетъ въ ней силою оружія вполнѣ самостоятельно, это еще не есть власть государ-

ственная, здѣсь нѣтъ еще *государства*. Военное занятіе территоріи можетъ перейти въ государственное господство, но оно съ нимъ не тождественно. О государствѣ, какъ особой формѣ человѣческаго общенія, можно говорить лишь тогда, когда властвованіе уже установилось, а не только еще устанавливается силой оружія, когда подчиненіе власти въ общемъ стоитъ внѣ сомнѣнія, а не зависитъ болѣе отъ всегда болѣе или менѣе гадательнаго исхода вооруженной борьбы. Государство предполагаетъ мирный порядокъ и потому власть признанную. Гдѣ изъ-за власти идетъ еще вооруженная борьба, тамъ или война, или анархія, но не государство. Государственное властвованіе есть установившееся, признанное мирное властвованіе, предполагающее со стороны властвующаго признанное право на власть, со стороны подвластныхъ добровольное въ общемъ ему подчиненіе“ (Коркуновъ).

Конечно, нельзя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ прослѣдить, добровольно ли подчинился тотъ или другой человѣкъ данной государственной власти или нѣтъ. Такія индивидуальныя изслѣдованія ни къ чему не привели бы. Слабая государственная власть нашла бы много противниковъ, а сильной власти никто не рѣшился бы отказать въ признаніи. Во Франціи въ эпоху Наполеона I и Наполеона III были организованы т. н. „плебисциты“, т.-е. собирались голоса всѣхъ полноправныхъ гражданъ для рѣшенія вопроса о томъ, признаетъ ли масса народа предлагаемую организацію власти.

Такъ на основаніи плебисцита Наполеонъ I объявилъ себя пожизненнымъ консуломъ, Наполеонъ III въ 1852 г.—императоромъ. Въ 1869 г. онъ еще разъ поставилъ признаніе своей власти на голоса, и большинствомъ голосовъ его власть была подтверждена. Въ 1861 году путемъ плебисцита, т.-е. всеобщаго народнаго голосованія, былъ рѣшенъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли присоединить итальянскія провинціи Ниццу и Савойю къ Франціи или нѣтъ. За такія всенародныя голосованія стоятъ въ особенности сторонники т. н. демократіи, народовластія, видящіе въ нихъ проявленіе дѣйствительной, сознательной народной воли. Между тѣмъ трезвое изслѣдованіе всѣхъ этихъ процедуръ всенароднаго голосованія доказало, что только ничтожное меньшинство подаетъ свой голосъ вполнѣ сознательно, а большинство, и притомъ подавляющее, слѣпо слѣдуетъ указаніямъ вожаковъ, агитаторовъ и всегда готово поддержать того, кто самъ вѣритъ въ свою силу и дѣйствуетъ самоувѣренно. Всегда нужно помнить, что сильная власть никогда не нуждается въ такихъ демонстраціяхъ, а слабая въ нихъ не найдетъ новой силы. Наше собственное недавнее прошлое доказало это положеніе какъ нельзя лучше. Въ октябрѣ и ноябрѣ 1905 г. массы народныя, пораженныя несчастной войной, безславнымъ мирнымъ договоромъ въ Портсмутѣ, зрѣлищемъ безпаказанныхъ революціонныхъ митинговъ, демонстрацій и т. д., вообразили, что наша государственная власть дѣйствительно потеряла всякую силу, и погрузились

въ омутъ революціи, сами не сознавая ясно, что они дѣлали. Многіе безропотно подчинялись велѣніямъ самозванной власти — совѣта рабочихъ депутатовъ, союза союзовъ и т. п. самозванцевъ. Но стоило лишь законной власти, дѣйствовавшей именемъ монарха, показать силу: арестовать членовъ совѣта рабочихъ депутатовъ, стойко выдержать напоръ забастовокъ желѣзнодорожной и почтово-телеграфной, усмирить мятежниковъ въ Москвѣ, Сибири и балтійскихъ губерніяхъ, и революціонная сила быстро пошла на убыль. Исторически развившаяся государственная власть, даже временно ослабѣвшая, всегда окажется сильнѣе властей революціонныхъ, которыя всегда болѣе или менѣе самозванныя власти. Народъ, часто безсознательно, ищетъ опоры въ своемъ прошломъ и всегда готовъ поддержать свою историческую власть (въ особенности, если она воплощена въ монархѣ), съ которой его связываетъ воспоминаніе о долгихъ вѣкахъ и совмѣстно пережитыхъ бѣдствіяхъ и свѣтлыхъ дняхъ. Въ смутное время 1605—1613 гг. русскій народъ поочереди отстранялъ власть различныхъ навязанныхъ ему властей, обѣщавшихъ ему различнаго рода свободы и блага, и возвелъ на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, какъ отпрыска угасшей древней московской династіи. Исторія — основа власти, самая твердая ея гарантія, несравненно болѣе сильная, нежели различныя голосованія. Въ нихъ государственная власть черпаетъ свою силу. Историческая власть царскаго и императорскаго рода Романовыхъ

пережила вмѣстѣ съ русскимъ народомъ страшныя потрясенія (въ концѣ XVII ст., въ эпоху Петра В., въ 1812 г., въ 1853—1856 г., въ 1881 г. и, наконецъ, въ 1905—1906 г.), прусская династія Гогенцоллерновъ, австрійская династія Габсбурговъ вмѣстѣ съ прусскимъ и австрійскимъ народами стояли неоднократно на краю гибели, вмѣстѣ спасались и торжествовали, страдали и укрѣплялись, а на этихъ историческихъ наслѣдіяхъ покоится авторитетъ власти, который дѣлаетъ лишнимъ всякое формальное подтвержденіе: голосованіемъ, опросомъ желающихъ или нежелающихъ ее признать.

Никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что народъ (русскій, прусскій, австрійскій и т. д.) не есть совокупность живущихъ въ данную минуту людей. Нѣтъ: подъ народомъ мы понимаемъ неразрывную связь множества поколѣній, создавшихъ, выстрадавшихъ ту среду, въ которой мы теперь живемъ. Живущее поколѣніе имѣетъ право содѣйствовать развитію государственной власти, унаслѣдованной отъ предковъ, но едва ли имѣетъ право (да имѣетъ ли оно даже возможность?) порывать съ прошлымъ и начинать исторію сызнова. И опыты исторіи доказываютъ, что всѣ попытки радикальныхъ дѣятелей расколоть живую исторію народа на двѣ половины: прошлое и совсѣмъ независимое отъ него будущее терпѣли всегда полное фіаско. Французы въ 1792 г. порвали со всѣмъ своимъ прошлымъ, уничтожили власть королевскую, создали совершенно новое государственное устройство, создали даже новый календарь, чтобы ничто не напоми-

нало про прошлое,—и что же? И десяти лѣтъ не продолжалась эта комедія, а затѣмъ прошлое, преданное отрицанію и забвенію, наложило печать на новую Францію. Въ Наполеонѣ I воскресла неограниченная власть французскихъ королей, въ новыхъ учрежденіяхъ возстановлено подъ инымъ именемъ старое, даже старая династія была возстановлена въ 1814 г., а окончательное устраненіе ея привело лишь къ тому, что французскій государственный строй лишенъ стойкости: ему постоянно грозятъ новыя потрясенія.

Про Францію говорятъ, что это только номинально республика, а въ дѣйствительности монархія, которой недостаетъ только монарха.

Вопросъ о признаніи или непризнаніи государственной власти рѣшается не тѣмъ или инымъ количествомъ голосовъ, которые ее одобряютъ или не одобряютъ, а исторіей.

Въ монархіяхъ эта мысль, что не на признаніи со стороны той или иной группы населенія, того или другого поколѣнія. основана власть государственная, а что она—результатъ историческаго развитія, которое совершается по волѣ Всевышняго,—выражается въ формулѣ „Божіей милостію“, предпосылаемой титулу монарха. Въ эпохи революціи почти всегда слышны требованія объ упраздненіи этихъ словъ. Революціонеры желаютъ, чтобы государственная власть была признана дѣломъ ихъ рукъ, ихъ твореніемъ.

Въ ст. 4 нашихъ основныхъ законовъ (Св. Зак. т. I часть 1, изд. 1906 г.) сказано: „Импера-

тору Всероссійскому принадлежитъ Верховная Самодержавная Власть. Повиноваться власти Его, не только за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ".

Эти слова даютъ сторонникамъ революціи поводъ къ неудовольствамъ, отчасти къ насмѣшкамъ и издѣвательству.

Противникамъ монархіи, сторонникамъ государственнаго переворота, было бы желательно, чтобы народъ былъ признанъ субъектомъ верховной самодержавной власти.

Про идею „о народномъ самодержавіи" мы поговоримъ ниже, при объясненіи существа парламентарной монархіи и республики.

Что касается словъ „повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть", то нельзя не признать, что въ нихъ кроется глубокій смыслъ. Его придется признать даже въ томъ случаѣ, если оставить въ сторонѣ религіозныя христіанскія соображенія, и если отказаться отъ вѣры, что верховная власть установлена Богомъ.

Едва ли кто-либо будетъ возражать, если мы скажемъ, что власть, держащаяся только на страхѣ подчиненныхъ ей гражданъ, всегда будетъ и остается властью, если не слабой (Конвентъ во Франціи въ 1793—1794 г. былъ весьма сильной, можно сказать, неограниченной властью), то, во всякомъ случаѣ, властью шаткой. Тамъ, гдѣ господствуетъ одинъ страхъ, при отсутствіи любви и преданности, взаимоотношенія власти и подвластныхъ не нормальны. Точь въ точь какъ въ войскѣ.

Одна суровая дисциплина, поддержанная страхомъ передъ наказаніемъ, не дастъ войску достаточной силы. Болѣе дѣйствительна душевная преданность и любовь къ вождю. За Суворовымъ русскій солдатъ шелъ на стѣны Измаила и на вершины Альпъ, за Аракчеевымъ онъ бы пошелъ нехотя. Убѣжденное подчиненіе „за совѣсть“ удвоитъ силу власти; страхъ безъ преданности дѣлаетъ ее малопроизводительной.

Государственная власть — власть верховная, самостоятельная и неограниченная, и притомъ *принудительная*.

Что значитъ: государственная власть — власть верховная, самостоятельная?

Это значитъ, что она — высшая власть въ государствѣ, не зависящая отъ какой-либо власти внѣ государства или внутри его, сама опредѣляющая предѣлы своихъ правъ и обязанностей. Такую верховную, самостоятельную власть называютъ властью *суверенной*; полноту и самостоятельность верховной власти называютъ „*суверенитетомъ*“. Въ наукѣ государственнаго права много спорятъ и спорили о томъ, можно ли и должно ли признать властью государственной только власть вполнѣ самостоятельную, верховную, и только то политическое общеніе — государствомъ, которое имѣетъ такую самостоятельную, независимую власть, или же въ понятіе суверенитета не входитъ безусловно — самостоятельность и верховность? Не слѣдуетъ ли признать государствами также территоріальные союзы съ ограниченной, неполной, несамостоятель-

ной государственной властью? Я думаю, что эти попытки доказать, что и неполная, несамостоятельная власть есть все-таки власть государственная, и что союзъ, во главѣ котораго она стоитъ — тоже государство — вносятъ только путаницу въ науку и практическую жизнь. Всѣ эти теоріи о неполномъ, раздѣльномъ суверенитетѣ, о верховныхъ и о подчиненныхъ государствахъ, — результатъ желанія не лишать названія „государство“ такіе мелкіе территоріальные союзы, которые ранѣе были самостоятельными государствами, или которые желали бы быть таковыми. Это споръ о титулѣ, которому не соотвѣтствуетъ дѣйствительное положеніе вещей. Разъ мы признали государство силой народа, организованной на основѣ права, то мы не можемъ признать государствами такіе территоріальные союзы, которые не имѣютъ ни внѣшней, ни внутренней силы, не могутъ распоряжаться собственной судьбой и должны подчиниться власти, стоящей внѣ ихъ. Не даромъ на политическомъ языкѣ дѣйствительныя государства называются „Les puissances, die Mächte“. Когда въ 20 годахъ XIX ст. одно изъ мелкихъ княжествъ Германіи, „Ангальтъ-Кетенъ“, присвоило себѣ титулъ „l'empire anhaltin coethin“ и вздумало себя считать за силу, — это вызвало лишь смѣхъ и иронію. Въ наше время, въ виду современныхъ политическихъ условій — государствомъ считается такой территоріальный союзъ, который можетъ собственными силами постоять за себя. Изъ вѣжливости еще называютъ государствами Монако, Санъ-Марино, кня-

жество Рейсъ. Великое Герцогство Люксембургъ и т. д., но стоитъ только имѣть имъ дѣло съ реальностями политической жизни,—и окажется, что ихъ титулъ—титулъ безъ содержанія. И составныя части т. н. союзнаго государства (штаты, кантоны) въ сущности только въ теоріи государства,—на практикѣ они самостоятельной жизни вести не могутъ.—они просто провинціи, пользующіяся болѣе или менѣе широкой автономіей. Власть, стоящая во главѣ такихъ частей крупныхъ государствъ, или во главѣ безсильныхъ мелкихъ территоріальныхъ союзовъ,—власть государственная только по имени.—на дѣлѣ ей недостаетъ главнаго – верховности, самостоятельности и свободнаго самоопредѣленія. Нынѣ защитники теоріи о раздѣльности суверенитета говорятъ, что и несамостоятельная, и не верховная власть можетъ быть признана властью государственной, ибо не то имѣетъ рѣшающее значеніе,— самостоятельна ли власть и независима ли она,—а то, власть ли она по собственному праву, или же власть, исполняющая только извѣстныя порученія. Разъ власть имѣетъ хотя бы только скромныя полномочія.—но по собственному праву, то она власть государственная, а въ противномъ случаѣ она даже при широкихъ полномочіяхъ—власть не государственная.—Такъ, напр., англійская колонія Канада имѣетъ свой парламентъ, свое министерство,—полномочія ихъ очень широки,—но это не государство, потому что весь кругъ вѣдомства этихъ учрежденій установленъ англійскимъ парламентомъ. А вотъ княжество Монако—государство,

ибо князь монакскій можетъ по собственному праву управлять внутренними дѣлишками своихъ $^{3}/_{4}$ квадратныхъ миль. Защитники этой теоріи забываютъ, что если вся компетенція учрежденій Канады установлена Англіей, что и предѣлы власти князя Монако и тому подобныхъ мелкихъ государствъ установлены молчаливымъ соглашеніемъ Франціи, Италіи, Пруссіи и иныхъ державъ. Что касается указанія на право, то можно сказать, что города Миланъ, Пиза, Флоренція или различные бывшіе свободные города Германіи (какъ-то: Ульмъ, Регенсбургъ) имѣютъ болѣе права на самостоятельное политическое существованіе, нежели княжество Монако. Половина нынѣшнихъ нѣмецкихъ „государствъ“ создана по произволу Наполеона I, и это называется быть государствомъ по собственному праву! Если уже становиться на точку зрѣнія права, то слѣдовало бы и провѣрить правовое происхожденіе всѣхъ современныхъ государствъ. Но тогда оказалось бы, что подавляющее большинство ихъ обязано своимъ происхожденіемъ—счастливымъ политическимъ комбинаціямъ, насилію, произволу, но отнюдь не праву (если не считать права сильнаго надъ слабымъ). И странно, всѣхъ болѣе и чаще ссылаются на право тѣ, кто обязанъ своимъ существованіемъ всему, но не праву.

Изъ вышесказаннаго отнюдь не слѣдуетъ, что качество и право государства слѣдуетъ признать лишь за крупными государствами. Отнюдь нѣтъ. Наравнѣ съ крупными, т. н. великими державами существуютъ и нынѣ государства небольшія по

территоріи и количеству жителей, напр., Швеція. Норвегія, Данія, Голландія, Бельгія, Швейцарія. Португалія. Но для существованія государства необходимо имѣть возможность и силу самостоятельно, по своему рѣшенію, объявлять войну. заключать миръ. заключать трактаты, конвенціи. имѣть свое войско, свою монету, свои регаліи (почтовую, телеграфную, желѣзнодорожную). имѣть силу хотя бы и безуспѣшно—противиться вмѣшательству чужеземной власти.

Государственная наука еще не установила подходящаго названія для такихъ территоріальныхъ политическихъ союзовъ, которые не имѣютъ самостоятельной, независимой верховной власти.—названіе, которое удовлетворяло бы самолюбію мелкихъ народовъ и династій, и все-таки указывало бы на различіе отъ дѣйствительныхъ государствъ. (Предложены названія—государство-подобные союзы, государственные фрагменты, но эти названія не нашли себѣ общаго признанія).

Можно ли сказать, что верховная, самостоятельная, независимая государственная власть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и власть неограниченная? Да, власть верховная, безразлично принадлежитъ ли она одному лицу въ монархіи, или группѣ лицъ въ аристократіи. или множеству лицъ, въ демократіи.—неограниченна. но эта неограниченность не безусловная, а относительная, условная. Не говоря про то уже, что человѣкъ вообще ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. рѣшеніяхъ и желаніяхъ,—ограниченъ несовершенствомъ человѣческой природы и окружающими его

стихіями,—государственная власть даже самыхъ могущественныхъ монарховъ или народныхъ собраній—ограничена (часто безсознательно) обычаями народными, вѣрованіями, словомъ, той невѣдомой, неосязаемой силой, духовной и нравственной, которая образуется въ теченіе вѣковъ помимо всѣхъ законовъ и пожеланій О неограниченности государственной верховной власти можно говорить лишь въ смыслѣ юридическомъ. Т.-е. въ предѣлахъ того же государства, нѣтъ другой власти, которая могла бы на основаніи права ставить предѣлы предписаніямъ и велѣніямъ государственной власти. Въ средніе вѣка римская католическая церковь претендовала на роль такой соперницы власти, которой должна была подчиниться свѣтская государственная власть, признававшаяся верховной постольку, поскольку она служила цѣлямъ церкви и указаніямъ папы. Государства новаго времени такой конкурренціи не признаютъ.

Но благодаря международному общенію народовъ и культурныхъ государствъ образовалось (съ XVI ст.) международное право, совокупность нормъ (договорныхъ и обычныхъ), которыя регулируютъ взаимоотношенія государствъ культурнаго европейскаго и внѣевропейскаго міра. Эти нормы ограничиваютъ во многихъ отношеніяхъ свободу дѣйствій отдѣльныхъ государственныхъ верховныхъ властей: различныя международныя соглашенія (трактаты, конвенціи и т. д.) связываютъ волю договорившихся государствъ на срокъ, указанный въ договорѣ (напр., почтовая конвенція, монетная конвенція.

конвенція о выдачѣ преступниковъ и т. д.). Въ наше время замѣтно стремленіе усилить эту международную связь. Различные мирные конференціи и конгрессы (большинство созвано по почину Россіи) создаютъ нормы, ограничивающія свободу государственной власти даже въ эпоху борьбы и въ отношеніи способовъ пользованія вооруженными силами.

Государственная власть — власть принудительная. Государственная власть была бы пустымъ звукомъ, если бы она не имѣла возможности, права и силы приводить свое рѣшеніе, свою волю въ исполненіе, обязывать своихъ гражданъ или подданныхъ, и, въ случаѣ необходимости, принуждать ихъ къ повиновенію и карать ихъ въ случаѣ ослушанія.

Можно возразить, что власть принужденія не есть отличительный признакъ государственной власти. Въ составѣ государства имѣются и другіе общественные союзы, осуществляющіе въ отношеніи своихъ членовъ власть принудительную (напр., семья, или община сельская). Совершенно вѣрно. Но отъ этихъ семейныхъ или общинныхъ властей власть государственная отличается тѣмъ, что принадлежащее имъ право принужденія дано имъ властью государственной, которая постановила и предѣлы его и установила наказанія за возможное злоупотребленіе. Что же касается права принужденія, принадлежащаго власти государственной, то его никто не даровалъ государству. Оно само по себѣ вытекаетъ изъ сущности государства. Предѣлы права принужденія, коимъ пользуется государственная

власть, устанавливаются никѣмъ инымъ, какъ самой государственной властью.

Въ обыденной жизни, въ прессѣ періодической, въ преніяхъ Государственной Думы, часто употребляется слово „правительство“, чаще чѣмъ слово государственная власть. Что означаетъ это слово? Тождественно ли оно со словомъ „государственная власть“? Если вы внимательно слѣдили за случаями употребленія слова „правительство“, то вы, вѣроятно, замѣтили, что правительство иногда даже противополагается „верховной государственной власти“. Напр., въ Англіи говорятъ про „правительство Его Величества“. У насъ говорили, что въ томъ или иномъ происшествіи виновато правительство, что оно не досмотрѣло, что оно ввело монарха въ заблужденіе. Даже въ строго консервативныхъ газетахъ вы встрѣтите заявленія, что онѣ не въ оппозиціи къ монарху, а оппонируютъ только правительству. Не понимаютъ ли подъ правительствомъ всѣ органы управленія, суда и законодательства? Нѣтъ. — Государственный Совѣтъ и Государственную Думу не называютъ правительствомъ. Не называютъ также правительствомъ и земство или городское общественное управленіе.

Оказывается, что подъ „правительствомъ“ разумѣютъ высшіе органы управленія (не органы законодательства и органы суда), которые по полномочію верховной власти осуществляютъ ея административныя и политическія функціи, отвѣчая въ монархіяхъ абсолютныхъ передъ монархомъ за закономѣрность и цѣлесообразность своихъ дѣйствій,

а въ государствахъ конституціонныхъ и парламентарныхъ отчасти и передъ народнымъ представительствомъ.

Въ обыденной жизни и рѣчи причисляютъ къ „правительству“ и подчиненные органы управленія, напр., губернаторовъ, уѣздныхъ исправниковъ и т. д.

„Правительству“ противополагается обыкновенно „общество“. „народъ“, понятія также весьма условныя, неопредѣленныя. Никто не можетъ въ точности опредѣлить, кто же составляетъ общество, кто—народъ?

Выходитъ такъ, что вся сумма людей, состоящая на государственной службѣ, въ особенности на службѣ административной, всѣ министры, ихъ ближайшіе сотрудники, всѣ губернаторы, всѣ начальники различныхъ правительственныхъ учрежденій, все войско—не входитъ ни въ общество, ни въ народъ, а составляютъ что-то постороннее, чужое.

Во времена волненій, политической борьбы т. н. общественные дѣятели выступаютъ противъ правительства во имя „народа“, отъ имени „общества“, будучи убѣждены или принимая видъ убѣжденныхъ, что они вѣрно отгадали и передаютъ волю народную и мысли общества, при чемъ не лишне обратить вниманіе на то, что представители различныхъ, прямо противоположныхъ другъ другу политическихъ направленій одинаково энергично ссылаются на волю „народа“ и на „общественное мнѣніе“. Ниже, въ другомъ мѣстѣ я укажу, въ

какомъ различномъ смыслѣ употребляютъ слово „общество", что такое наука понимаетъ подъ обществомъ, что такое общественное мнѣніе, какимъ путемъ оно образуется и выражается.

Подведемъ итогъ сказанному.

Государство — сила политически объединеннаго народа, организованная на основѣ права. Руководство этой силой — въ рукахъ государственной власти, верховной, самостоятельной, независимой и (относительно) неограниченной.

Государственная власть можетъ находиться въ рукахъ одного лица или въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, или, наконецъ (фиктивно), въ рукахъ всѣхъ членовъ государства.

Въ зависимости отъ того, въ чьихъ рукахъ власть, мы различаемъ *формы государственнаго правленія*. Наука государственнаго права классифицируетъ формы государственнаго правленія слѣдующимъ образомъ:

Государство, въ которомъ верховная власть присваивается одному физическому лицу, — монархія. Мы различаемъ 3 вида монархіи: 1) неограниченную, 2) конституціонную и 3) парламентарную.

Государство, въ которомъ верховная власть присваивается многимъ лицамъ или всѣмъ членамъ государства, называется республикой.

Мы различаемъ 2 вида республики: 1) аристократію, 2) демократію.

Въ зависимости отъ того, распространяетъ ли данная верховная государственная власть свою силу и волю одинаково на всѣ части территоріи и

на все населеніе, или же различныя части территоріи и населенія состоятъ въ различномъ отношеніи къ верховной власти. мы различаемъ: 1) простыя государства и 2) сложныя государства. Мы различаемъ двоякую форму сложныхъ государствъ: 1) союзное государство и 2) реальная унія. Сложныя государства могутъ имѣть организацію монархическую или республиканскую.

Что касается до „личной уніи“ и „союза государствъ“, то это не формы государственнаго устройства, а формы болѣе или менѣе продолжительныхъ международныхъ соединеній различныхъ государствъ.

Личная унія тогда налицо, если случайно (благодаря, напр., избранію государя одного государства на престолъ другого государства, или вслѣдствіе того, что въ двухъ государствахъ на основаніи существующаго въ нихъ законнаго порядка престолонаслѣдія верховная власть переходитъ въ руки одного и того же лица) верховная власть въ двухъ государствахъ соединяется въ одномъ лицѣ. Но связь этихъ государствъ не идетъ далѣе: только лицо монарха одно; всѣ же государственныя учрежденія (органы законодательства, суда, управленія, армія, финансы) въ двухъ государствахъ, состоящихъ въ личной уніи, остаются вполнѣ разрозненными, и право, дѣйствующее въ такихъ случайно сблизившихся государствахъ, можетъ быть совершенно различнымъ, несмотря на то, что случайно законъ о наслѣдіи престола призвалъ на престолъ одно и то же лицо. Въ нихъ можетъ

даже существовать совершенно различный порядокъ престолонаслѣдія, и состоящія въ личной уніи государства могутъ опять раздѣлиться. Такъ, напр., до 1837 г. Англія и бывшее королевство Ганноверъ состояли въ личной уніи. Можетъ быть и то, что одно государство завоевывается другимъ, но завоеватель оставляетъ покоренному государству его полную политическую самостоятельность, ограничиваясь возведеніемъ монарха покорителя на престолъ завоеваннаго государства. Такъ, напр., Наполеонъ I создалъ изъ завоеванныхъ итальянскихъ владѣній королевство Италію и возложилъ на себя лично корону Италіи. Иногда говорятъ, что Великое Княжество Финляндское состоитъ въ личной уніи съ Имперіей Всероссійской. Вѣдь тамъ, говорятъ, свои законы, особыя учрежденія, особая монета, особая финансовая система, было свое войско и т. д. Разсуждающіе такъ не знаютъ, что всѣ такія особенности могутъ существовать и въ автономныхъ областяхъ, отнюдь не возводя ихъ на степень государства. Стоитъ только прочитать ст. 2 основныхъ законовъ (Св. Зак. т. I, часть I, изд. 1906 г.), чтобы убѣдиться, что здѣсь нѣтъ уніи вообще, ни личной, ни реальной. Означенная статья гласитъ: „Великое Княжество Финляндское, составляя нераздѣльную часть Государства Россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства“.

Разъ Великое Княжество Финляндское — „нераздѣльная часть“ Государства Россійскаго, оно

само по себѣ *не государство*. ибо не имѣетъ особой власти государственной. Я повторяю, что связь Финляндіи съ Россіей не есть даже реальная унія, уже не говоря про унію личную.

Что же такое *„реальная унія“*? Реальная унія—это такое соединеніе государствъ, при которомъ 1) престолъ одного государства, на основаніи общаго закона, связывается *неразрывно* съ престоломъ другого; 2) имѣются общія учрежденія хотя бы только для дѣлъ внѣшнихъ и внѣшней политики. Во внѣшнихъ сношеніяхъ государства. соединенныя на началахъ реальной уніи, представляютъ какъ бы одно цѣлое, имѣютъ общихъ враговъ. общихъ союзниковъ. сообща заключаютъ миръ и объявляютъ и ведутъ войну. Какимъ образомъ возникаютъ реальныя уніи? Почти всѣ существующія (или недавно существовавшія) реальныя уніи возникали благодаря тому, что одно государство въ борьбѣ съ другимъ оказалось достаточно сильнымъ для побѣды, но не достаточно сильнымъ для окончательнаго покоренія, для превращенія побѣжденнаго государства въ часть государства побѣдителя. Въ виду этого побѣдитель и соглашался, ради скорѣйшаго примиренія съ противникомъ, оставить покоренному государству самостоятельныя политическія учрежденія. Такимъ образомъ установилась въ 1814 г. реальная унія Швеціи и Норвегіи (разорванная въ 1904 г.). Бываютъ и такіе случаи, что государство предоставляетъ одной части своей, нѣкогда бывшей самостоятельнымъ государствомъ, политическую само-

стоятельность на началахъ реальной уніи ради предотвращенія полнаго обособленія этой части. Примѣръ возникновенія „реальной уніи“ по такимъ причинамъ — связь Австріи съ Венгріей съ 1867 г. Въ прежніе вѣка Венгрія была вполнѣ самостоятельнымъ королевствомъ, лишь на началахъ личной уніи связаннымъ съ Австріей (вѣрнѣе, съ владѣніями дома Габсбурговъ, ибо „Австрійская Имперія“ существуетъ лишь съ 1806 г.), наполовину порабощеннымъ турками и затѣмъ при помощи поляковъ и нѣмцевъ освобожденнымъ отъ турецкаго ига. Въ 17 ст. послѣ подавленія возстанія венгерцевъ противъ власти Габсбурговъ Венгрія въ сущности управлялась какъ завоеванная габсбургская провинція. Въ XVIII ст., въ эпоху войнъ Маріи-Терезіи съ Фридрихомъ Вел. венгерцамъ были предоставлены опять нѣкоторыя вольности, вновь ограниченныя въ эпоху 1815—1848 гг. Въ 1848—1849 г. послѣдовало второе возстаніе венгерцевъ, провозгласившихъ сверженіе съ престола династіи Габсбурговъ. Но съ помощью Россіи венгерское возстаніе было подавлено, и 17 лѣтъ австрійцы распоряжались въ Венгріи, какъ въ провинціи завоеванной. Но катастрофа Австріи въ 1866 г. побудила ее искать опоры въ венгерцахъ, и съ 1867 г. и установлена реальная унія между королевствами Св. Стефана (Венгрія) и Австріей, связь шаткая, грозящая ежегодно порваться. Унія держится теперь лишь личностью императора Франца-Іосифа, любимаго и въ Австріи, и въ Венгріи. Австро-Венгрія

имѣетъ общую армію, общее министерство императорскаго двора, общую внѣшнюю политику. Делегаты отъ австрійскаго и венгерскаго парламентовъ соединяются для обсужденія общихъ вопросовъ въ т. н. делегаціи, такъ сказать, сводное австрійско-венгерское народное представительство.

Но былъ случай, небывалый въ исторіи до того времени, что государственная власть, безусловная, безспорная побѣдительница, дала добровольно покоренному, и притомъ глубоко враждебному государству, самостоятельное политическое существованіе. Въ 1815 г. Императоръ Александръ I, какъ сказано выше, создалъ королевство Польское, соединивъ его съ Россіей на началахъ реальной уніи. Это было великодушно. Вы уже знаете, какъ отплатили поляки въ 1830—1831 г. Россіи за это великодушіе.

Что же такое *союзъ государствъ?* Союзъ государствъ—международноправовое соединеніе независимыхъ, самостоятельныхъ государствъ, которыя соединились ради достиженія какихъ-либо общихъ задачъ (преимущественно ради общей военной защиты) въ постоянный, безсрочный союзъ, не отказываясь, впрочемъ, отъ своей самостоятельности, своего суверенитета. Они создаютъ для общихъ цѣлей союзную власть, но такъ какъ каждое государство, входящее въ союзъ, сохраняетъ свой суверенитетъ, эта центральная союзная власть стоитъ, такъ сказать, въ подчиненіи у властей отдѣльныхъ государствъ. Союзная власть имѣетъ форму конгресса пословъ отъ отдѣльныхъ государствъ; эта

власть не имѣетъ собственной воли: послы исполняютъ только порученія уполномочившихъ ихъ правительствъ.

Союзъ государствъ можетъ состоять изъ монархій или изъ республикъ, или сразу изъ монархій и республикъ вмѣстѣ. Примѣръ союза государствъ: Швейцарскій союзъ до 1848 г., Нидерландскіе штаты до конца XVIII ст., Соединенные Штаты Сѣверной Америки съ 1778 г. до 1787 г., наконецъ, Германскій союзъ съ 1815—1866 г.

Въ противоположность союзу государствъ (конфедерація) — союзное государство (федерація) есть постоянное соединеніе государствъ въ одно цѣлое, съ отказомъ отдѣльныхъ частей отъ своей самостоятельной государственности, отъ своего суверенитета. Такъ какъ политическій, территоріальный союзъ, не обладающій самостоятельностью и независимостью, не есть государство, то нужно признать, что съ момента образованія союзнаго государства отдѣльныя его части потеряли характеръ государства, хотя благодаря извѣстному этикету, онѣ сохраняютъ названіе государства. Суверенитетъ переходитъ къ центральной власти союза, которая возвышается надъ властями отдѣльныхъ частей союзнаго государства.

Отъ *союза государствъ* „*союзное государство*“ отличается главнымъ образомъ тѣмъ, что оно основано на понятіи о народѣ, какъ единомъ цѣломъ, несмотря на то, что онъ раздѣленъ на части, носящія названіе государствъ (или штатъ, кантонъ). Есть полное основаніе говорить про американскій

народъ, швейцарскій народъ, германскій народъ. Эта мысль о единствѣ народа въ союзномъ государствѣ ясно выражена въ вступительныхъ словахъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ: „Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ“. Центральная, союзная власть въ союзномъ государствѣ имѣетъ непосредственное отношеніе къ подданнымъ во всѣхъ составныхъ частяхъ его; она можетъ отъ себя издавать законы, обязательные для всего народа, непосредственно, между тѣмъ какъ въ „союзѣ государствъ“ законы, изданные центральнымъ союзнымъ органомъ, только тогда становятся обязательными для гражданъ отдѣльнаго государства, если мѣстная власть на это согласна, ихъ приняла и обнародовала. Но нельзя сказать, что кругъ вѣдомства центральной власти въ союзномъ государствѣ всегда шире, нежели въ союзѣ государствъ. Когда существовалъ германскій союзъ 1815 — 1866 г., центральная власть неоднократно издавала законы по такимъ вопросамъ, которые нынѣ входятъ, согласно германской конституціи, въ компетенцію мѣстныхъ властей.

Чѣмъ же отличается союзное государство отъ государства единаго, простого? Тѣмъ, что въ союзномъ государствѣ центральная власть можетъ принимать рѣшенія не иначе, какъ съ постояннаго содѣйствія мѣстныхъ властей, что общая воля союзнаго государства устанавливается непосредственнымъ соглашеніемъ между отдѣльными частями. Во всѣхъ союзныхъ государствахъ наравнѣ съ общимъ народнымъ представительствомъ, члены котораго

избирается непосредственно всѣмъ народомъ въ извѣстной пропорціи къ количеству народонаселенія. имѣется представительство отдѣльныхъ частей (государствъ, штатовъ, кантоновъ), которыя назначаютъ каждая равное число членовъ. Слѣдовательно. центральная власть есть одновременно и непосредственная представительница всего народа. и представительница составныхъ частей государства.

Примѣръ союзнаго государства: Соединенные Штаты Сѣверной Америки съ 1787 г., Швейцарія съ 1848 г., Германская Имперія съ 1867—1871 г.

Главныя причины возникновенія „союзныхъ государствъ“ слѣдующія:

1) слабость мелкихъ государствъ, не имѣющихъ возможности собственными силами отстоять себя;

2) стремленіе удовлетворить различнымъ народностямъ въ ихъ потребности жить самостоятельной внутренней жизнью, сохраняя при этомъ единство цѣлаго;

3) стремленіе политически-раздробленной народности, сознающей свое единство, образовать политическое цѣлое, сохраняя исторически развившіяся внутреннія учрежденія (историческія династіи).

Но для прочности союзнаго государства необходима наличность извѣстныхъ условій. Если въ составъ союзнаго государства входитъ нѣсколько народностей, то ихъ физическая сила (численность) и сила культурная должны быть равны, иначе болѣе сильная народность мало-по-малу станетъ господствующей и подчинитъ себѣ остальныхъ.

Если мелкія государства образуютъ государство союзное, то и здѣсь необходимо уравновѣшеніе силъ. Если одно изъ государствъ по силѣ своей превосходитъ всѣ прочія, то его преобладаніе рано или поздно приведетъ къ окончательному подчиненію болѣе слабыхъ. Въ такомъ случаѣ „союзное государство“ только временный компромиссъ: союзное государство медленно, но неуклонно ведетъ къ образованію единаго государства.

Искусственное созданіе союзнаго государства не даетъ прочныхъ результатовъ.

Искусственнымъ путемъ созданы союзныя государства Южной Америки: Бразилія, Аргентинская республика. Это все призраки союзныхъ государствъ. Составныя части ихъ (штаты) не иное что, какъ автономныя провинціи, безъ всякихъ историческихъ основъ и корней. Они столь же мало отличаются другъ отъ друга, какъ французскіе департаменты.

Въ Россіи, въ средѣ радикальныхъ партій, стремящихся къ ниспроверженію русскаго государственнаго строя, высказывается идея о необходимости взамѣнъ единаго нераздѣльнаго государства образовать федерацію, союзное государство, на подобіе Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки или Швейцаріи. Эта мысль о федеративномъ устройствѣ Россіи имѣетъ, такъ сказать, два оттѣнка. Малорѣшительные сторонники федерализма рисуютъ себѣ будущее государственное устройство Россіи слѣдующимъ образомъ: будущее русское союзное государство состоитъ изъ составляющихъ его государствъ: Великорусскаго, Малороссійскаго, Литов-

скаго, Польскаго, Латышскаго, Эстонскаго, Финляндскаго, Сибирскаго, Кавказскаго, Туркестанскаго, при чемъ Великорусскому „штату“, какъ наиболѣе крупному по количеству населенія, предоставлено первенство, подобное тому, которымъ пользуется Пруссія въ составѣ Германскаго союзнаго государства. Болѣе рѣшительные сторонники федерализма въ своихъ планахъ разбиваютъ всю Россію на множество мелкихъ штатовъ по числу губерній или уѣздовъ. Есть даже люди, мечтающіе о превращеніи Россіи въ союзъ вольныхъ городскихъ и сельскихъ общинъ (коммунъ). Сторонники такого расчлененія Россіи на куски и кусочки увѣряютъ, что, только отказавшись отъ единства и нераздѣльности великаго русскаго государства, можно обезпечить гражданамъ надлежащую свободу, дать народу благодеяніе, каждой національности возможность развить свою національную, самобытную культуру. Сложный де въ Россіи вопросъ національный можетъ быть удовлетворительно рѣшенъ лишь при условій превращенія Россіи въ союзное государство. Эти мечтатели забываютъ прежде всего, что національный вопросъ этимъ путемъ не разрѣшимъ, ибо въ Россіи народности такъ переплетены между собой, что нѣтъ возможности или весьма трудно отмежевать для каждой изъ нихъ отдѣльный округъ. Отмежевать территоріально можно лишь Польшу, Литву и Финляндію, но выше было сказано, что обособленіе этихъ западныхъ окраинъ отразится гибельно на жизни всей Россіи. Затѣмъ сторонники замѣны русскаго государственнаго единства федера-

лизмомъ забываютъ, что Россія уже разъ въ исторіи пережила федеративный строй. Въ удѣльно-вѣчевой періодъ Русь была ни чѣмъ инымъ, какъ федераціей городовъ и волостей. Конечно, основныя начала союзнаго государства не были тогда проведены строго послѣдовательно, но суть союзнаго государства была налицо. И свободы было достаточно, такъ много, что вся Русь была въ постоянномъ броженіи и междоусобицѣ. Чѣмъ же кончилось это федеративное благоденствіе для Руси? Тѣмъ, что когда съ востока появилась монгольская гроза, все союзное государство распалось вдребезги и подчинилось монгольскому игу. Едва ли можно желать, чтобы Россія повторила этотъ экспериментъ въ эпоху, когда съ востока вновь грозитъ желтая опасность. Не для того въ самомъ дѣлѣ русскій народъ въ теченіе вѣковъ собиралъ свое государство, чтобы вопросъ о его дальнѣйшемъ существованіи рѣшался въ зависимости отъ того, чувствуютъ ли себя счастливыми гг. поляки, литовцы, финны, латыши и эстонцы?

О неограниченной или абсолютной монархіи.

Выше уже было сказано, что верховная государственная власть, независимо отъ организаціи ея и отъ того, въ чьихъ рукахъ она находится, юридически неограниченна, поскольку она не связана

международными договорами. Она неограничена настолько же въ республикѣ, монархіи парламентарной, конституціонной, насколько и въ монархіи неограниченной, или абсолютной.

Въ чемъ же тогда отличительная особенность неограниченной монархіи? Въ томъ, что способъ осуществленія верховной власти, формальныя условія ея дѣйствія, цѣль и задачи ея дѣятельности устанавливаются волею одного физическаго лица, воплощающаго въ себѣ всю полноту власти. Это не означаетъ, что въ неограниченной, абсолютной монархіи одинъ монархъ самолично осуществляетъ всѣ функціи власти: и законодательствуетъ, и управляетъ всѣми отраслями администраціи, и судитъ. Отнюдь нѣтъ. Чѣмъ объемистѣе государство, тѣмъ сложнѣе механизмъ государственнаго управленія, суда и законодательства. Но въ абсолютной или неограниченной монархіи монархъ сохранилъ за собой право, по своему усмотрѣнію, дѣйствовать и внѣ установленнаго имъ же порядка, напр., издавать законы помимо содѣйствія тѣхъ органовъ, которые имъ же учреждены для работъ законодательныхъ, распоряжаться личными и матеріальными силами народа независимо отъ тѣхъ формъ, которыя установлены для распоряженія ими, отступать, если онъ признаетъ необходимымъ, отъ порядка судебнаго разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ или сужденія преступныхъ дѣйствій. Слѣдовательно, не въ томъ суть неограниченной монархіи, что монархъ дѣйствуетъ и управляетъ безъ соблюденія всякихъ формъ, порядковъ, внѣ законовъ и постоянныхъ

правилъ, но въ томъ, что его личное рѣшеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ стоитъ выше закона и ему не подчиняется. Государство, гдѣ нѣтъ вообще законовъ, правилъ, установленнаго порядка законодательства, управленія и суда,—не неограниченная монархія, а деспотія. Можно возразить, что въ такомъ случаѣ не существуетъ твердой грани между деспотіей и неограниченной монархіей. Несомнѣнно. Но нѣтъ такой грани и между республикой и деспотіей. Вездѣ существуетъ опасность, что физическіе носители власти, люди грѣшные, слабые, злоупотребляютъ властью, и въ республикѣ опасность сильнѣе, ибо коллегія лицъ, управляющая государствомъ, менѣе чувствуетъ и сознаетъ отвѣтственность, нежели отдѣльный человѣкъ.

Приведу опредѣленіе неограниченной монархіи, данное покойнымъ русскимъ ученымъ Н. М. Коркуновымъ. Это, по моему мнѣнію, наиболѣе полное и точное опредѣленіе: „Если монархъ является не только безотвѣтственнымъ представителемъ государства, какъ цѣлаго, но и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю полноту, всѣ функціи государственной власти, получается монархія неограниченная, или абсолютная. Власть монарха не ограничивается тутъ никакою другою властью. Всѣ государственныя учрежденія подчиняются въ такомъ государствѣ монарху, всѣ они дѣйствуютъ по его полномочію, служатъ ему орудіями, опираются на его авторитетъ. Всѣ функціи государственной власти осуществляются или самимъ монархомъ, или по его полномочію. Неограниченный монархъ пред-

ставляется такимъ образомъ безусловнымъ, абсолютнымъ олицетвореніемъ государственной власти, ея живымъ воплощеніемъ".

Ни одна изъ всѣхъ формъ правленія, кромѣ монархіи, не даетъ возможности такъ ярко и осязательно представить политическую силу народа. Это самая простая и понятная форма правленія, и посему и самая древняя и самая распространенная. Древнѣйшія государства, про которыя повѣствуетъ исторія, — были монархіями.

Въ настоящее время (не считая различныхъ мелкихъ дикихъ африканскихъ „государствъ") на свѣтѣ существуетъ 60 монархій и 25 республикъ.

Изъ монархій только двѣ неограниченныя: Турція и Китай, 55 конституціонныхъ монархій, 5 парламентарныхъ монархій.

Конституціонныя монархіи возникли лишь въ XIX ст., за исключеніемъ Англіи и Швеціи, которыя имѣли конституціонный строй уже съ XIII ст., если не еще раньше. Всѣ остальныя, нынѣ конституціонныя или парламентарныя, государства до первой половины XIX ст. были монархіями абсолютными или неограниченными.

Однако, изъ этого не слѣдуетъ, что абсолютная или неограниченная монархія—первичная форма монархіи. Неограниченной монархіи новыхъ временъ предшествовала также ограниченная монархія, но ея устройство было иное, нежели устройство нынѣшнихъ ограниченныхъ монархій.

Неограниченная монархія, абсолютизмъ, только ступень въ развитіи государства отъ средневѣко-

вых порядковъ къ новымъ условіямъ жизни. Такъ было на западѣ Европы, такъ было и у насъ въ Россіи.

Въ древнѣйшее время монархія у народовъ съ прочной, постоянной осѣдлостью, имѣла форму или теократіи, или форму вѣчевой монархіи.

Подъ теократіей понимаютъ такую форму правленія, при которой государственная власть носитъ религіозный характеръ, и монархъ является представителемъ верховнаго единаго Божества. Несмотря на то, что въ такихъ теократическихъ государствахъ (которыя, за весьма немногими исключеніями, имѣли форму монархіи) въ монархѣ соединяется вся полнота власти, тѣмъ не менѣе онъ ограниченъ, но не волей народной, которая въ теократіяхъ безмолвствуетъ, а тѣмъ, что всѣ законы государства имѣютъ религіозный характеръ и связываютъ собой волю монарха. Такой же религіозный характеръ носятъ и всѣ государственныя учрежденія. За неприкосновенностью законовъ и учрежденій въ теократіи наблюдаютъ духовныя лица, первосвященники и жрецы.

Эта форма монархіи существовала и долго держалась у народовъ восточнаго міра, у народовъ, принадлежащихъ къ расѣ семитской.

У арійскихъ народовъ первоначальная форма монархіи и государственнаго устройства вообще — монархія *вѣчевая*.

Въ древнѣйшія времена государства арійскихъ народовъ были невелики по объему и количеству населенія. Все народонаселеніе представляло одно-

родную массу безъ различія въ правахъ. Существовало только различіе въ личной силѣ и достаткѣ. Не было и постоянныхъ государственныхъ учрежденій, не было сложныхъ задачъ управленія, не было писаннаго права: господствовало право обычное, которое и опредѣляло весь правовой порядокъ. Вся дѣятельность власти сводилась къ военной защитѣ и судопроизводству. Для руководства во время войны и для высшаго судоговоренія и призывались или избирались монархи (князья, владыки) изъ среды семьи или рода, которые пользовались особенной любовью или довѣріемъ народа. Всѣ важныя рѣшенія принимались не иначе какъ съ согласія народнаго вѣча, въ которомъ участвовали всѣ члены народа, способные носить оружіе. Всѣ члены народа участвовали въ вѣчевыхъ собраніяхъ по собственному праву, и по обычаю требовалось единогласіе рѣшеній. Главная роль монарха сводилась къ соглашенію противорѣчивыхъ мнѣній на вѣчевыхъ собраніяхъ, дабы не нарушался общественный миръ и народный обычай.

По мѣрѣ осложненія условій общественной жизни исчезаетъ первоначальное однообразіе. Раздѣленіе труда проявляетъ свою силу, обособляя членовъ народа и соединяя вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ же въ различныя группы, сообразно исполняемымъ ими хозяйственнымъ задачамъ. Вмѣсто свободныхъ классовъ состоятельныхъ людей, людей средняго достатка и людей малоимущихъ, бѣдныхъ,—появляются болѣе или менѣе замкнутыя сословія, съ наслѣдственной передачей правъ и обязанностей чле-

новъ. Эти сословія осуществляютъ отдѣльныя задачи государственной жизни: военную защиту, занятія наукой и служеніе Богу, занятія промыслами и торговлей, и, наконецъ, занятіе земледѣліемъ. Ко времени образованія и укрѣпленія сословій относится и постепенное расширеніе объема государствъ.

И въ эпоху образованія сословнаго строя сохраняется монархія, хотя бокъ-о-бокъ съ ней появляется уже и республика. Сословная монархія, заступающая мѣсто древней вѣчевой монархіи, представляетъ слѣдующія отличительныя черты.

Власть монарха ограничена не волею народа, выраженной на вѣчевыхъ собраніяхъ всѣхъ зрѣлыхъ членовъ народа, а прочно организованными и сплоченными группами его, сословіями. Непосредственнаго собранія всѣхъ членовъ сословій больше нѣтъ и быть не можетъ, ибо государство болѣе крупно и народъ многочисленнѣе. Вѣчевое собраніе замѣняется сословнымъ сеймомъ, распадающимся на нѣсколько чиновъ. Въ большинствѣ государствъ было 3 чина, представленныхъ на сеймѣ: дворянство, духовенство, горожане, но были государства, гдѣ къ этимъ высшимъ и среднимъ чинамъ присоединялся и 4-й — свободное крестьянство (Швеція и Норвегія). Сословный сеймъ былъ представителемъ не правъ и интересовъ всего государства, а правъ и интересовъ сословныхъ. Каждое сословіе представляло свои интересы за себя порознь. Когда требовалось содѣйствіе всѣхъ сословій для осуществленія какой-либо государственной мѣры, то требовалось согласное постановленіе

всѣхъ земскихъ чиновъ, всѣхъ сословій. Представителемъ государственныхъ интересовъ и правъ былъ монархъ, власть котораго потому и ограничивалась, чтобы интересы сословій не терпѣли ущерба. Роль монарха, какъ представителя общегосударственныхъ интересовъ, не была ясна потому, что монархъ былъ членомъ одного изъ владѣльческихъ семействъ, которыя въ эпоху распаденія древнихъ національныхъ вѣчевыхъ монархій, присвоили себѣ право властвованія въ своихъ владѣніяхъ и смотрѣли на эту захваченную долю государственной власти, какъ на свое частное право, а на претензію монарха на поддержку въ интересахъ государственныхъ, какъ на домогательство въ интересахъ династическихъ. Эта частноправовая точка зрѣнія не чужда была и монархамъ, которые весьма часто отождествляли интересы своей семьи съ интересами государства или превращали государство въ слугу интересамъ высшаго землевладѣльческаго сословія, изъ котораго они вышли.

Все правленіе государствомъ сводилось къ торгу о томъ, что каждое сословіе должно было уступить въ пользу государства. Монархъ имѣлъ въ виду расширить свою власть ради возвеличенія своей династіи, а каждое сословіе—сохранить свои вольности и права и пожертвовать какъ можно менѣе на общія цѣли. Земскіе чины ограничивали власть монарха, такъ сказать, каждый съ своей особой стороны, сообразно тому тяглу, какое несло отдѣльное сословіе. На дворянствѣ землевладѣльческомъ лежало тягло служебное, на духовенствѣ—обязан-

ность молиться за монарха, на горожанахъ, т. н. третьемъ сословіи, лежало тягло давать матеріальныя средства, а на крестьянахъ (гдѣ они не сохранили свою свободу) повинность содержать землевладѣльцевъ-дворянъ и духовенство.

Размѣръ власти, предоставленной монарху, устанавливался особыми договорами. Понятія о подчиненіи власти въ интересахъ общихъ не существовало, сознанія о единствѣ государства и народа не было. Сословная монархія въ своемъ послѣдовательномъ развитіи грозила полнымъ распаденіемъ государства.

Орудіемъ спасенія отъ раздробленія государства на мелкіе безсильные кусочки, отъ безправія, или отъ кулачнаго права, отъ безнаказаннаго угнетенія слабыхъ сильными, — была монархическая власть, которая въ лицѣ энергичныхъ, дальновидныхъ государей вступила въ борьбу съ сословіями. Къ концу XV ст., послѣ долгихъ усилій, государямъ удалось побѣдить и унизить феодальное дворянство, при помощи образованнаго ими постояннаго войска, городскихъ общинъ, которыя страдали отъ рыцарской вольности, и легистовъ, воспитанныхъ на воззрѣніяхъ римскаго права о полнотѣ и величіи власти государственной. Но и послѣ побѣды надъ средневѣковыми порядками власть монархическая стала не сразу неограниченной. Пережитки старины, различныя сословныя привилегіи сохраняли еще долго свою силу, и лишь въ XVII, а въ нѣкоторыхъ государствахъ въ XVIII ст. установилась монархія неограниченная.

Образованіе абсолютной, или неограниченной монархіи было исторической необходимостью. Цѣлый рядъ условій содѣйствовалъ появленію этой формы правленія.

Въ эпоху сословной монархіи высшее сословіе, дворянское, подчиняло себѣ крестьянство, нѣкогда свободное, да и многіе города стояли въ зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Продолжительныя опустошительныя войны и возстанія крестьянскія уничтожили остатки личной и имущественной свободы низшаго класса, уничтожили и экономическое его благосостояніе; все это, конечно, отразилось гибельно на благосостояніи городовъ, на ихъ промышленности и торговлѣ. Религіозная война во Франціи и Германіи XVI и XVII столѣтій, крестьянскія возмущенія въ Германіи и Австріи въ XVI столѣтіи повлекли за собою экономическій упадокъ, промышленный застой и вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіе умственнаго и нравственнаго уровня какъ народныхъ массъ, такъ и высшихъ слоевъ населенія. Истощенные, усталые, не довѣряющіе другъ другу люди новой эры не надѣялись болѣе на свою собственную силу, не уповали на самопомощь и самодѣятельность, а охотно подчинились сильной власти, которая въ состояніи была охранять интересы слабыхъ отъ притѣсненій тѣхъ сравнительно немногихъ, которымъ время смутъ и кровопролитій принесло богатые плоды. Низшіе классы въ городахъ, мелкое дворянство и духовенство всѣхъ родовъ сдѣлались оплотомъ усиливающейся монархической власти. Окрѣпшая власть монаршая поль-

зовалась поддержкою этихъ угнетенныхъ, чтобы осуществить требованія справедливости и гуманности, какъ они тогда понимались, чтобы получить контингентъ преданныхъ слугъ въ войскѣ и въ гражданскомъ управленіи. чтобы создать постоянное дисциплинированное войско, и путемъ охраны интересовъ торговопромышленнаго населенія улучшить его экономическое положеніе, ибо промысловый и торговый трудъ почитались лучшимъ источникомъ финансовыхъ средствъ. Монархи, администраторы новой эры, приступили также къ улучшенію быта крѣпостного крестьянскаго населенія, запрещая произвольное изгнаніе крестьянъ изъ ихъ надѣловъ или ограничивая помѣщичью власть установленіемъ нормъ для барщины.

Но монархи новаго времени не отстранили сразу представителей сословій отъ участія въ законодательствѣ и управленіи. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ усиливающаяся монархическая власть почти вездѣ дѣйствуетъ при участіи земскихъ чиновъ, но поневолѣ отказывается отъ ихъ участія, потому что земскіе чины, погрязшіе въ узкосословный эгоизмъ, вездѣ доказываютъ свою неспособность къ дѣйствію въ общихъ государственныхъ интересахъ.

Нельзя отрицать, что неограниченная монархическая власть въ нѣкоторыхъ случаяхъ приняла уродливыя формы, что монархъ забывалъ, что онъ существуетъ для государства, а не государство для него, что онъ смотрѣлъ на подданныхъ, какъ на безправныхъ рабовъ, обязанныхъ служить прихотямъ

его и его придворнымъ любимцамъ. Исторія почти всѣхъ государствъ даетъ примѣры такого вырожденія монархіи въ деспотію, погруженія всевластныхъ монарховъ и ихъ дворовъ въ омутъ распутства, мотовства, безнравственности, примѣры монарховъ, которые не щадили ни крови, ни заработка подданныхъ. Извѣстны: безнравственный дворъ Людовика XV, продажа солдатъ и гражданъ нѣмецкими владѣтельными князьями въ Англію для веденія войны съ американскими колоніями, жестокая религіозная нетерпимость испанскихъ королей, установившихъ страшную инквизицію. Всѣ эти страшныя злоупотребленія запечены несмываемыми буквами въ лѣтопись исторіи. Но злоупотребленія возможны и были вездѣ, въ республикахъ не менѣе, чѣмъ въ монархіяхъ.

Конецъ XVIII столѣтія доказалъ, что народоправство, республика, можетъ въ отношеніи жестокаго произвола превзойти злѣйшаго деспота. Французскій конвентъ былъ такимъ же кровожаднымъ деспотомъ, каковымъ былъ Иванъ Грозный въ эпоху опричнины.

Но исторія подаетъ не меньшее количество примѣровъ неограниченныхъ монарховъ, которые были самоотверженными слугами своего государства и благодѣтелями народа. Генрихъ IV французскій, Іосифъ I португальскій, прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I, Фридрихъ Великій, шведскій король Карлъ XI, австрійскіе Марія-Терезія и Іосифъ II, цѣлый рядъ мелкихъ нѣмецкихъ государей, у насъ въ Россіи Петръ I, Екатерина II, Александръ I.

Александръ II сдѣлали для своихъ народовъ больше, нежели дюжина парламентовъ.

Но можно поставить вопросъ: не были ли всѣ эти заботы неограниченныхъ монарховъ, вся ихъ славная дѣятельность, основанная на принципѣ: „все для народа, но все безъ его участія", — лишь случайнымъ счастьемъ, произволомъ, который сегодня могъ обратиться въ зло, завтра въ благо, смотря по характеру монарха?

Не стояло ли благодѣтельствіе опекаемаго народа на зыбкой почвѣ безправія, не дѣйствовала ли власть монарховъ и ихъ слугъ внѣ всякихъ рамокъ права, не отсутствовали ли твердые законы, которые бы каждому указывали предѣлы его правъ и размѣры его обязанностей?

На это можно отвѣтить, что за несомнѣнными исключеніями неограниченная монархія была монархіей правомѣрной и закономѣрной. Во-первыхъ, всѣ эти неограниченныя монархіи существовали не со вчерашняго дня, а ихъ прошлое создало извѣстную сумму твердо укоренившихся въ народѣ правовыхъ воззрѣній, обычаевъ, правовъ, которые связывали собой и монарха, хотя часто для него и незамѣтно. Затѣмъ не было случая, чтобы неограниченные монархи управляли безъ всякихъ законовъ. Правда, законы въ неограниченной монархіи создавались односторонней волей монарха, но онъ самъ признавалъ ихъ, подчинялся имъ, пока они не были надлежащимъ порядкомъ отмѣнены, и требовалъ отъ всякихъ учрежденій, дѣйствующихъ по его полномочію, чтобы они подчинялись

силѣ законовъ. При этомъ, благодаря дѣятельности монарховъ, нѣкогда простыя, несложныя учрежденія суда и управленія, по мѣрѣ роста государства и осложненія задачъ его, вылились въ стройную систему органовъ, имѣющихъ каждый свою компетенцію. И разъ предѣлы и кругъ вѣдомства этихъ учрежденій были точно установлены, ихъ взаимное соотношеніе строго опредѣлено, и на нихъ возложена обязанность дѣйствовать не иначе, какъ на основаніи общихъ законовъ, издаваемыхъ монархомъ, все это составляло весьма существенную гарантію закономѣрности. Тамъ, гдѣ монархамъ удалось укоренить въ самомъ народѣ уваженіе къ закону, гдѣ народъ самъ, въ особенности его высшіе классы, его интеллигентная часть, развилъ въ себѣ строгія понятія о нравственномъ долгѣ законопослушанія, тамъ и органы правительства, даже при отсутствіи строгаго контроля гласности, проникались закономѣрностью, ибо всѣ служащіе приносили съ собой способность самообладанія и привычку уважать законъ. Дисциплинированный народъ всегда цѣнитъ закономѣрное управленіе. Тамъ же, гдѣ изъ среды народа выросло „общество“, т.-е. интеллигентные классы, проникнутое дряблостью, сантиментальнымъ отношеніемъ ко всякому беззаконію, легкомыслію, преступнымъ дѣйствіямъ, — тамъ, естественно, всѣ эти слабости отражались и на правительствѣ. Единственнымъ спасеніемъ въ такихъ случаяхъ бывала желѣзная, безпощадная рука монарха.

Противники неограниченной монархіи указываютъ

на то, что въ ней не можетъ существовать серьезнаго контроля за органами администраціи. Неограниченная монархія не терпитъ гласности; печать въ ней не свободна и не можетъ быть свободной, ибо критика управленія государственнаго обращается фактически въ критику монарха и его дѣйствій; все управленіе лежитъ въ рукахъ назначенныхъ чиновниковъ, пользующихся довѣріемъ монарха и его ближайшихъ сотрудниковъ, но не довѣріемъ народа. Не можетъ существовать живого, свободнаго въ рамкахъ закона самоуправленія. Въ особенности недостаетъ общественнаго контроля за государственнымъ хозяйствомъ, благодаря чему всегда грозитъ опасность безполезной или своекорыстной траты государственныхъ денегъ вліятельными сановниками. Государственныя должности замѣщаются не сообразно съ достоинствомъ, способностями и знаніями, а въ зависимости отъ протекціи и т. д.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что всѣ эти недостатки и злоупотребленія могутъ существовать въ неограниченной монархіи и дѣйствительно существовали, но ихъ существованіе не необходимая принадлежность неограниченной монархіи. Въ Пруссіи, напр., по свидѣтельству князя Бисмарка, самоуправленіе общинъ и округовъ въ эпоху абсолютизма было болѣе самостоятельно, нежели въ наше время; честность и неподкупность и хорошій составъ прусскаго чиновничества въ эпоху неограниченной монархіи были общеизвѣстны. Если же сравнить съ неограниченной до 1848 г. прусской монархіей французскую республику, то нужно при-

знать, что она менѣе терпима къ мѣстному самоуправленію, нежели абсолютизмъ, а казнокрадство, безсовѣстное хозяйничанье государственными финансами, подкупность должностныхъ лицъ во Франціи, Италіи, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки ничуть не уступаетъ тому, что имѣло мѣсто въ различныхъ абсолютныхъ монархіяхъ. Партіи, господствующія въ парламентахъ, менѣе добросовѣстно относятся къ казенному добру, нежели монархъ. Что касается, наконецъ, печати и ея свободы, то ея дѣятельность не доказала еще, что она дѣйствительно безпристрастна въ дѣлѣ раскрытія истины. Зло, причиненное свободой печати, не уступаетъ той пользѣ, которую она приноситъ.

О конституціонной монархіи.

Выше было указано, что большинство современныхъ государствъ — конституціонныя монархіи.

Конституціонная монархія одна изъ формъ монархіи ограниченной. Я уже говорилъ про то, что и такъ наз. абсолютная или неограниченная монархія не имѣетъ безусловно неограниченной власти, что даже власть восточныхъ деспотовъ ограничена если не писанными законами, то религіозными вѣрованіями, народными обычаями и народными нравами. Безграничнаго деспотизма человѣческая природа не выноситъ. Онъ доводитъ рано ли, поздно

ли къ катастрофамъ. Человѣкъ—существо общежительное, и, какъ таковое, онъ нуждается въ упорядоченной общественной жизни, въ законахъ постоянныхъ, связывающихъ волю всѣхъ членовъ государственнаго союза и устанавливающихъ русло, по которому течетъ общественная жизнь. И „неограниченная“ монархія, какъ уже указано, принадлежитъ къ правомѣрнымъ формамъ государственнаго устройства, и въ ней взаимоотношенія гражданъ между собою и взаимоотношенія гражданъ и органовъ власти опредѣлены постоянными законами. Въ ст. 47 основныхъ законовъ Россійской Имперіи изд. 1896 г. сказано: „Имперія Всероссійская управляется на твердомъ основаніи законовъ, уставовъ и учрежденій, отъ самодержавной власти исходящихъ“. Таково же было основное начало, на которомъ построена была абсолютная монархія въ Пруссіи, Швеціи, Даніи. Только одинъ монархъ, какъ источникъ всѣхъ законовъ, стоялъ выше законовъ и не былъ ими связанъ. „Rex legibus solutus est“ („Король освобожденъ отъ обязанности повиноваться законамъ“). Но монархи, сознававшіе всю важность твердаго законнаго порядка, никогда (или только въ рѣдкихъ случаяхъ) не пользовались своимъ положеніемъ внѣ законовъ и выше законовъ. Они по собственной волѣ дѣйствовали въ рамкахъ закона.

Гдѣ монархи не были примѣрами законопослушанія, тамъ вся государственная жизнь приходила въ безпорядокъ и въ полный хаосъ. Примѣръ: Византійская монархія, на которую ссылался всегда

Петръ Великій, если онъ хотѣлъ иллюстрировать вредъ беззаконія наверху и внизу, и Французская монархія Людовика XV, приведшая къ страшной революцію 1789—1794 г. Исторія доказала, что власть государственная, не опирающаяся на законъ и не держащаяся въ рамкахъ закона, всегда слаба и неустойчива. Извѣстный русскій государственный дѣятель начала XIX ст. Сперанскій, въ запискѣ „О силѣ правительства", поданной Императору Александру I въ 1811 г., говорилъ: „Первый источникъ силы правительства суть законы. Если они такъ устроены, что оставляютъ правительству довольно власти, чтобы дѣйствовать всегда во благо, а въ случаѣ нужды принимать даже скорыя и сильныя мѣры, то правительство будетъ имѣть въ законахъ истинную силу. *Но власть должно различать отъ самовластія.* Власть даетъ силу правительству, а самовластіе ее разрушаетъ, ибо самовластіе даже и тогда, когда оно поступаетъ справедливо, имѣетъ видъ притѣсненія и, слѣдовательно, дѣйствуетъ безъ довѣрія и всегда принудительно. Изъ сего слѣдуетъ, что правильное законодательство дастъ болѣе истинной силы правительству, нежели неограниченное самовластіе. Въ Англіи законъ даетъ правительству власть, и потому оно можетъ быть тамъ сильно, въ Турціи законъ даетъ правительству самовластіе, а потому оно тамъ всегда должно быть слабо. *Извѣстно, что въ Россіи власть правительства закономъ не ограничена, а потому истинная сила правительства въ семъ отношеніи всегда весьма*

слаба и пребудетъ таковой, доколѣ законъ не установитъ и въ истинныхъ ея отношеніяхъ“... Это было сказано въ эпоху реформъ, имѣвшихъ въ виду установить въ Россіи монархическую власть на правомѣрныхъ основахъ.

Но если въ абсолютной монархіи государственная власть также не неограниченна, то въ чемъ же состоятъ отличительные признаки монархіи ограниченной, конституціонной?

Часто говорятъ, что первый отличительный признакъ конституціонной монархіи — *наличность основныхъ законовъ*. Это не вполнѣ точно. И въ неограниченныхъ монархіяхъ имѣются *основные законы*, т.-е. законы, которые опредѣляютъ сущность данной верховной государственной власти, ея права и преимущества, основныя условія законодательства, управленія, суда, порядокъ престолонаслѣдія. Бываютъ также случаи, что неограниченный монархъ дастъ обязательство хранить въ неприкосновенности тотъ или другой основной законъ; напр., законъ о престолонаслѣдіи, или законъ, въ силу котораго монархъ долженъ исповѣдывать опредѣленную вѣру. Такъ, напр., русскій неограниченный монархъ долженъ былъ быть православнымъ; шведскій король и въ эпоху абсолютизма не могъ принадлежать ни къ какой иной вѣрѣ, кромѣ лютеранской. Даже въ Турціи существуетъ, т. сказать. основной законъ, въ силу котораго для султана обязательна магометанская религія.

Слѣдовательно, нельзя сказать, что наличность основныхъ законовъ, въ которыхъ опредѣляется

организація и функціи верховной власти, есть признакъ конституціонной монархіи Конечно, большинство конституціонныхъ монархій имѣетъ такіе основные законы, и даже хартію, въ которой всѣ эти основныя правовыя нормы сведены въ одно цѣлое и которая называется „конституціей“. Но древнѣйшее изъ всѣхъ конституціонныхъ государствъ — Англія. не имѣетъ писанной конституціи. Права верховной власти и функціи ея опредѣляются въ Англіи не столько писанными законами. сколько обычнымъ правомъ. Долгое время даже слово „конституція“ не было въ употребленіи въ Англіи.

1) Первый характерный признакъ конституціонной монархіи заключается въ томъ, что разъ основные законы или конституція установлены, хотя бы свободнымъ рѣшеніемъ самого монарха,—они не могутъ быть отмѣнены или измѣнены единоличнымъ дѣйствіемъ монарха. а только тѣмъ путемъ, который указанъ въ основныхъ законахъ. Это общее правило. Но государственная жизнь столь разнообразна и сложна, что нельзя ее разъ навсегда связать непарушимымъ общимъ правиломъ. Могутъ наступать такія обстоятельства, при которыхъ точное соблюденіе буквы конституціи невозможно и становится вреднымъ и опаснымъ для самаго государства. Монархъ, давшій конституцію или обѣщавшій ее соблюдать, можетъ быть поставленъ въ необходимость припести свое слово въ жертву ради предотвращенія грозящихъ государству потрясеній. Не государство существуетъ для конституціи, а конституція для государства. Если, напр., законъ,

опредѣляющій организацію народнаго представительства, оказывается ошибочно составленнымъ, если благодаря ему народное представительство не оказывается дѣйствительно представителемъ народныхъ интересовъ, выразителемъ желаній народа, а игрушкой въ рукахъ политическихъ партій, которыя стремятся навязать свою волю и идеи государству, то монарху, стоящему выше всѣхъ партій, ничего не остается, какъ повторить уже разъ совершенное, вновь взять въ свои руки учредительную власть и измѣнить основные законы сообразно съ государственными потребностями. Такъ, напр., прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV въ 1848 г. далъ подъ давленіемъ революціоннаго движенія въ большихъ прусскихъ городахъ своей властью конституцію и избирательный законъ. Но когда два раза подъ-рядъ большинство въ прусскомъ парламентѣ (національномъ собраніи) повело трудъ законодательства въ такомъ направленіи, которое грозило перевернуть всю Пруссію верхъ дномъ, когда радикальная партія, имѣвшая въ своихъ рукахъ большинство голосовъ, всячески старалась продолжать революціонное движеніе, несмотря на то, что народъ страстно желалъ мира и порядка и отнюдь не желалъ ослабленія исторической королевской власти,— король распустилъ національное собраніе и своей властью далъ новый избирательный законъ, благодаря которому революціонные элементы остались внѣ парламента.

Едва ли существуетъ государство, въ которомъ верховная власть, монархъ въ монархіяхъ, народ-

ное представительство въ республикахъ, не прибѣгала къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ.

По общее правило, несомнѣнно, то, что власть измѣнить все государственное устройство или часть его, т. е. власть *учредительная*, въ конституціонной монархіи принадлежитъ не монарху единолично, а монарху и народному представительству. Конституціонная хартія или основные законы всегда устанавливаютъ на этотъ счетъ особый порядокъ, соотвѣтствующій важности случая.

2) Второй признакъ конституціонной монархіи слѣдующій: верховная государственная власть не по имени и формѣ только, но и по существу принадлежитъ монарху. Противъ воли монарха ничего не можетъ дѣйствовать и совершаться. Принципіально: безъ его согласія ни одинъ органъ не можетъ дѣйствовать. Но законодательство осуществляется не иначе, какъ при участіи избраннаго народомъ народнаго представительства, которое представляетъ не то или иное сословіе порознь, а весь народъ. Этимъ отличается конституціонная монархія отъ сословной.

И наложеніе какихъ-либо повинностей или налоговъ на народъ въ конституціонной монархіи совершается не иначе, какъ при участіи народнаго представительства. Монархъ оставляетъ за собой право назначать единоличной властью налоги лишь въ случаяхъ чрезвычайныхъ: напр., во время войны. То же самое правило дѣйствуетъ и въ отношеніи заключенія государственныхъ займовъ.

Въ связи съ правомъ участія народнаго пред-

ставительства въ установленіи налоговъ, повинностей и заключеніи государственныхъ займовъ, стоитъ право народнаго представительства участвовать въ установленіи бюджета. Бюджетъ или роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ — есть планъ государственнаго хозяйства, составленный на опредѣленный промежутокъ времени (обыкновенно на 1 годъ). Безъ согласія народнаго представительства въ конституціонныхъ монархіяхъ роспись не подлежитъ утвержденію, а остается въ силѣ прежняя роспись, или же по распоряженію монарха открываются временные кредиты для веденія государственнаго управленія.

Неоднократно и въ литературѣ, и въ различныхъ партійныхъ программахъ высказывалось мнѣніе, что народному представительству должно быть предоставлено право утверждать или не утверждать всю государственную роспись во всѣхъ ея частяхъ, и что разъ роспись народнымъ представительствомъ не утверждена, правительство не имѣетъ права ни производить расходовъ, ни собирать доходовъ. Все государственное хозяйство должно остановиться и можетъ быть пущено въ ходъ только тогда, если удастся прійти къ соглашенію съ парламентомъ (народнымъ представительствомъ).

Съ такимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Прежде всего, это требованіе идетъ въ разрѣзъ съ основными началами конституціонной монархіи, что верховная власть въ рукахъ монарха и что ничего не можетъ быть совершено народными представителями противъ его воли. Признаніе за народнымъ пред-

ставительствомъ такого широкаго бюджетнаго права, какое указано выше. — привело бы къ подчиненію монарха народному представительству Пришлось бы ради установленія равновѣсія признать за монархомъ право по своему усмотрѣнію приказывать или запрещать вносить государственную роспись на обсужденіе народнаго представительства. Это значило бы предоставить и монарху и народному представительству право присуждать всю государственную жизнь къ застою. Между тѣмъ, не государство существуетъ ради монарха или ради народнаго представительства, а наоборотъ, и монархъ и парламентъ существуютъ ради государства. Такого рода постановленія о пріостановкѣ всего государственнаго хозяйства были бы постановленіями революціонными, и законъ ихъ допустить или признать не можетъ, ибо законъ и революціонное дѣйствіе другъ друга исключаютъ. Извѣстная часть государственной росписи является впредь до времени непреложной и обязательной, какъ для монарха, такъ и для народнаго представительства, ибо она основана на законахъ, ранѣе изданныхъ и дѣйствующихъ впредь до ихъ отмѣны. Всѣ государственныя учрежденія и различнаго рода установленія для благоустройства и безопасности государства и гражданъ основаны на законахъ, и расходы государственныхъ средствъ на ихъ поддержаніе также опираются на законы. Различнаго рода налоги, пошлины, т. н. „регаліи“ и т. д. также введены и устаповлены въ силу законовъ, а не на основаніи росписи. Всѣ такого рода рас-

ходы и доходы не зависятъ отъ росписи, а вносятся въ нее только въ цифровомъ выраженіи. Наконецъ, на государствѣ лежитъ цѣлый рядъ обязанностей, которыя должны быть исполнены и не могутъ быть неисполнены, не нарушая достоинства и чести государства. Напр., платежи по государственнымъ долгамъ, уплата пенсій, платежи за различнаго рода поставки и подряды. Такимъ образомъ значительная часть государственныхъ расходовъ, а потому и собираніе доходовъ, ихъ покрывающихъ,—обязательны для государства и государственной власти. Неисполненіе этой обязанности лишило бы государство всякаго довѣрія и внѣ и внутри, о государственномъ кредитѣ рѣчи бы не было.

Сторонники широкаго бюджетнаго права народнаго представительства требуютъ, чтобы всѣ законы о налогахъ, пошлинахъ и т. д. дѣйствовали лишь на одинъ годъ, и всегда снова утверждались при вотированіи росписи. Исполненіе этого требованія сдѣлало бы государственную жизнь неустойчивой. Дѣло въ томъ, что государственное хозяйство есть часть народнаго хозяйства: государство и его финансовыя операціи суть одинъ изъ вліятельнѣйшихъ факторовъ народнаго хозяйства, и если дѣятельность этого фактора не будетъ держаться въ болѣе или менѣе устойчивыхъ и постоянныхъ рамкахъ, все народное хозяйство станетъ колеблющимся.

Сознавая всю неизмѣримую важность твердости и постоянства государственнаго хозяйства, боль-

ництво конституціонныхъ монархій не признаетъ за народнымъ представительствомъ права по своему усмотрѣнію утверждать или не утверждать *всю* государственную роспись. Большинство статей по расходу и по доходу не иначе можетъ быть отмѣнено или измѣнено, какъ послѣ отмѣны или измѣненія законовъ, на которые онѣ опираются. Неутверждепію или утверждепію въ порядкѣ смѣтномъ, т.-е. при разсмотрѣніи росписи, подлежатъ только тѣ расходы, которые вновь вводятся въ роспись на потребности, не безусловно вызываемыя дѣйствующими законами, а назрѣвшія по мнѣнію правительства, напр., на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, на устройство новыхъ учебныхъ заведеній, на увеличеніе войска, флота, на предложенные новые органы управленія и т. п.

Англія государство парламентарное, т.-е. въ ней парламентъ имѣетъ первенствующее значеніе и правительство не иное что, какъ исполнительный комитетъ парламентскаго большинства. Но и тамъ парламентъ не вотируетъ весь бюджетъ. Вся государственная роспись (бюджетъ) дѣлится на двѣ части: консолидированную часть, которая не утверждается ежегодно снова, и текущую часть, которая подлежитъ ежегодному утвержденію и можетъ быть и не утверждена.

И у насъ, какъ мы увидимъ ниже, новыя смѣтныя правила зачислили большинство государственныхъ расходовъ въ категорію постоянныхъ (консолидированныхъ), не подлежащихъ ежегодному утвержденію. Сторонники радикальныхъ преобразо-

ваній всего русскаго государственнаго строя назвали эти неизмѣнныя статьи расходной смѣты „бронированными кредитами“, горячо сѣтуя на ограниченіе бюджетнаго права русскаго народнаго представительства. Но верховная государственная власть знала, что дѣлала. При радикальномъ, почти революціонномъ настроеніи первыхъ русскихъ думъ, широкое бюджетное право народнаго представительства привело бы къ внезапнымъ измѣненіямъ всего строя государственныхъ доходовъ и расходовъ, что не могло бы благодѣтельно подѣйствовать и на все народное хозяйство. Въ будущемъ, вѣроятно, правомочія народнаго представительства будутъ расширены.

Правильность и твердость государственнаго хозяйства требуютъ, чтобы казенныя суммы, ассигнованныя на опредѣленныя надобности, не затрачивались противно своему назначенію. А поэтому въ конституціонныхъ государствахъ органы правительства не имѣютъ права по своему усмотрѣнію измѣнять назначеніе ассигнованныхъ суммъ, или, какъ выражаются: переводить кредиты изъ статьи въ статьи, или изъ главы въ главу. Разъ принятая народнымъ представительствомъ и утвержденная монархомъ смѣта есть законъ ненарушимый для правительства, и народное представительство имѣетъ право вести контроль за его исполненіемъ. Впрочемъ, это правило о неизмѣнности бюджетныхъ назначеній дѣйствуетъ и въ правомѣрныхъ абсолютныхъ (неограниченныхъ) монархіяхъ; оно дѣйствовало и у насъ съ 1862—1906 г., т.-е. съ мо-

мента установленія такъ назыв. единства кассы. Но въ абсолютной монархіи контроль лежитъ въ рукахъ правительственнаго учрежденія, является какъ бы контролемъ домашнимъ, внутреннимъ, а въ конституціонныхъ государствахъ главнымъ органомъ контроля является народное представительство.

Во всѣхъ почти конституціонныхъ государствахъ, въ которыхъ народное представительство состоитъ изъ двухъ палатъ (однопалатная система существуетъ только какъ исключеніе). нижняя палата, состоящая изъ членовъ непосредственно избранныхъ всѣмъ народомъ, при рѣшеніи финансовыхъ вопросовъ имѣетъ преимущество передъ верхней палатой, состоящей обыкновенно изъ представителей высшихъ классовъ, занимающихъ свои мѣста далеко не всегда по избранію, а во многихъ случаяхъ по назначенію монархомъ. Такой порядокъ считается нормальнымъ, и въ его оправданіе приводятъ то соображеніе, что нижняя палата, состоящая изъ представителей всѣхъ классовъ населенія, имущихъ и неимущихъ, будетъ относиться безпристрастнѣе и справедливѣе къ вопросу о пользованіи матеріальными средствами народа на покрытіе государственныхъ потребностей, нежели верхняя палата, которая де недостаточно энергично будетъ защищать интересы большинства, состоящаго вездѣ изъ менѣе обезпеченныхъ. Поэтому при обсужденіи финансовыхъ дѣлъ (напр., назначеніи новыхъ налоговъ, пошлинъ, при назначеніи новыхъ расходовъ) рѣшающее значеніе должно имѣть постановленіе нижней палаты.

Это мнѣніе предразсудокъ, ибо и въ государствахъ съ широкимъ избирательнымъ правомъ въ нижнюю палату далеко не всегда по преимуществу попадаютъ дѣйствительные знатоки нуждъ народной массы и еще менѣе гарантій имѣется, что будутъ избраны достаточно знающіе и просвѣщенные люди. Уровень образованія членовъ въ верхней палатѣ обыкновенно выше и пониманіе народныхъ нуждъ здѣсь далеко не менѣе налицо, нежели въ средѣ членовъ нижней палаты. Опытъ исторіи доказалъ, что даже въ демократіяхъ народные представители, избранные даже при всеобщей и равной подачѣ голосовъ, не всегда стоятъ за бережливое и справедливое пользованіе народными средствами. Парламентская жизнь Франціи и Италіи, напр., доказала это воочію. Французская податная система одна изъ самыхъ тяжелыхъ для низшихъ классовъ, а между тѣмъ Франція даже республика. Расточеніе народныхъ средствъ и воровство казенныхъ суммъ въ Италіи не прекращаются, а тамъ нижняя палата въ своихъ рукахъ сосредоточила почти все бюджетное право.

3) Отличительнымъ признакомъ конституціонной монархіи является и право надзора за государственнымъ управленіемъ, предоставленное народному представительству и осуществляемое имъ въ извѣстныхъ формахъ.

Въ абсолютной монархіи за высшими органами управленія наблюдаетъ лично монархъ, передъ которымъ они непосредственно отвѣтственны. Существовали въ абсолютныхъ монархіяхъ и особыя

надзирающія за управленіемъ учрежденія, которымъ въ порядкѣ надзора были подчинены даже высшіе чины администраціи. Таковымъ органомъ надзора за всѣмъ управленіемъ былъ въ Россіи съ начала XVIII ст. Правительствующій Сенатъ, которому, какъ по идеѣ Петра В., такъ и по мысли Александра I, высшіе коллегіальные органы и всѣ начальники отдѣльныхъ отраслей управленія обязаны были отчетомъ. (А въ началѣ XVII ст. при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ существовало особое учрежденіе такого же рода: „Приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ“). Однако такого рода надзоръ, какъ показалъ опытъ исторіи, не имѣлъ существеннаго значенія. Такъ какъ главы администраціи несравненно ближе къ монарху, нежели члены контролирующей и надзирающей инстанціи, то имъ всегда возможно было оправдаться спеціальнымъ повелѣніемъ монарха. А, затѣмъ, высшія учрежденія въ абсолютной монархіи состоятъ изъ людей одного и того же общественнаго положенія и ранга, связанныхъ между собой общностью воззрѣній, обычаевъ, правовъ и потому неспособныхъ объективно отнестись къ дѣйствіямъ своихъ односословныхъ сослуживцевъ. Кромѣ того, про что будетъ сейчасъ рѣчь, въ абсолютной монархіи нѣтъ строгаго различія между закономъ и административнымъ распоряженіемъ, и не можетъ поэтому развиться строгое понятіе о закономѣрности повиновенія. Оно заслоняется понятіемъ о бюрократической дисциплинѣ.

Поэтому дѣйствительный надзоръ надъ администраціей осуществимъ только тамъ, гдѣ за ея дѣя-

тельностью наблюдаетъ вполнѣ независимая отъ нея коллегія, которая имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительное вліяніе на законодательство и которая не связана съ высшими чинами управленія общностью классовыхъ интересовъ и служебныхъ понятій. Такой коллегіей и является народное представительство. Нужно еще имѣть въ виду, что члены народнаго представительства стоятъ въ сношеніяхъ со своими избирателями на мѣстахъ, имѣютъ возможность узнавать изъ первоисточника о закононарушеніяхъ и злоупотребленіяхъ членовъ администраціи и заговорить о нихъ публично, а не въ тайнѣ канцелярской.

Въ парламентарныхъ монархіяхъ надзоръ народнаго представительства за управленіемъ не можетъ быть столь дѣйствительнымъ и безпристрастнымъ, ибо тамъ власть администраціи (посты министровъ) въ рукахъ парламентскаго большинства, связана съ нимъ общностью партійныхъ интересовъ и взглядовъ, и потому о безпристрастности наблюденій своихъ за своими рѣчи быть не можетъ.

Надзоръ народнаго представительства за управленіемъ осуществляется въ формѣ запросовъ министрамъ о тѣхъ или иныхъ ихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, или о дѣйствіяхъ ихъ подчиненныхъ. Эти запросы, если они дѣлаются добросовѣстно, не ради партійныхъ интригъ, могутъ имѣть весьма благодѣтельное вліяніе на ходъ государственнаго управленія, ибо благодаря имъ какъ монархъ, такъ и министры имѣютъ возможность узнавать о многомъ, что осталось бы подъ спудомъ. А затѣмъ

правительство получаетъ возможность, отвѣчая на запросы, ознакомлять населеніе съ ходомъ и цѣлями внутренней политики. Министры обязаны отвѣчать на запросы, и народное представительство произносить затѣмъ свое сужденіе: или признаетъ, что правительство дѣйствовало закономѣрно и цѣлесообразно, или указываетъ на нецѣлесообразность того или другого правительственнаго дѣйствія, или наконецъ, если оказывается, что тотъ или другой органъ правительства нарушилъ законъ, обращается къ монарху съ представленіемъ о защитѣ закона противъ нарушителей. Отъ монарха зависитъ рѣшить судьбу тѣхъ государственныхъ слугъ, которые нанесли ущербъ интересамъ государства или позволили себѣ закононарушеніе и злоупотребленіе властью. Народное представительство не есть формальный судья надъ органами управленія. Оно критикъ ихъ дѣйствій и, какъ таковой оно судитъ о нихъ. Поэтому можемъ сказать, что хотя въ конституціонной монархіи чины администраціи отвѣтственны передъ монархомъ, который ихъ своей властью назначаетъ и увольняетъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ несутъ политическую отвѣтственность и передъ народнымъ представительствомъ.

Постановленія народнаго представительства по поводу объясненій и отвѣтовъ министровъ на запросы въ конституціонныхъ монархіяхъ отнюдь не связываютъ воли монарха.

Конечно, если народное представительство приведетъ вѣскія доказательства вины министра, справедливый монархъ никогда не откажетъ дать ходъ

правосудію, ибо ничто такъ не поддерживаетъ чувство закономѣрности въ народѣ, какъ сознаніе, что и высшіе чины не стоятъ надъ закономъ. Можно сказать, что сотня наказанныхъ мелкихъ преступниковъ не столько доказываетъ еще твердости правосудія въ государствѣ, сколько одинъ наказанный высокопоставленный преступникъ и законоослушникъ.

Иное дѣло заявленія народнаго представительства о нецѣлесообразности дѣйствій органовъ правительства. Здѣсь соображенія, приводимыя въ парламентѣ, далеко не всегда имѣютъ вѣское значеніе, несмотря даже на кажущуюся ихъ убѣдительность. Дѣло въ томъ, что политическая дальновидность скорѣе удѣлъ воспитанныхъ въ высшихъ сферахъ и долгою службой подготовленныхъ государственныхъ людей, нежели вышедшихъ изъ среды народа депутатовъ. Донынѣ еще не изобрѣтена избирательная система, которая гарантируетъ, что въ парламентъ попадутъ дѣйствительно самыя способныя и проницательныя личности. И всегда такъ было и впредь такъ будетъ, что кто высоко стоитъ, тотъ дальше видитъ, нежели тотъ, кто находится въ низинахъ.

Исторія даетъ рядъ примѣровъ, которые доказываютъ, что иногда монарху и его совѣтникамъ приходится долгіе годы вести и внѣшнюю и внутреннюю политику, идущую въ разрѣзъ съ воззрѣніями большинства въ парламентѣ, и держаться ея стойко въ интересахъ государства, парламентомъ невѣрно оцѣненныхъ.

Одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ примѣровъ— это политика короля Вильгельма I и его великаго

сподвижника Бисмарка, въ 1861—1866 гг. 5 лѣтъ они вели дѣло вопреки всѣмъ протестамъ и угрозамъ прусскаго парламента. Наконецъ, когда цѣль, объединеніе Германіи, была достигнута, самые горячіе противники должны были согласиться, что если бы монархъ поддался желанію народныхъ представителей, кромѣ бѣды и безславія ничего не вышло бы.

4) Перехожу къ слѣдующему отличительному признаку конституціонной монархіи.

Въ ней судъ творится отъ имени монарха, но какъ уголовный, такъ и гражданскій судъ независимы отъ него. За монархомъ сохраняется только право помилованія и амнистіи, т.-е. право освобождать отъ наказанія за доказанную на судѣ вину и право предавать преступное дѣяніе забвенію.

И въ неограниченныхъ монархіяхъ за судебными органами обезпечена извѣстная независимость и самостоятельность. И неограниченный монархъ не вмѣшивается въ судоговореніе, признаетъ установленныя закономъ процессуальныя формы и компетенцію судовъ различныхъ разрядовъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ монархъ вторгается въ область самостоятельной дѣятельности суда, прекращаетъ своей властью судебное разслѣдованіе того или другого дѣла, или назначаетъ особый судъ съ чрезвычайной властью и полномочіями.

Но въ конституціонной монархіи монархъ отказывается и отъ этой доли своей самостоятельной судебной власти. Законъ разъ навсегда предусматриваетъ случаи, когда обыкновенный и для всѣхъ рав-

ный судъ передается въ руки особыхъ, временныхъ судилищъ, какъ-то: въ руки военныхъ или военно-полевыхъ судовъ, или назначается особый верховный судъ для разслѣдованія преступленій, совершенныхъ высшими должностными лицами государства.

Конституціонное государство держится непреложнаго правила, что передъ судомъ всѣ равны, что никто не можетъ быть судимъ иначе, какъ законнымъ, постояннымъ, обыкновеннымъ судомъ и никто, несмотря на санъ, рожденіе, богатство, не можетъ быть освобожденъ отъ судебной отвѣтственности. Никакая власть, даже власть монарха не можетъ отступить отъ этого правила.

Послѣдовательное проведеніе этого начала требуетъ признанія, что и всѣ должностныя лица государства, независимо отъ служебнаго положенія, за всѣ дѣйствія, коими причиненъ ущербъ частнымъ лицамъ въ нарушеніе закона, будь это дѣйствія служебныя или неслужебныя, могутъ быть привлечены къ судебной отвѣтственности передъ обыкновеннымъ гражданскимъ или уголовнымъ судомъ, — по требованію пострадавшаго, безъ особаго на то разрѣшенія высшей власти или начальниковъ.

Гдѣ это правило не признано, тамъ государство неправомѣрно въ истинномъ смыслѣ слова.

5) Конституціонная монархія отличается отъ абсолютной и въ отношеніи положенія должностныхъ лицъ государства. Въ абсолютныхъ монархіяхъ должностныя лица въ сущности суть слуги государя, а не государства, и служебное положеніе ихъ вполнѣ въ его рукахъ или въ рукахъ тѣхъ, кого онъ надъ

ними поставилъ. И назначеніе, и перемѣщеніе, и увольненіе, все зависитъ отъ усмотрѣнія начальства, уполномоченнаго монархомъ. О какомъ-либо правѣ на должность, пріобрѣтенномъ законнымъ образомъ, рѣчи быть не можетъ. Такая фактическая безправность должностныхъ лицъ въ абсолютныхъ монархіяхъ не выступаетъ наружу вполнѣ отчетливо и ясно, потому что, какъ уже неоднократно было сказано, абсолютный монархъ въ дѣйствительности не вполнѣ неограниченъ, а ограниченъ и въ организаціи государственной службы или обычнымъ правомъ (напр., т. н. мѣстничество въ Московскомъ царствѣ), или изданными имъ же законами для упорядоченія служебныхъ отношеній Но наравнѣ съ законами, обезпечивающими положеніе служащихъ, въ абсолютныхъ монархіяхъ имѣются законы, парализующіе эту обезпеченность въ интересахъ полновластія монарха или его высшихъ слугъ. Такъ, напр., у насъ наравнѣ съ законами, предусматривающими порядокъ и условія увольненія чиновника и дающими ему извѣстныя гарантіи, что онъ безъ вины не потеряетъ своей должности, существовалъ т. н. 3-й пунктъ, дававшій начальнику возможность уволить подчиненнаго безъ объясненія причинъ и запрещавшій даже учрежденіямъ, поставленнымъ для наблюденія за законностью дѣйствій всѣхъ служащихъ, принимать жалобы на такія распоряженія начальства Имѣлись и другіе способы удалить неугоднаго чиновника, какъ-то: перемѣщеніе противъ его воли на низшую должность и т. д. Въ абсолютныхъ монархіяхъ признавалось въ зако-

нахъ правило о несмѣняемости судей, но это правило парализовалось правомъ начальства замѣнить дѣйствительное назначеніе временнымъ порученіемъ „исправлять должность“.

Конституціонное государство ставитъ государственную службу на болѣе прочную основу. Съ одной стороны оно болѣе обезпечиваетъ служащихъ противъ произвольнаго увольненія, а съ другой — оно относится къ нимъ строже и требовательнѣе.

Законовъ въ родѣ 3-го пункта въ конституціонныхъ монархіяхъ нѣтъ. Какъ общее правило признается, что человѣкъ, состоящій на государственной службѣ, не можетъ быть противъ воли уволенъ иначе какъ по судебному приговору за преступленіе. Изъ этого правила изъяты высшія должностныя лица, ибо нельзя лишать монарха права мѣнять по своему усмотрѣнію своихъ ближайшихъ совѣтниковъ.

Съ другой стороны, законодательство держится взгляда, что не служба государственная для чиновника, а чиновникъ для государственной службы. Слѣдовательно, если польза государства того требуетъ, служащій долженъ согласиться на переводъ въ другое мѣсто, если, конечно, новая должность по своимъ матеріальнымъ и формальнымъ условіямъ (рангъ, классъ) не ниже той, которую ранѣе занималъ данный чиновникъ. Безусловная несмѣняемость и неперемѣщаемость противъ воли установлена лишь для чиновъ судебнаго вѣдомства.

Существуетъ мнѣніе, что организаціи государственной службы въ абсолютной монархіи присуща

преимущественно одна слабая сторона: господство протекціи и непотизма и что въ ограниченныхъ монархіяхъ, а тѣмъ паче въ республикахъ, это зло менѣе чувствительно.

Это заблужденіе. Къ сожалѣнію, стремленіе подчинить интересы государства и государственной службы личнымъ и семейнымъ интересамъ, расчетамъ дружбы и матеріальныхъ выгодъ такъ укоренилось въ человѣкѣ, что оно пробивается наружу вездѣ. Т. н. бюрократія, о которой мы ниже поговоримъ, не болѣе склонна къ протекціи, непотизму, различнымъ поблажкамъ ради друзей и родственниковъ, нежели различныя политическія партіи.

Несомнѣнно, что въ дореволюціонной абсолютной французской монархіи, и у насъ въ Россіи, протекція и непотизмъ въ служебныхъ отношеніяхъ играли весьма крупную роль (стоитъ только припомнить внесеніе грудныхъ младенцевъ въ списки гвардейскихъ полковъ въ XVIII ст. и производство ихъ изъ чина въ чинъ, такъ что они уже 17 — 18 лѣтъ являлись на дѣйствительную службу въ чинѣ капитановъ или ротмистровъ, опередивъ дѣйствительныхъ служакъ), и гибельно отражались на дѣлахъ государственныхъ, однако, конституціонныя монархіи и республики въ этомъ отношеніи не уступали ни дореформенной Франціи, ни Россіи. Нигдѣ протекція не играетъ такой роли, какъ во французской республикѣ, Италіи, Бельгіи, и въ особенности въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Разница только въ томъ, что тамъ протекціей

занимаются не чины вліятельныхъ придворныхъ и аристократическихъ семействъ, а вліятельные парламентскіе дѣятели

Въ Англіи еще въ XIX ст. существовала особая должность въ составѣ министерства, — т. н. патронажъ — секретарь, обязанность котораго состояла въ отысканіи теплыхъ мѣстъ для сторонниковъ партіи, побѣдившей на парламентскихъ выборахъ.

Большее или меньшее злоупотребленіе протекціей и тлетворное вліяніе ея на государственную службу зависитъ не столько отъ формы правленія, сколько отъ низкаго или высокаго уровня нравственнаго развитія общества.

6) Перехожу къ слѣдующему отличительному признаку конституціонной монархіи. Въ ней въ отличіе отъ абсолютной, неограниченной монархіи, установлено формальное различіе закона отъ административнаго распоряженія или указа.

И въ неограниченной монархіи существуютъ различные виды и формы волеизъявленія верховной власти, въ зависимости отъ степени важности или внутренняго существа опредѣляемыхъ ими правоотношеній и дѣлъ и разрѣшаемыхъ вопросовъ. Одни велѣнія власти называются законами; обыкновенно тѣ, которыми регулируется цѣлый рядъ однородныхъ отношеній или вопросовъ. Велѣнія, которыя издаются для разрѣшенія какого-либо отдѣльнаго вопроса или случая, называются указами, или кабинетными ордерами, или высочайшими приказами, рескриптами и т. п. Различаются манифесты, инструкціи, на-

казы. Центральные органы управленія издаютъ циркуляры въ предѣлахъ своего вѣдомства. Распоряженія органовъ власти, высшихъ, центральныхъ и подчиненныхъ имъ, среднихъ и низшихъ, не должны противорѣчить законамъ и повелѣніямъ, изданнымъ монархомъ. Установлено даже, что велѣнія монарха, касающіяся извѣстнаго рода вопросовъ, должны быть непремѣнно облечены въ опредѣленную форму. (Напр., словесные указы монарха не могутъ содержать въ себѣ смертнаго приговора, приговора о лишеніи чести, имущества). Но всѣ эти установленныя законодательствомъ или обычнымъ правомъ формы не имѣютъ характера безусловности и неизмѣнности. Такъ какъ въ рукахъ неограниченнаго монарха сосредоточена нераздѣльно и вся законодательная власть, и власть управленія, то отъ монарха зависитъ во всякую минуту отступить отъ установленнаго порядка, рѣшать одинъ и тотъ же родъ вопросовъ то въ законодательномъ, то въ административномъ порядкѣ, расширять временными указами распорядительную власть центральныхъ органовъ и пріостанавливать дѣйствіе законовъ въ отношеніи тѣхъ или иныхъ лицъ, тѣхъ или иныхъ дѣлъ. Занимающіе высшія должности въ управленіи (министры, главноуправляющіе) могутъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на монарха, обходить установленія, призванныя монархомъ для обсужденія дѣлъ законодательныхъ. Однимъ словомъ, твердыхъ границъ между законодательной властью и властью административной—нѣтъ.

Иное дѣло въ конституціонной монархіи. Въ ней

„законами“ почитаются только и исключительно такія велѣнія верховной власти, содержаніе которыхъ установлено въ разъ навсегда опредѣленномъ законодательномъ порядкѣ, т.-е. по обсужденіи его народнымъ представительствомъ (гдѣ существуетъ двѣ палаты, тамъ въ обѣихъ палатахъ), причемъ устаповленный парламентомъ текстъ закона подносится на утвержденіе монарха. Монархъ имѣетъ полное право его отвергнуть, отказать въ санкціи, возвратить для новаго обсужденія въ народное представительство. Онъ можетъ повторить это неограниченное число разъ. Проектъ закона, принятый обѣими палатами народнаго представительства, безъ санкціи монарха никогда не становится закономъ, но монархъ не имѣетъ права измѣнять по своему усмотрѣнію содержаніе закона.

Только тотъ законопроектъ становится закономъ, текстъ котораго отъ первой до послѣдней буквы установленъ согласно и народнымъ представительствомъ, и монархомъ. Разъ соносители законодательной власти: монархъ и народное представительство приняли законъ, то онъ не можетъ быть ни измѣненъ, ни отмѣненъ иначе, какъ въ томъ же законодательномъ порядкѣ.

Въ конституціонномъ государствѣ монархъ единоличной законодательной власти не имѣетъ. Административныя распоряженія или указы, имъ изданные, не могутъ противорѣчить законамъ или ихъ замѣнять. Вопросъ, или рядъ вопросовъ, разъ рѣшенный въ порядкѣ законодательномъ, не можетъ быть рѣшенъ вторично указомъ. Законъ исключаетъ

указъ и не признаетъ за нимъ равной себѣ силы.

7) Поговоримъ теперь о мѣстномъ самоуправленіи, какъ о существенномъ признакѣ конституціонной монархіи.

И абсолютная, неограниченная монархія допускаетъ самоуправленіе крупныхъ и мелкихъ территоріальныхъ союзовъ въ предѣлахъ государства. Когда Пруссія и Австрія были абсолютными монархіями, у нихъ существовало самоуправленіе провинцій, округовъ, городскихъ и сельскихъ общинъ. Въ Россіи уже Петръ Великій, за нимъ Екатерина II старались организовать мѣстное самоуправленіе, хотя и сословное. а не безсословное. Наконецъ съ 1864 г. организовано у насъ земское и губернское самоуправленіе. Слѣдовательно самоуправленіе не обусловлено установленіемъ конституціоннаго режима. Но зато нужно признать, что конституціонная монархія тамъ, гдѣ нѣтъ самоуправленія, несмотря на самую полную и звучную конституціонную хартію, никогда не обезпечиваетъ народу ни полнаго развитія всѣхъ его силъ, ни культуры, ни дѣйствительной правомѣрности въ управленіи.

Мнѣ уже пришлось коснуться самоуправленія, когда я говорилъ объ автономіи. Что же такое „самоуправленіе“ и почему оно должно быть признано факторомъ, и притомъ необходимымъ, конституціоннаго строя?

Самоуправленіе имѣетъ, такъ сказать, двѣ стороны. Во-первыхъ, подъ самоуправленіемъ понимается осуществленіе на мѣстахъ верховныхъ правъ

государства не при посредствѣ назначенныхъ государственной властью и получающихъ отъ нея содержаніе должностныхъ лицъ, а при посредствѣ территоріальныхъ союзовъ (установленныхъ или образованныхъ государственной властью, или исторически развившихся). Эти территоріальные союзы осуществляютъ на основаніи государственныхъ законовъ извѣстныя задачи управленія черезъ лицъ, избранныхъ мѣстнымъ населеніемъ. Это одна сторона самоуправленія, какъ органа общаго государственнаго управленія. А вотъ и другая сторона. Самоуправленіе имѣетъ не только задачу осуществлять волю государства въ узкомъ кругу губерніи, уѣзда, волости, города, сельской общины, но и завѣдывать собственными мѣстными, въ особенности хозяйственными, дѣлами.

Законъ уполномочиваетъ органы самоуправленія (напр , губернскія земскія управы, городскія думы) дѣйствовать отъ имени государства и въ предѣлахъ, въ законѣ указанныхъ, издавать самостоятельныя постановленія и дѣлать самостоятельныя распоряженія.

Мѣстныя учрежденія, органы самоуправленія (какъ, напр., управа, дума) должны состоять изъ лицъ, избранныхъ мѣстнымъ населеніемъ, отбывающимъ мѣстныя повинности и налоги на покрытіе мѣстныхъ расходовъ по управленію. Выборные органы самоуправленія могутъ поручать подъ своей отвѣтственностью тѣ или другія спеціальныя дѣла назначеннымъ ими вольнонаемнымъ служащимъ (напр., врачамъ, аптекарямъ, инженерамъ, агроно-

мамъ): но эти служащіе не иное что, какъ чиновники, и самостоятельной роли въ самоуправленіи играть не должны. Тамъ, гдѣ эти земскіе или городскіе чиновники захватываютъ въ свои руки самостоятельную власть, самоуправленіе уклоняется отъ своего основного начала. Это извращеніе самоуправленія. Такому извращенію подвергалось наше самоуправленіе въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, когда вліятельную роль въ земствахъ и городахъ присвоилъ себѣ такъ называемый „3-ій элементъ", т.-е. земское и городское чиновничество, различнаго рода статистики, оцѣнщики, врачи, инженеры, учителя, нанятые за вознагражденіе и взятые съ бора да съ сосенки, ничего общаго не имѣвшіе съ данной губерніей, уѣздомъ или городомъ. Эти не избранные населеніемъ, а нанятые за деньги чиновники позволили себѣ играть роль руководителей мѣстнаго управленія, на что ихъ никто не уполномочилъ. Эта земская и городская бюрократія стремилась къ власти и проводила свои тенденціи, не въ интересахъ мѣстности, а въ интересахъ опредѣленныхъ политическихъ партій.

Строго говоря, самоуправленіе только тогда дѣйствуетъ вполнѣ нормально, не подвергаясь опасности превратиться въ бюрократію, если всѣ должности въ учрежденіяхъ самоуправленія находятся въ рукахъ лицъ, занимающихъ ихъ безплатно, какъ должности почетныя. Если представители самоуправленія работаютъ изъ-за интереса къ дѣлу, изъ-за любви къ мѣстной родинѣ, а не ради заработка, тогда они сохраняютъ и надлежащую самостоя-

тельность и по отношенію къ органамъ правительства, и по отношенію къ своимъ избирателямъ.

Нѣкоторые представители государственной науки и высказывали мнѣніе, что управленіе мѣстными дѣлами безвозмездно служащими почетными должностными лицами — только и есть настоящее самоуправленіе. Но такое самоуправленіе возможно лишь тамъ, гдѣ сознаніе долга передъ родиной глубоко проникло въ общество, и гдѣ въ мѣстности достаточное количество матеріально обезпеченныхъ, образованныхъ общественныхъ дѣятелей.

Для того, чтобы самоуправленіе могло дѣйствовать плодотворно, необходимо, чтобы оно было вполнѣ самостоятельно въ предѣлахъ компетенціи, закономъ установленной. Въ своемъ кругу вѣдомства оно дѣйствуетъ не какъ представитель какихъ-то особенныхъ общественныхъ интересовъ, отличныхъ якобы отъ интересовъ государственныхъ, а какъ мѣстно-дѣйствующая государственная власть. Поэтому представители центральной власти въ мѣстности (губернаторы, президенты, префекты и т. д.) должны быть только органами надзора за законностью дѣйствій органовъ мѣстнаго самоуправленія, а отнюдь не имѣть права вмѣшиваться въ дѣятельность этихъ учрежденій по существу. Имъ должно быть предоставлено право протеста противъ дѣйствій учрежденій мѣстнаго самоуправленія въ случаѣ незаконности ихъ, но не право протеста въ случаѣ, если они признаютъ эти дѣйствія нецѣлесообразными. Иначе нельзя будетъ даже говорить о „самоуправленіи“. Т.-е. дѣйствитель-

ное самоуправленіе требуетъ признанія тѣхъ началъ, которыя были проведены въ законѣ 1 января 1864 г. о земскомъ самоуправленіи въ Россіи.

Для рѣшенія споровъ между органами самоуправленія и мѣстными представителями центральнаго правительства о законности или незаконности дѣйствій первыхъ, должны существовать особыя учрежденія, достаточно самостоятельныя для того, чтобы улаживать споръ исключительно съ точки зрѣнія закона, а не съ точки зрѣнія измѣнчивыхъ направленій внутренней политики.

Почему однако, можно спросить, самоуправленіе, притомъ довольно самостоятельное, должно быть признано необходимымъ и столь важнымъ факторомъ жизни въ конституціонномъ государствѣ? Развѣ для проявленія общественной самодѣятельности недостаточно имѣть народное представительство? Не лучше ли будетъ, если всѣ мѣстные органы управленія будутъ всецѣло въ рукахъ центральнаго управленія, которое, особенно, если оно будетъ опираться на могущественное парламентское большинство, будетъ въ состояніи руководить всѣмъ государствомъ во всѣхъ деталяхъ управленія сообразно съ тѣми воззрѣніями, которыя въ данное время вдохновляютъ правящія сферы и руководящихъ парламентскихъ дѣятелей? Вотъ, напр., Франція имѣетъ конституціонное устройство съ начала XIX ст., и справляется безъ всякаго самостоятельнаго самоуправленія. Всѣ нити управленія сосредоточены въ Парижѣ, и всѣ департаменты (по нашему губерніи), города, уѣзды, волости не

иное что, какъ послушное орудіе центральной власти!

Именно примѣръ Франціи доказываетъ, что обезличеніе всѣхъ частей государства въ угоду подавляющаго первенства столицы не укрѣпляетъ государства вообще, не обезпечиваетъ закономѣрной свободы гражданъ, ибо нельзя говорить о гражданской и политической свободѣ тамъ, гдѣ небольшая сравнительно часть населенія можетъ по своему усмотрѣнію во всякую минуту передѣлать весь государственный строй. 4 раза въ XIX ст. Парижъ безъ всякаго согласія всей Франціи измѣнялъ политическое устройство ея: въ 1830, въ 1848, въ 1852 и въ 1870 гг.

Сознательное служеніе государственнымъ цѣлямъ должно быть удѣломъ не только столицы, но всей страны, и вотъ это политическое самосознаніе, безъ котораго конституціонное государство не можетъ жить и развиваться, и дается только благодаря медленному, скромному, но постоянному труду въ пользу ближайшей родины, и, въ концѣ концовъ,—въ пользу всего государства. Самоуправленіе есть необходимая школа общественной дѣятельности. Населеніе, которое не въ состояніи выставить надлежащаго количества лицъ для самостоятельнаго добросовѣстнаго веденія простыхъ, сравнительно несложныхъ дѣлъ общинныхъ, городскихъ, сельскихъ (какъ-то, напр.: устройство и завѣдываніе народныхъ школъ, снабженіе населенія хорошей водой, устройство санитарной части, дорогъ и т. д.), не дастъ и дѣйствительно годныхъ членовъ народнаго представитель-

ства. Для рѣшенія крупныхъ политическихъ задачъ нужно обладать умомъ, вышколеннымъ на рѣшеніи задачъ мелкихъ. Кто хочетъ, чтобы народное представительство слѣдило за добросовѣстнымъ распоряженіемъ государственными средствами, тотъ долженъ прежде всего требовать, чтобы выработался кругъ людей, умѣющихъ и склонныхъ добросовѣстно распоряжаться мѣстными небольшими средствами. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ дѣятельнаго и добросовѣстнаго самоуправленія, въ парламентѣ первую роль играютъ не люди, дѣйствительно знающіе народныя нужды, а краснобаи, фразеры и мечтательные доктринеры, ибо говорить въ общихъ фразахъ, употреблять громкія слова о прогрессѣ, гуманности, свободѣ и т. д. куда легче, нежели безъ всякихъ фразъ заниматься законодательными работами съ знаніемъ дѣла и практической жизни. Практическій характеръ работъ въ англійскомъ парламентѣ обусловливается преимущественно тѣмъ, что англичане знакомы на дѣлѣ, а не по книгамъ съ нуждами государства, благодаря вѣками укоренившемуся самоуправленію.

8) Въ абсолютныхъ монархіяхъ, какъ мы видѣли выше, существуютъ особые разряды особенно важныхъ законовъ, т. н. основные законы. Но въ нихъ говорится только объ организаціи верховной власти, о правахъ и преимуществахъ монарха. Только эти права выставляются какъ нѣчто неприкосновенное, незыблемое. Въ конституціонной монархіи основные законы обезпечиваютъ также извѣстныя личныя и имущественныя права гра-

жданъ, а именно: неприкосновенность жилища, собственности, личности, и свободу вѣроисповѣданія. Объ этихъ правахъ гражданъ мы поговоримъ ниже въ томъ отдѣлѣ, въ которомъ мы будемъ говорить о государствѣ съ правовой и хозяйственной точки зрѣнія.

9) Затѣмъ конституціонная монархія признаетъ за отдѣльными лицами, стоящими внѣ законодательныхъ и исполнительныхъ учрежденій страны, права, необходимыя для законной защиты ихъ интересовъ и для выраженія ихъ политическихъ взглядовъ: право выражать и распространять путемъ печати, періодической и неперіодической, свои мнѣнія и сужденія о дѣлахъ общественныхъ, право петицій, т.-е. право подавать монарху ходатайства и представленія о нуждахъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ группъ лицъ, какъ-то: сословій, гдѣ таковыя сохранились, классовъ, обществъ, союзовъ, и право собраній, право организаціи обществъ и союзовъ. И объ этихъ „политическихъ“ правахъ гражданъ мы поговоримъ ниже въ указанномъ выше отдѣлѣ.

10) Наконецъ, характерный признакъ конституціонной монархіи, коимъ она отличается какъ отъ древнихъ формъ вѣчевой и сословной монархіи, такъ и отъ абсолютной монархіи, — это народное представительство. О немъ мы уже говорили вскользь.

Въ вѣчевой монархіи, какъ сказано выше, все населеніе, насколько это было физически возможно, участвовало въ обсужденіи и рѣшеніи государствен-

ныхъ дѣлъ. Въ сословной монархіи собирались земскіе чины, состоявшіе изъ представителей отдѣльныхъ сословій, для обсужденія государственныхъ дѣлъ, поскольку они могли касаться правъ и интересовъ сословныхъ корпорацій. Наконецъ въ абсолютной монархіи монархъ могъ, если желалъ, собрать на совѣщаніе не только высшихъ сановниковъ, но выборныхъ отъ различныхъ классовъ или сословій для подачи ему совѣтовъ о способахъ рѣшенія того или другого вопроса или о способахъ удовлетворенія различныхъ нуждъ народа (наши „земскіе соборы“).

Народное представительство въ конституціонной монархіи не есть вѣчевое собраніе, на которое можетъ явиться каждый, кто считаетъ себя на то способнымъ. Это и не сословное представительство для защиты сословныхъ интересовъ и правъ. Оно есть организованное на основаніи основныхъ законовъ собраніе лицъ, избранныхъ въ порядкѣ, указанномъ также въ основномъ законѣ, всѣмъ населеніемъ, раздѣленнымъ на отдѣльныя группы именно для производства выборовъ. Основные законы указываютъ кто изъ гражданъ и при какихъ условіяхъ участвуетъ въ выборахъ, и кто можетъ быть избранъ. Избранный членъ народнаго представительства не есть представитель той группы гражданъ, которая участвовала въ его избраніи. Разъ онъ избранъ и вошелъ въ собраніе народныхъ представителей, онъ выступаетъ какъ представитель всего народа, какъ нераздѣльнаго цѣлаго.

Народное представительство въ конституціонной

монархіи призвано къ участію въ законодательствѣ, къ участію не временному, случайному, а къ участію обязательному, постоянному. Оно соноситель законодательной власти. Оно не совѣтуетъ, оно постановляетъ относительно предложенныхъ законопроектовъ. Принятый имъ законопроектъ не есть еще законъ; на то необходимо согласіе и утвержденіе монарха. Но никакое постановленіе не можетъ сдѣлаться закономъ вопреки рѣшенію народнаго представительства. Всякій законъ долженъ быть результатомъ согласія монарха и народнаго представительства.

Обыкновенно въ конституціонныхъ государствахъ монархъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, въ промежуточное между сессіями парламента время, имѣетъ право и помимо народнаго представительства издавать законы, требуемые неотложными нуждами; но эти законы—временные. Коль скоро народное представительство опять будетъ собрано, эти временные законы должны быть имъ утверждены, иначе они теряютъ силу.

Только въ одномъ конституціонномъ государствѣ изстари монархъ имѣетъ право издавать самостоятельно не только чрезвычайные временные законы, но и постоянные, по опредѣленному разряду вопросовъ. Это Швеція, гдѣ король имѣетъ право т. наз. экономическаго законодательства, т.-е. право издавать законы объ организаціи различныхъ правительственныхъ учрежденій, о таможенныхъ пошлинахъ и таможенныхъ дѣлахъ вообще, о почтѣ, о печати, объ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ какъ

шведское право дѣйствуетъ донынѣ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, принадлежащемъ Россіи, то въ немъ монархъ также пользуется правомъ экономическаго законодательства. Въ Финляндіи существуетъ партія, которая величаетъ себя „конституціонной партіей", якобы желающей сохранить въ неприкосновенности финляндскую конституцію, но этой партіи право экономическаго законодательства, принадлежащее монарху, бѣльмо на глазу, и она всячески съ начала 60-хъ годовъ XIX ст. подкапывается подъ эту часть финляндской конституціи.

Изданіе законовъ безъ участія народнаго представительства называется, обыкновенно, изданіемъ законовъ въ административномъ порядкѣ.

Обыкновенно въ конституціонныхъ государствахъ народное представительство состоитъ изъ двухъ палатъ. Однопалатное представительство сравнительно рѣдкое исключеніе. Уже этотъ фактъ доказываетъ, что въ основѣ двухпалатной системы лежатъ разумныя требованія и естественныя условія государственной жизни. Двѣ палаты необходимы уже для большей зрѣлости рѣшеній и для предупрежденія столкновеній между монархомъ и представительствомъ народа. Двѣ палаты представляютъ собою всю полноту общественныхъ элементовъ.

Во всякомъ обществѣ существуютъ различные слои, группы, классы, отличающіеся другъ отъ друга и степенью умственнаго развитія, и степенью воспитанности, и достаткомъ, своей ролью и значеніемъ въ общественной жизни.

Члены нижней палаты просто-на-просто представители всего народа, а не представители той или другой губерніи, уѣзда, города, того или иного класса, той или иной отрасли хозяйственной дѣятельности. Отъ членовъ нижней палаты не требуютъ обладанія тѣми или иными спеціальными познаніями или пріобрѣтенія служебнаго, хозяйственнаго опыта, научной извѣстности. Вотъ эти особыя качества, выдѣляющія извѣстныя группы лицъ изъ массы народа, и должны имѣть своихъ особыхъ представителей. Этого требуютъ интересы государства, ибо государство развивается не дѣятельностью народныхъ массъ, а дѣятельностью наиболѣе просвѣщенныхъ, предпріимчивыхъ, опытныхъ людей. Люди, стоящіе во главѣ крупныхъ предпріятій или обширныхъ земельныхъ владѣній и т. д., уже имѣли возможность развить качества, необходимыя для руководства государствомъ, и ихъ прошлое уже предназначило ихъ для участія въ осуществленіи задачъ верховной власти.

Такимъ образомъ верхняя палата въ конституціонныхъ государствахъ есть представительство аристократическихъ элементовъ въ обществѣ, которые существуютъ во всякомъ государствѣ, несмотря на всѣ усилія новѣйшихъ временъ произвести полную и рѣшительную нивеллировку и постричь всѣхъ подъ одну гребенку: и умныхъ, и идіотовъ, и образованныхъ, и необразованныхъ, и состоятельныхъ, и неимущихъ.

Организація верхней палаты въ конституціонныхъ монархіяхъ весьма различна. Въ верхней палатѣ

бываютъ члены наслѣдственные, или назначенные монархомъ только пожизненно, или на время. Иногда высшія должностныя лица входятъ въ составъ верхней палаты. Члены верхней палаты бываютъ выборные отъ разныхъ сословій и корпорацій, какъ-то дворянства, городовъ, купечества, университетовъ. Затѣмъ верхняя палата можетъ состоять изъ выборныхъ отъ территоріальныхъ подраздѣленій государства, напр., отъ провинцій, губерній, уѣздовъ. Наконецъ, верхняя палата можетъ состоять изъ избранныхъ непосредственно народомъ, при чемъ отъ избираемыхъ требуется обыкновенно болѣе высокій цензъ возрастный, имущественный и образовательный.

Двухпалатная система имѣетъ много противниковъ, именно потому, что она имѣетъ оттѣнокъ аристократическій и идетъ въ разрѣзъ съ идеаломъ уравненія и униженія всего выдающагося. Нашъ вѣкъ любитъ сѣрую посредственность. А верхняя палата возвышаетъ извѣстную часть общества надъ другими. И, говорятъ поэтому противники, верхняя палата не что иное какъ средостѣніе между монархомъ и народомъ. Она, состоящая изъ лицъ, не вышедшихъ непосредственно изъ нѣдръ народа, будетъ тормазомъ прогрессивнаго развитія страны: она представительство баръ, богачей, крупныхъ промышленниковъ, работодателей, однимъ словомъ, высшихъ классовъ, привилегированныхъ, если не по закону, то благодаря условіямъ нашего современнаго т. н. капиталистическаго хозяйственнаго строя. Всѣмъ этимъ господамъ нѣтъ

дѣла до нуждъ и страданій народныхъ массъ, ибо извѣстно, что сытые голодныхъ не понимаютъ.

Всѣ эти возраженія противъ верхней палаты не имѣютъ серьезнаго значенія. Они исходятъ обыкновенно отъ честолюбцевъ, которые желали бы при посредствѣ нижней палаты неограниченно господствовать и навязывать свою волю народу какъ можно рѣшительнѣе, какъ можно скорѣе.

Всѣ крупныя реформы, имѣвшія цѣлью поднять матеріальный и умственный уровень низшихъ классовъ, дѣло рукъ лицъ, къ этимъ низшимъ классамъ не принадлежавшихъ. Всѣ крупные соціальные реформаторы съ древнѣйшихъ временъ были людьми или высокорожденными, или высоко образованными, начиная съ Солона, Ликурга, Перикла, Граховъ, вплоть до создателей новыхъ законовъ о страхованіи рабочихъ и улучшеніи ихъ положенія на фабрикахъ. Крупнѣйшіе изъ нашихъ поэтовъ и писателей, воспѣвавшіе свободу народную и боровшіеся за освобожденіе крестьянъ, не были голодны. Ни Пушкинъ, ни Герценъ, ни И. Тургеневъ, ни Кавелинъ, ни Аксаковъ, ни Огаревъ, ни Некрасовъ, ни Салтыковъ-Щедринъ не были голодны. Дѣятели крестьянской реформы 1861 г. и составители судебныхъ уставовъ 1864 г. (Милютинъ, Ростовцевъ, Черкасскій, Самаринъ, Замятинъ, Зарудный), всѣ мировые посредники перваго призыва были также „баре“. А тѣ, кто вышелъ изъ низшихъ классовъ, и старались якобы освободить народъ, Стенька Разинъ и Емелька Пугачевъ, всѣ нигилисты и революціонеры 1860, 1870, 1880 гг.

и новѣйшаго времени, ничего не дали народу, кромѣ разоренія, голода, кровопролитія, страданій. Посмотрите на западъ Европы и вы легко убѣдитесь, что высокое происхожденіе и личная обезпеченность не мѣшаетъ быть даже соціаль-демократомъ. Сенъ-Симонъ былъ французскимъ аристократомъ, Карлъ Марксъ былъ сыномъ богатаго еврейскаго адвоката, Лассаль былъ богачъ, Бебель, Зингеръ, Фольмаръ, если не богаты, то очень состоятельные люди.

Что при существованіи верхней палаты законодательство идетъ медленнѣе, это несомнѣнно; но законодательная власть и не должна дѣйствовать поспѣшно. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо не слѣдуетъ забывать мудраго правила: „3 раза отмѣрь, одинъ разъ отрѣжь“. Запоздалыя мѣры, конечно, весьма вредны, но столь же вредны мѣры преждевременныя и необдуманныя.

Въ большинствѣ случаевъ верхняя палата имѣетъ менѣе широкія права, нежели нижняя. Въ особенности ограничены права верхней палаты въ отношеніи финансовыхъ вопросовъ. Обыкновенно нижняя палата имѣетъ право и обязанность обсуждать какъ роспись, такъ и различные финансовые законопроекты во всѣхъ подробностяхъ, измѣнять, дополнять ихъ; верхняя же палата имѣетъ только право огульно принимать или отвергать такіе проекты. Исключеніе составляютъ Швеція и Россія, гдѣ обѣ палаты равноправны.

Нижняя палата, какъ сказано выше, должна быть представительствомъ всего народа, а не собраніемъ уполномоченныхъ даннаго кружка изби-

рателей. Члены народнаго представительства не связаны инструкціями, не отвѣтственны передъ избирателями за свои дѣйствія и слова. Они дѣйствуютъ и говорятъ только по собственному убѣжденію.

Вопросъ о томъ, какъ организовать нижнюю палату, одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ и въ практикѣ, и въ наукѣ. Самыя различныя системы предлагались, защищались, отвергались, и споръ еще донынѣ не рѣшенъ.

Въ настоящее время очень многіе утверждаютъ, что только то народное представительство дѣйствительно удовлетворяетъ своему назначенію, которое составлено изъ депутатовъ, избранныхъ на основаніи всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго избирательнаго права. Эта избирательная система и есть та пресловутая „четырехвостка“, о которой такъ много шумѣли у насъ въ 1904, 1905 и 1906 гг. Эта избирательная система состоитъ въ томъ, что въ избраніи членовъ нижней палаты (напр., у насъ: Государственной Думы) имѣютъ право участвовать всѣ граждане даннаго государства, достигшіе гражданскаго совершеннолѣтія, т.-е. 21 года, и мужчины и женщины, безразлично кто они по своему общественному положенію, самостоятельные ли хозяева или состоящіе въ услуженіи, грамотные или неграмотные, образованные или необразованные, семейные или несемейные. Не пользуются правомъ участвовать въ выборахъ и правомъ быть избранными только опороченные судомъ, умалишенные и недостигшіе 21 года. Всѣ избиратели

имѣютъ каждый по одному голосу, всѣ подаютъ этотъ голосъ тайно, чтобы никто не зналъ, кто за кого подаетъ голосъ. Всѣ избираютъ непосредственно то число членовъ парламента, которое приходится на данный избирательный округъ. Эта де система справедлива, естественна; только она дастъ дѣйствительное народное представительство, выражающее истинную волю народную. Всѣ другія системы неудовлетворительны, ибо онѣ даютъ преимущество однимъ передъ другими. Всѣ де равны передъ закономъ и государствомъ.

А эти другія системы сводятся къ тому, что пользованіе правомъ участія въ выборахъ обусловлено извѣстнымъ цензомъ, имущественнымъ, образовательнымъ, возрастнымъ или семейнымъ.

Гдѣ нѣтъ всеобщаго избирательнаго права, тамъ и женщинамъ не предоставлено право участвовать въ выборахъ. И это считается теперь многими за большую несправедливость, ибо женщинъ во многихъ государствахъ болѣе, нежели мужчинъ.

Всѣ доводы въ пользу всеобщей, тайной, равной и прямой подачи голосовъ исходятъ изъ невѣрныхъ посылокъ. Первая и главная невѣрная посылка та, что будто бы участіе въ избраніи членовъ народнаго представительства есть неотъемлемое, прирожденное, естественное право каждаго гражданина. Это участіе есть не столько право, сколько обязанность, повинность, отбываемая въ интересахъ государственныхъ, а не личныхъ, точно такъ же, какъ отбывается повинность воинская или повинность участвовать въ судѣ въ качествѣ при-

сяжнаго засѣдателя. Здѣсь идетъ рѣчь о защитѣ отечества и о содѣйствіи при отправленіи правосудія, а тамъ—объ участіи при отправленіи важнѣйшей функціи верховной власти: законодательной. Вѣдь кто становится народнымъ представителемъ, тотъ становится вмѣстѣ съ тѣмъ частицей верховной власти. Ни при организаціи судебныхъ учрежденій, ни при организаціи учрежденія законодательнаго государство не можетъ и не должно сообразоваться съ интересами того или другого лица, класса, сословія, чина, а должно сообразоваться исключительно съ пользой государственной. Къ отбыванію воинской повинности, а также къ отбыванію повинности присяжнаго засѣдателя, призывается тотъ, кто наиболѣе къ тому пригоденъ. Только эта точка зрѣнія и можетъ имѣть смыслъ и получить примѣненіе при рѣшеніи вопроса о томъ, кто можетъ и долженъ участвовать въ выборахъ депутатовъ, членовъ народнаго представительства. Государственный интересъ требуетъ, чтобы народное представительство состояло изъ лицъ зрѣлыхъ, разсудительныхъ, образованныхъ, опытныхъ, знающихъ, по возможности спокойныхъ и добросовѣстныхъ, способныхъ исполнять свою тяжелую обязанность, насколько то дозволяетъ человѣческая слабость,—безпристрастно, безкорыстно. Народное представительство не должно быть сборищемъ малоопытныхъ, несамостоятельно мыслящихъ людей, которые по командѣ двухъ-трехъ руководителей голосуютъ и рѣшаютъ дѣла, не сознавая всей важности ихъ. А такъ какъ члены народнаго представительства выходятъ изъ среды из-

бирателей, то и подавать свой голосъ на выборахъ можетъ не всякій, а только тотъ, кто представляетъ ручательство, что выберетъ не зря, а сознательно.

Передъ государствомъ, говорятъ, всѣ равны или должны быть равны. Да, но въ какомъ смыслѣ? Равны всѣ передъ государствомъ въ томъ отношеніи, что оно всѣхъ равно охраняетъ, всѣмъ равно оказываетъ поддержку, что оно въ отношеніи всѣхъ равно проводитъ основное правовое начало: что въ правовомъ государствѣ человѣкъ не долженъ быть пассивнымъ средствомъ для чужихъ цѣлей, а существомъ самостоятельнымъ и самодѣятельнымъ. Но дальше этого равенство не идетъ. Различныя качества и способности гражданъ для государства не безразличны. Въ войско оно не призываетъ всѣхъ: и слѣпыхъ, и хромыхъ, и чахоточныхъ, а только здоровыхъ, сильныхъ и молодыхъ. Для участія въ судѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя оно не призываетъ поголовно всѣхъ, а съ разборомъ. Податное бремя также не кладется на всѣхъ безразлично въ одинаковой мѣрѣ, а сообразно съ платежными способностями даннаго лица. Подушныя подати считаются весьма плохими и несправедливыми налогами. И съ точки зрѣнія организація участія гражданъ въ народномъ представительствѣ они не могутъ быть равными передъ государствомъ. Это было бы близорукою несправедливостью. Аристотель сказалъ разъ: самая высшая несправедливость состоитъ въ уравненіи неравнаго по природѣ своей. Развѣ образованный человѣкъ

имѣетъ такое же значеніе, какъ необразованный? Развѣ безграмотный можетъ столь же сознательно относиться къ выборамъ, какъ грамотный? Привлечь безграмотнаго къ участію въ законодательствѣ значитъ то же, что привлечь слѣпого къ дѣлу оцѣнки картинъ. Далѣе: человѣкъ, владѣющій имуществомъ, для государства болѣе вѣская опора, нежели нищій, ибо послѣдній, ничего не теряя, всегда будетъ склоненъ рисковать и перекраивать все существующее. Для устройства революціи нищій очень пригоденъ, но не для систематическаго законодательства. Голосъ на выборахъ должно подавать вполнѣ самостоятельно, по внутреннему убѣжденію, а не подъ давленіемъ другихъ. А потому только самостоятельный человѣкъ будетъ дѣйствительно свободнымъ избирателемъ. Находящіеся въ частномъ услуженіи (напр., прислуга), неотдѣленные сыновья, зависящіе отъ отца, жена, дочери, никогда, или рѣдко, будутъ подавать голосъ по собственному рѣшенію и усмотрѣнію. Они, за рѣдкими исключеніями, будутъ отголоскомъ мнѣнія своихъ патроновъ, отца, мужа. Молодежь, только-что вступившая въ жизнь, не имѣющая ни твердыхъ убѣжденій, неопытная, страстная, легко увлекающаяся, не въ состояніи дѣйствовать на выборахъ съ зрѣлымъ, спокойнымъ разсужденіемъ. Было бы крайне несправедливо дать образованнымъ, зрѣлымъ, опытнымъ, матеріально самостоятельнымъ, семейнымъ гражданамъ такое же вліяніе на ходъ законодательства, какъ и малообразованнымъ, малоопытнымъ, незрѣлымъ, зависимымъ и одинокимъ.

Защитники всеобщаго и равнаго избирательнаго права говорятъ, что только оно дастъ возможность узнать дѣйствительную волю народа, получить народныхъ представителей, дѣйствительно пользующихся народнымъ довѣріемъ. На это можно и должно возразить: „дѣйствительная воля народная“ и „довѣріе всего народа“. это громкія фразы, которымъ недостаетъ серьезнаго содержанія или которыя скрываютъ нѣчто иное, о которомъ неловко говорить открыто. До сихъ поръ не открытъ способъ узнать „дѣйствительную волю народа“ и онъ не будетъ открытъ, ибо—такой воли не существуетъ и существовать не можетъ. Можно было еще говорить про народную волю въ мелкихъ государствахъ—общинахъ древняго міра, когда весь народъ могъ собраться на одной площади, сообща обсудить дѣло и проголосовать рѣшеніе. По и тогда „воля народная“ всегда была нѣчто колеблющимся, непостояннымъ. Священное Писаніе разъ навсегда нарисовало картину, какъ „народъ“ творитъ свою волю, самъ не зная, въ чемъ заключается его воля. На разстояніи одной недѣли „народъ“ кричалъ сперва: „осанна, осанна“, а затѣмъ „распни Его“. Когда была налицо дѣйствительная воля народа? Въ вербное воскресенье или въ страстную пятницу? Припомните наши „народоправства“, вѣчевыя собранія древней Руси? Воля народная кружилась по вѣтру, какъ флюгеръ на крышѣ. Въ современныхъ государствахъ, гдѣ населеніе превышаетъ милліоны (даже Данія и Норвегія имѣютъ болѣе 2 милл. жителей), нѣтъ никакой

возможности обратиться къ массамъ съ вопросомъ: какъ и что думаетъ и желаетъ „народъ“? И на вопросъ не послѣдовало бы даже отвѣта, ибо масса народная не живетъ сознательной политической жизнью и мыслью. Рѣдко, разъ въ столѣтіе, заговоритъ народное чувство, и то смутное, неопредѣленное. Это случается въ годину великаго бѣдствія. У насъ это было въ 1613 г., въ 1812 г., въ Пруссіи въ 1813 г., и то широкая масса оставалась въ сторонѣ и должна была быть поднята властью и поставлена ею на ноги. Но эта инертность, неповоротливость массы открываетъ просторъ для дѣятельности тѣхъ, кто охотно навязываетъ свою волю другимъ: различнаго рода агитаторамъ профессіональнымъ политикамъ и честолюбцамъ. Чѣмъ уже избирательное право, чѣмъ выше цензъ образовательный и имущественный, тѣмъ меньше простора для агитаціи; наоборотъ, чѣмъ большіе слои населенія охватываются избирательнымъ правомъ, тѣмъ болѣе шансовъ для политическихъ агитаторовъ найти внимательную и легко увлекаемую аудиторію. Нельзя не упускать изъ виду, что по мѣрѣ расширенія избирательнаго права за предѣлы дѣйствительно образованнаго класса, сокращается относительное число дѣйствительно участвующихъ и являющихся къ избирательнымъ урнамъ. Въ странѣ малокультурной, въ особенности, нельзя ждать отъ широкихъ массъ сознательнаго отношенія къ политическимъ обязанностямъ. Обыкновенно даже въ такихъ культурныхъ государствахъ, какъ Англія, Франція, Пруссія, не болѣе 55% избирателей уча-

ствуютъ въ выборахъ, если не наступаетъ какой-нибудь критическій моментъ въ жизни государства и рѣчь идетъ о бытіи или небытіи. (Въ 1906 г. былъ рѣдкій случай, что $^0/_0$ участвующихъ въ выборахъ дошелъ до $85^0/_0$. Это было въ Германіи, когда грозила опасность сильнаго увеличенія соціалъ-демократическихъ тенденцій въ рейхстагѣ). Но если вы пристальнѣе приглядитесь къ тому, что происходитъ на выборахъ, вы легко можете убѣдиться, что и въ средѣ подающихъ свой голосъ только меньшинство дѣйствительно сознательно избираетъ того или другого кандидата. Большинство слѣдуетъ указаніямъ партій, случайному настроенію, желанію скорѣе отдѣлаться отъ исполненія избирательной процедуры. Большинство не иное что, какъ панургово стадо, или какъ въ Германіи выражаются Stimmvieh, т.-е. „голосующій скотъ“. И вотъ на увлеченіе этого панургова стада и разсчитываетъ агитація, разбрасывая различнаго рода прокламаціи, обѣщая всякаго рода будущія благодѣянія, обѣщая даже невозможное. Чѣмъ ниже степень умственнаго развитія избирателей, тѣмъ скорѣе оправдывается разсчетъ ее увлечь. Поэтому партіи радикальныя, оперирующія при помощи возбужденія темныхъ инстинктовъ массы, всегда стоятъ за устраненіе всякаго имущественнаго ценза и за пониженіе ценза образовательнаго. Что касается увѣренія, что при всеобщей, равной подачѣ голосовъ получится народное представительство, пользующееся дѣйствительнымъ довѣріемъ народа, то оно.

какъ уже сказано выше, или фраза, или заблужденіе, или сознательная ложь.

Довѣріе народа пріобрѣтается не рѣчами, не партійными программами, не научной дѣятельностью. Даже знаменитѣйшіе публицисты не могли бы сказать, что они пользуются довѣріемъ „народа“, хотя бы число читающихъ ихъ статьи достигало сотенъ тысячъ. Народную массу можно увлечь словами или писаніемъ на короткое время, но дѣйствительное, серьезное довѣріе народа покоится всегда на любви, или благодарности за услугу, оказанную въ тяжелое время, за дѣянія, оставившія глубокій слѣдъ въ народной душѣ. Даже выдающихся политиковъ народъ мало знаетъ и скоро забываетъ. Характеренъ эпизодъ изъ жизни знаменитаго римскаго оратора и политика Цицерона, который управлялъ со славой 5 лѣтъ провинціей Сициліей, и, возвратившись въ Римъ, былъ встрѣченъ добрыми знакомыми съ вопросомъ: „гдѣ онъ былъ въ теченіе долгихъ лѣтъ?“ Исторія доказываетъ, что довѣріемъ народа пользуются герои войны, герои вѣры, самоотверженные благотворители, врачи (послѣдніе не повсемѣстно, а въ узкомъ кругу города, уѣзда, губерніи), а парламентскіе дѣятели въ рѣдкихъ случаяхъ и лишь послѣ долгихъ лѣтъ безупречной дѣятельности становятся извѣстными народу, если они въ рѣшительную минуту сумѣютъ сказать слово, находящее откликъ въ душѣ народной (обыкновенныхъ парламентскихъ рѣчей „народъ“ цѣликомъ не читаетъ). Про довѣріе къ себѣ народа могли говорить: Евгеній Савойскій, Вашингтонъ, Блюхеръ,

Радецкій, Суворовъ, Скобелевъ, Бисмаркъ, Мольтке, Гарибальди. А много ли народъ зналъ или помнитъ про парламентскихъ дѣятелей французскихъ палатъ 1815—1830, 1848—1852 г., или прусскихъ ландтаговъ и германскихъ рейхстаговъ? Если бы можно было устроить анкетъ, пришлось бы убѣдиться, что въ глубинѣ народной массы даже очень знаменитые члены парламентовъ остаются неизвѣстными. Довѣріемъ народа пользовались знаменитые святители церкви и религіозные реформаторы. Даже мелкіе люди, но дѣятели не словами, а дѣломъ, пріобрѣтали любовь и довѣріе народное. Напр. въ 1830—1840 гг. въ Москвѣ пользовался громаднымъ довѣріемъ скромный врачъ Ѳ. Гаазъ. Все простонародье знало его, а знало ли оно Грановскаго, Кудрявцева, Станкевича?—Едва-ли!

Въ политической жизни подъ „народомъ“ каждая партія понимаетъ своихъ сторонниковъ, каждый политическій дѣятель—своихъ друзей. Ихъ согласіе и сочувствіе признается выраженіемъ „народнаго довѣрія“. Всякій несогласный считается если не врагомъ народа, то во всякомъ случаѣ не пользующимся его „довѣріемъ“.

Это самозванство политическихъ партій, выступающихъ отъ имени народа и по его „довѣрію“, объясняется именно тѣмъ, что народная масса никакихъ сознательныхъ политическихъ стремленій не имѣетъ и, въ сущности, и имѣть не желаетъ. Народная масса не желаетъ управлять и руководить, а желаетъ быть управляемой и руководимой. Потому-то и часты въ исторіи случаи, когда „отъ

имени народа“ совершались дѣйствія, противорѣчащія другъ другу. Это особенно рѣзко выступаетъ въ исторіи того народа, въ средѣ котораго появилась и развилась идея о народовластіи и о волѣ народной, выраженной въ волѣ большинства, — во Франціи. Въ 1789 г. по „волѣ народа“ государственные земскіе чины объявили себя національнымъ собраніемъ, въ 1791 г. по волѣ народа объявили конституцію и Людовикъ XVI сталъ конституціоннымъ королемъ, въ 1792 г. по „волѣ народа“ его свергнули, въ 1793 г. по волѣ народа его казнили. Все по волѣ народа! По волѣ народа погибла партія жирондистовъ, затѣмъ по очереди погибали болѣе радикальныя партіи, наконецъ сами террористы-якобинцы. Въ 1795 г. по „волѣ народа“ французская республика получила новое устройство, которое по „волѣ народа“ черезъ 3 года признано было негоднымъ и было измѣнено въ 1799 г. по „волѣ народа“ Наполеонъ Бонапартъ ввелъ новое государственное устройство, которое онъ же по волѣ народной замѣнилъ инымъ черезъ 3 года. Онъ же наконецъ въ 1804 г. по „волѣ народа“ замѣнилъ республику имперіей. „По волѣ народа“ его свергли въ 1814 г., и „народъ“ привѣтствовалъ возвращеніе древней династіи Бурбоновъ. Въ 1815 г. „по волѣ народа“ возвратился опять Наполеонъ, а черезъ 100 дней былъ по волѣ народа опять низложенъ и воля народа опять призвала на престолъ Бурбоновъ. Въ 1830 г. „воля народная“ низлагаетъ Бурбоновъ и возводитъ на престолъ Людовика-Филиппа. Въ 1848 г. „воля на-

родная“ свергаетъ Людовика-Филиппа и провозглашаетъ республику. Согласно волѣ народной избирается президентомъ республики Людовикъ-Наполеонъ, который въ 1852 г. „по волѣ народной“ замѣняетъ республику монархіей. Въ 1869 г. Наполеонъ III дѣлаетъ всенародный опросъ (плебисцитъ), дабы узнать согласенъ ли народъ съ политикой избранника своего. „Народъ“ громаднымъ большинствомъ голосовъ говоритъ „да“. Въ іюлѣ 1870 г. весь Парижъ кричитъ, что „народъ“ желаетъ войны съ Пруссіей, а въ сентябрѣ 1870 г. весь Парижъ кричитъ, что народъ никогда не желалъ войны и свергаетъ Наполеона и провозглашаетъ республику.

Въ мартѣ 1871 г. „народъ“ объявляетъ въ Парижѣ „коммуну“, соціалистическое самоуправленіе автономныхъ общинъ, а въ маѣ 1871 г. по волѣ французскаго народа Тьеръ и Макъ-Магонъ берутъ штурмомъ Парижъ, уничтожаютъ коммуну и казнятъ коммюнаровъ!

Изъ этого хаоса противорѣчій можно сдѣлать только одинъ выводъ: народъ въ цѣломъ не имѣлъ и не имѣетъ никакой воли въ политикѣ. И даже самая демократическая избирательная система, даже всеобщая, прямая, тайная и равная подача голосовъ не дастъ вамъ выраженія „воли народа“, а только выраженіе политическихъ стремленій и желаній различныхъ партій, или, если сказать всю правду,— ихъ главарей и руководителей.

Предвижу возраженіе: если демократическая избирательная система не даетъ возможности узнать

дѣйствительную волю народа, то она по крайней мѣрѣ даетъ возможность собрать въ народномъ представительствѣ представителей различныхъ оттѣнковъ политической мысли и различныхъ интересовъ, хозяйственныхъ и соціальныхъ. Въ парламентѣ будутъ засѣдать представители и крупныхъ капиталистовъ и мелкихъ, и крупныхъ и мелкихъ промышленниковъ, торговцевъ, землевладѣльцевъ, рабочихъ, либеральныхъ профессій и т. д.

Въ теоріи это такъ, но на практикѣ едва ли. Есть опасность налицо, и не малая, что масса народная поглотитъ собой представителей высшихъ, просвѣщенныхъ, образованныхъ классовъ, которые въ сущности ведутъ народъ на пути умственнаго и матеріальнаго прогресса. А всего вѣроятнѣе, что большинство представителей будетъ состоять изъ профессіональныхъ политиковъ, которые изъ занятія парламентской политикой дѣлаютъ ремесло, для нихъ самихъ весьма выгодное, а для государства весьма вредное. Этотъ типъ профессіональныхъ парламентарныхъ дѣятелей выработался во всѣхъ тѣхъ государствахъ, которыя ввели у себя всеобщую, равную, прямую и тайную подачу голосовъ. Эти дѣльцы превращаютъ парламентскую дѣятельность въ своекорыстное занятіе, удовлетворяющее ихъ честолюбіе и корыстолюбіе. Изъ нихъ образуется новый типъ бюрократіи, парламентской, со всѣми недостатками старой чиновной бюрократіи въ абсолютной монархіи, т.-е. съ протекціонизмомъ, непотизмомъ, кумовствомъ и даже съ продажностью. Этотъ сортъ людей хорошо знакомъ Соединеннымъ

Штатамъ Сѣверной Америки, Франціи, Италіи, Бельгіи и др.

Такимъ образомъ отказъ отъ всякаго ценза не достигаетъ цѣли: устройства народнаго представительства, члены котораго были бы дѣйствительными выразителями народной волп и всѣхъ оттѣнковъ политической мысли. Но въ то же время такая радикально-демократическая избирательная система можетъ оказаться весьма опасной и вредной.

Законодательство культурныхъ государствъ становится все сложнѣе и многостороннѣе. Развитіе народнаго хозяйства и соціальной жизни вызываетъ регулированіе такихъ вопросовъ и отношеній, про которые еще лѣтъ 50 тому и помину не было. Стоитъ только назвать желѣзнодорожное хозяйство, тарифную систему, банковое дѣло, вопросъ объ акціонерныхъ компаніяхъ, о биржѣ, о различнаго рода учрежденіяхъ поземельнаго кредита, о регулированіи различнаго рода отношеній, связанныхъ съ землевладѣніемъ, фабричное и рабочее законодательство, вопросъ о школьной системѣ и т. д. Для того, чтобы съ пользою для дѣла участвовать въ обсужденіи и рѣшеніи этихъ вопросовъ, не нужно ли и самому что-либо знать и знать кого выбирать для непосредственнаго участія въ законодательствѣ?

Въ настоящее время менѣе чѣмъ когда-либо, достаточно родиться, дожить до 21 или 25 лѣтъ и называться гражданиномъ. Для осуществленія политическихъ обязанностей, въ особенности такихъ, какъ обязанность участвовать въ дѣятельности верховной власти, нужно теперь обладать познаніями и опыт-

ностью. (Я конечно говорю про сознательное отношеніе: для того, чтобы по командѣ партійныхъ вожаковъ слѣпо класть шары направо или налѣво, не надо имѣть познаній; напротивъ, чѣмъ меньше, тѣмъ лучше).

И вотъ именно потому-то всеобщее избирательное право въ наше время и нежелательно и странно видѣть возрастаніе количества его сторонниковъ.

Жизнь отъ насъ требуетъ все большаго и большаго. Даже земледѣліе не успѣваетъ болѣе при прадѣдовской простотѣ. Даже нѣкогда простая добывающая промышленность становится сложнымъ техническимъ дѣломъ. А—вдругъ, въ разрѣзъ съ этимъ повышеніемъ требованій къ современному человѣку, идетъ требованіе передать важнѣйшее и труднѣйшее дѣло: законодательство — въ руки всякаго, кого случай выводитъ на стезю парламентарной дѣятельности. Вѣдь радикалы требуютъ, чтобы каждый гражданинъ съ 21 года имѣлъ право и избирать и быть избраннымъ, такъ что закономъ открывается возможность парламента, состоящаго изъ юношей и молодыхъ дѣвицъ! Это требованіе просто комично! Жаль, что его осуществленіе можетъ оказаться трагическимъ для государства.

Въ связи съ требованіемъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, стоитъ требованіе тайной подачи голосовъ. Для успѣха дѣла необходимо-де, чтобы гражданинъ исполнялъ свою гражданскую обязанность тайно, чтобы никто не зналъ, кого онъ избираетъ. Тогда-де будетъ обезпечена дѣйствительная свобода выборовъ, ибо при тайной

подачѣ голосовъ нельзя будетъ вліять на голосующихъ угрозами, подкупомъ, обѣщаніями и т. д. Зависимые люди могутъ свободно подать голосъ, не боясь мести или злобы тѣхъ, отъ кого они зависятъ. Исходъ голосованія—результатъ анонимной силы, на которую никто вліять не можетъ, ибо никто не знаетъ, изъ кого она состоитъ.

Со всѣми этими соображеніями согласиться едва ли возможно.

Тайная подача голосовъ возводитъ гражданскую трусость на степень добродѣтели. Это такъ. Но свободы выборовъ она отнюдь не гарантируетъ. Подкупы, угрозы и другія средства воздѣйствія играютъ роль и при тайной подачѣ голосовъ. Въ государствахъ, гдѣ общественная нравственность стоитъ невысоко, — найдется множество лицъ, которыя за вознагражденіе подадутъ голосъ за кого угодно. Съ другой стороны, при тайной подачѣ голосовъ открыта широкая возможность уклоняться отъ исполненія гражданской обязанности, и число уклоняющихся, какъ уже указано выше, всегда очень крупное.

При тайной подачѣ голосовъ нѣтъ возможности дѣйствительно обезпечить добросовѣстный и точный подсчетъ голосовъ, да и легко возможна подтасовка при исполненіи избирательной обязанности.

Но и независимо отъ этой опасности, тайная подача голосовъ имѣетъ еще ту слабую сторону, что при помощи ея устраняется весьма необходимое и желательное вліяніе высокаго общественнаго положенія, образованія, просвѣщенной дальновидности. Ихъ мѣсто

заступаетъ вліяніе агитаціи самаго низшаго сорта. Не слѣдуетъ предаваться заблужденіямъ. Не лучшіе люди руководятъ необразованной массой Нѣтъ: худшіе элементы, опаснѣйшіе для развитія общества пріобрѣтаютъ при выборахъ, особенно тайныхъ, наибольшее вліяніе. Честный и порядочный человѣкъ незнакомъ даже со всѣми тѣми агитаціонными пріемами, съ помощью которыхъ можно съ успѣхомъ воздѣйствовать на массы. Да и если бы онъ былъ съ ними знакомъ, онъ ими не воспользовался бы, ибо не могъ бы примириться съ іезуитской моралью: „цѣль оправдываетъ средства".

Только различнаго рода продѣлки и объясняютъ неожиданный иногда успѣхъ радикальныхъ партій.

Открытая подача голосовъ самый лучшій корективъ противъ этихъ продѣлокъ и противъ склонности большинства или зря подавать голосъ, или совершенно уклоняться отъ выборовъ. Не мало количество лицъ, которыя трижды передумаютъ сдѣлать что-либо открыто, что они безъ колебанія—дѣлаютъ тайно. При открытой подачѣ голосовъ пробивается наружу сознаніе отвѣтственности, которая совершенно молчитъ при голосованіи тайномъ.

Тайная подача голосовъ есть признакъ болѣзненнаго состоянія общества, гдѣ трусость замѣняетъ гражданское мужество.

Что касается четвертаго члена указанной выше формулы (т. н. четырехвостки), прямой подачи голосовъ, то онъ—единственное разумное требованіе, ибо многостепенные выборы не обезпечиваютъ за избирателями возможности избрать въ концѣ кон-

цовъ такихъ народныхъ представителей, которымъ они дѣйствительно довѣряютъ. Напротивъ: при многостепенныхъ выборахъ случаю и партійнымъ интригамъ и продѣлкамъ открыто слишкомъ широкое поле. Однако, прямые выборы возможны лишь при извѣстныхъ условіяхъ, а именно при извѣстной густотѣ населенія, когда избиратели въ достаточномъ количествѣ могутъ собраться въ мѣстѣ, назначенномъ для выборовъ безъ лишней траты времени и далекихъ разъѣздовъ. У насъ, напр., въ Россіи, при малой населенности многихъ губерній и плохихъ путяхъ сообщенія, прямые выборы возможны лишь въ городахъ, а въ уѣздѣ приходится довольствоваться двухстепенными и даже трехстепенными выборами.

Такимъ образомъ, знаменитая демократическая избирательная система съ всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ, не пригодна для конституціонной монархіи, которая, если стремится къ устойчивости и прочности, порядку и миру, не можетъ передать законодательство въ руки народной массы, низшихъ классовъ, а должна обезпечить должное вліяніе за высшими — образованными, воспитанными классами, которые не склонны къ внезапнымъ политическимъ экспериментамъ и не такъ легко поддаются на краснорѣчивыя обѣщанія и пышные планы будущаго благополучія.

Я не имѣю возможности войти въ разсмотрѣніе различныхъ избирательныхъ системъ. Для этой цѣли понадобился бы цѣлый спеціальный курсъ. Но не могу не высказать убѣжденія, что всѣ до-

VII - 1912

нынѣ существовавшія избирательныя системы полны крупнѣйшихъ недостатковъ. Ни одна изъ нихъ не даетъ увѣренности въ томъ, что народное представительство есть дѣйствительно представительство народа, или, по крайней мѣрѣ, большинства населенія. Много ученыхъ и практическихъ государственныхъ дѣятелей трудилось надъ изобрѣтеніемъ цѣлесообразной и справедливой избирательной системы. Придуманы различныя системы пропорціональныхъ выборовъ, якобы дающія возможность и меньшинству получить представителей въ парламентѣ. Эти системы не достигли цѣли, ибо фактически только меньшинство и представлено въ парламентѣ. Нужно додуматься до такого избирательнаго права, которое обезпечило бы *большинство* противъ навязыванія ему воли меньшинства. Вотъ въ чемъ недостатокъ т. н. представительнаго образа правленія, который побудилъ одного изъ самыхъ энергичныхъ противниковъ конституціоннаго режима, покойнаго К. П. Побѣдоносцева, назвать его „великою ложью нашего времени“.

2007058734